

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло (Италия). Интеза Санпаоло является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Представительство Интеза Санпаоло действует уже более 45 лет. Группа обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией. Кроме этого, участвует в финансировании крупных национальных и международных российских проектов.

Банк Интеза работает в 21 регионе России от Калининграда до Владивостока и предлагает полный спектр банковских услуг для малого и среднего бизнеса, частных и корпоративных клиентов.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216

Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

Banca Intesa è la sussidiaria russa del Gruppo Intesa Sanpaolo (Italia), il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

Il Gruppo è presente in Russia da oltre 45 anni e intermedia più della metà dell'interscambio italo-russo. Tra le sue attività anche quella del finanziamento dei grandi progetti russi sia nazionali che internazionali.

Banca Intesa è presente in 21 regioni della Russia da Kaliningrad a Vladivostok e offre una vasta gamma di prodotti e di servizi bancari altamente personalizzati per le piccole e medie imprese, le aziende e i clienti privati.

La responsabilità sociale è uno dei valori fondamentali di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, particolarmente attivi nella promozione di varie iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia 2216

Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество)

«Газпромбанк» (Акционерное общество) – один из крупнейших универсальных финансовых институтов России, предоставляющий широкий спектр банковских, финансовых, инвестиционных продуктов и услуг корпоративным и частным клиентам, финансовым институтам, институциональным и частным инвесторам. Банк входит в тройку крупнейших банков России по всем основным показателям и занимает третье место в списке банков Центральной и Восточной Европы по размеру собственного капитала. Банк обслуживает ключевые отрасли российской экономики – газовую, нефтяную, атомную, химическую и нефтехимическую, черную и цветную металлургию, электроэнергетику, машиностроение и металлообработку, транспорт, строительство, связь, агропромышленный комплекс, торговлю и другие отрасли. Розничный бизнес также является стратегически важным направлением деятельности Банка, и его масштабы последовательно увеличиваются. Частным клиентам предлагается полный набор услуг: кредитные программы, депозиты, расчетные операции, электронные банковские карты и др. Газпромбанк занимает сильные позиции на отечественном и международном финансовых рынках, являясь одним из российских лидеров по организации и андеррайтингу выпусков корпоративных облигаций, управлению активами, в сфере частного банковского обслуживания, корпоративного финансирования и других областях инвестиционного банкинга. В числе клиентов Газпромбанка – около 5 миллионов физических и порядка 45 тысяч юридических лиц. В настоящее время Газпромбанк участвует в капитале банков, расположенных в России, Республике Беларусь, Швейцарии и Люксембурге, финансовых компаний на Кипре и в Гонконге, имеет представительства в Нур-Султане (бывшая Астана) (Казахстан), Пекине (Китай), Улан-Баторе (Монголия) и Нью-Дели (Индия). В России региональная сеть Газпромбанка представлена 20 филиалами, расположенными от Калининграда до Южно-Сахалинска. Общее число офисов, предоставляющих высококачественные банковские услуги, превышает 420. Газпромбанк является членом Российского национального комитета Международной торговой палаты.

Gazprombank (Società per azioni) è una delle più grandi istituzioni finanziarie universali in Russia, che fornisce un'ampia gamma di prodotti e servizi bancari, finanziari e di investimento a clienti aziendali e privati, istituzioni finanziarie, investitori istituzionali e privati. È una delle tre maggiori banche in Russia in tutti i principali indicatori e si colloca al terzo posto nell'elenco delle banche dell'Europa Centrale e Orientale in termini di capitale proprio. Serve i settori chiave dell'economia russa: gas, petrolio, nucleare, chimica e petrolchimica, siderurgia e metallurgia non ferrosa, energia elettrica, ingegneria meccanica e lavorazione dei metalli, trasporti, edilizia, comunicazioni, complessi agroindustriali, commercio e altre industrie. Anche il commercio al dettaglio è un'area strategicamente importante delle attività della Banca, e la sua portata è in costante aumento. Ai clienti privati viene offerta una gamma completa di servizi: programmi di credito, depositi, transazioni di regolamento, carte bancarie elettroniche, ecc. Gazprombank detiene una forte posizione nei mercati finanziari nazionali e internazionali, essendo uno dei leader russi nell'organizzazione e sottoscrizione di emissioni di obbligazioni societarie, asset management, private banking, corporate finance e altre aree dell'investment banking. Tra i clienti di Gazprombank ci sono circa 5 milioni di persone fisiche e circa 45mila persone giuridiche. Attualmente Gazprombank partecipa al capitale di banche ubicate in Russia, Bielorussia, Svizzera e Lussemburgo, società finanziarie a Cipro e Hong Kong, ha uffici di rappresentanza a Nur-Sultan (ex Aстана) (Kazakistan), Pechino (Cina), Ulan-Bator (Mongolia) e Nuova Delhi (India). In Russia, la rete regionale di Gazprombank è rappresentata da 20 filiali situate da Kaliningrad a Južno-Sachalinsk. Il numero totale di uffici che forniscono servizi bancari di alta qualità supera i 420. Gazprombank è membro del Comitato Nazionale Russo della Camera di Commercio Internazionale.

Conoscere Eurasia Edizioni

XII

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'Associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 100 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб-квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А.С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 100 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменных, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 sono stati introdotti l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa. Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere. Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario

Maria Pia Pagani

Curatore della parte russa

Anna Vladislavovna Jampol'skaja

Progettazione e cura grafica

Unidea Srl

Per i singoli racconti © Autori

Per le traduzioni © Traduttori

Per l'Edizione © 2021 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

Главный редактор

Мария Пиа Пагани

Редактор русской части

Анна Владиславовна Ямпольская

Разработка проекта и графическое оформление

Унидея

© Рассказы. Авторы произведений

© Переводы. Переводчики произведений

© Составление, оформление. Ассоциация «Познаём Евразию», 2021

37129 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11

info@conoscereeurasia.it

www.conoscereeurasia.it

ISBN 978-88-945332-4-8

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

È passato più di un anno dall'inizio dell'emergenza Coronavirus nel mondo: era il 31 dicembre 2019. Il 20 febbraio e il 26 marzo 2021 segnano un anno dalla comparsa del Covid-19 rispettivamente in Italia e in Russia. Gli anni 2020 e 2021 passeranno alla storia per la pandemia da SARS-CoV-2, che ha provocato una crisi sanitaria, economica e sociale senza precedenti a livello globale. Quasi un anno dopo la dichiarazione ufficiale della pandemia dell'11 marzo 2020 da parte dell'Organizzazione Mondiale della Sanità si sono registrati oltre 113 milioni di casi e 2,5 milioni di decessi. Il Covid-19 è il primo evento pandemico che abbia investito simultaneamente, e con una velocità di contagio impressionante, tutti i continenti.

Dalla crisi pandemica dobbiamo trarre tutti, scienziati, politici, uomini d'impresa, persone comuni, intellettuali, la lezione di un grande bagno di umiltà. Troppo a lungo si è coltivata l'illusione che le nuove tecnologie del digitale, prodotte dalla quarta rivoluzione industriale, ci avrebbero assicurato una crescita lineare, senza limiti seri di sorta. Si pensi, ad esempio, alle tante promesse avanzate dai cultori del progetto transumanista, incardinato presso la "University of Singularity" in California. Si consideri che nel 1969 William Stewart (1921-2008), allora *Surgeon General* degli Stati Uniti, dichiarò al Congresso che "la guerra contro le malattie infettive era ormai vinta". Pochi anni dopo, la Medical School dell'Università di Harvard e quella dell'Università di Yale chiusero addirittura i loro dipartimenti di malattie infettive.

È urgente capire che la pandemia Covid-19, sanitaria ed economica, non è un "cigno nero", un evento inatteso e imprevedibile. Malgrado non fosse stata affatto prevista dai mercati finanziari, era perfettamente prevedibile, come spiega con grande maestria da storico e non comune competenza scientifica Frank Snowden (*Epidemic and Society. From the Black Death to the Present*, Yale University Press, 2019). E non è nemmeno uno "shock esogeno". È un disastro prodotto da noi che, nel determinare alterazioni traumatiche

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Прошло больше года с возникновения чрезвычайной ситуации с коронавирусом в мире: это было 31 декабря 2019 года. 20 февраля и 26 марта 2021 года исполнился год с момента появления Covid-19 в Италии и России. 2020 и 2021 войдут в историю как годы пандемии SARS-CoV-2, вызвавшей беспрецедентный медицинский, экономический и социальный кризис на глобальном уровне. Почти год спустя после официального объявления о пандемии 11 марта 2020 года Всемирной организацией здравоохранения было зарегистрировано более 113 миллионов случаев заболевания и 2,5 миллиона смертельных исходов. Covid-19 — первое пандемическое явление, охватившее одновременно и с поразительной скоростью распространения инфекции, все континенты.

Из пандемического кризиса все мы — ученые, политики, бизнесмены, простые люди и интеллигенция — должны вынести урок великого смирения. Слишком долго культивировалась иллюзия того, что новые цифровые технологии, созданные четвертой промышленной революцией, способны обеспечить постоянный рост, без каких-либо серьезных ограничений. Например, вспомним многочисленные обещания энтузиастов трансгуманистического проекта, основанного в Университете сингулярности в Калифорнии. В 1969 году Уильям Стюарт (1921–2008), в то время главный хирург Соединенных Штатов, объявил в Конгрессе, что «война против инфекционных заболеваний уже выиграна». Несколько лет спустя Медицинский факультет Гарвардского университета и Медицинский факультет Йельского университета даже закрыли инфекционные отделения.

Необходимо срочно осознать, что для здравоохранения и экономики пандемия Covid-19 — не «черный лебедь», не неожиданное и непредсказуемое событие. Хотя финансовые рынки не предвидели пандемии, ее можно было предсказать, как объясняет замечательный историк и незаурядный ученый Фрэнк Сноуден («Эпидемии и общество: от черной смерти до нашего времени», 2019). И это не «экзогенный шок», не нечто, обрушившееся на нас извне. Это катастрофа, порожденная нами, ведь мы сами провоцируем травматические изменения в природе, которые обращаются против нас, обнажая всю нашу уязвимость. Как часто доминирует бредовое представление о всемогуществе человека...

Это одно из неизбежных последствий современной геологической эпохи, которую Пауль Йозеф Крутцен

nella natura, si ritorce contro di noi mettendo a nudo la nostra vulnerabilità. Domina il pensiero delirante di onnipotenza.

È una delle inevitabili conseguenze dell'epoca geologica odierna definita Antropocene da Paul Jozef Crutzen, in cui l'ambiente terrestre, inteso come l'insieme delle caratteristiche fisiche, chimiche e biologiche in cui si svolge ed evolve la vita, è fortemente violentato su scala, sia locale sia globale, dagli effetti dell'azione umana: effetti che sono stati aggravati notevolmente dal sistema neoliberistico, che da oltre 50 anni plasma la politica economica e la vita della stragrande maggioranza dei Paesi del mondo.

Siamo diventati la specie dominante sulla Terra, e quindi siamo in grado di spezzare le catene alimentari di tutti gli altri animali, ma siamo anche il miglior veicolo per gli elementi patogeni. In termini di evoluzione biologica, per un virus è molto più "efficace" attaccare gli esseri umani che la renna artica, già in pericolo a causa del riscaldamento globale. È soprattutto la distruzione della biodiversità a favorire la diffusione dei virus. La crisi ecologica ci condanna a pandemie ricorrenti. Accontentarsi di dotarsi di mascherine ed enzimi per il prossimo futuro equivarrebbe a trattare solo il sintomo. Il male è più profondo ed è la sua radice che deve essere estirpata.

La pandemia sanitaria ha aggravato la recessione economica ancora in atto nel nostro pianeta, che era stata causata, come sappiamo, dalla crisi del settore dei mutui residenziali statunitensi del 2007, che a sua volta aveva originato quella del debito sovrano (2011-2012).

Si è abbattuta su un mondo estremamente diseguale. Un mondo in cui uno sparuto gruppo di 2000 miliardari possiede maggiore ricchezza di quanta non ne possa spendere in un migliaio di vite; un mondo in cui quasi metà dell'umanità (più di tre miliardi di persone) è costretta a sopravvivere con meno di 5,5 dollari al giorno, un miliardo e trecento milioni di persone sopravvivono con un dollaro al giorno e non ha accesso a fonti di d'acqua potabile e due miliardi di persone non possono usufruire dell'elettricità. Un mondo in cui il reddito dell'1% della popolazione più ricca, rappresenta il 18% di tutta la ricchezza mondiale ed equivale al doppio di quello percepito dalla metà più povera della popolazione globale. Un mondo in cui ogni anno muoiono 30 milioni di persone di fame e 7 milioni di bambini a causa della crisi del debito pubblico del loro paese, in cui 2 miliardi di persone soffrono di anemia e 790 milioni di persone di sottoalimentazione cronica, in cui per 1 dollaro di sussidio ricevuto, i paesi in via di sviluppo spendono 13 dollari per ripagare il debito e in cui quasi 1 miliardo di persone non sa né leggere né scrivere il proprio nome.

определил как антропоцен: земная окружающая среда, понимаемая как совокупность физических, химических и биологических характеристик, при которых протекает и развивается жизнь, подвергается серьезному насилию как в локальном, так и в глобальном масштабе. Это происходит из-за последствий человеческой деятельности, которые значительно усугубила неолиберальная модель, более полувека определяющая экономическую политику и жизнь подавляющего большинства стран мира.

Мы стали доминирующим видом на Земле и поэтому способны разорвать пищевые цепочки всех других животных, но мы также являемся лучшими переносчиками патогенных элементов. С точки зрения биологической эволюции для вируса гораздо эффективнее нападать на человеческие существа, чем на арктических оленей, которым и так угрожает исчезновение из-за глобального потепления. Уничтожение биологического разнообразия особенно способствует распространению вирусов. Экологический кризис обрекает нас на повторяющиеся пандемии. Довольствоваться запасом масок и энзимов в ближайшем будущем означает бороться только с симптомами. Болезнь находится глубже, нужно уничтожить ее корень.

Пандемия усугубила продолжающийся экономический спад на нашей планете, который, как известно, был вызван кризисом в американском секторе ипотечного жилищного кредитования в 2007 году, в свою очередь, положившим начало кризису суверенного долга (2011–2012 гг.).

Пандемия обрушилась на мир, где царит неравенство. Мир, где крошечная группа из 2000 миллиардеров обладает богатством большим, чем они способны потратить за тысячу жизней; мир, в котором почти половина населения (более трех миллиардов человек) вынуждена выживать менее чем на 5,5 доллара в день, где один миллиард триста миллионов человек выживают на один доллар в день и не имеют доступа к питьевой воде, а два миллиарда человек не имеют возможности пользоваться электричеством. Мир, в котором доходы 1% самого богатого населения составляют 18% всех мировых богатств и в два раза превышают заработок самой бедной половины мирового населения. Мир, в котором 30 миллионов человек ежегодно умирают от голода, а 7 миллионов детей умирают из-за кризиса государственного долга своих стран; мир, в котором 2 миллиарда человек страдают от анемии, а 790 миллионов человек — от хронического недоедания; где на каждый 1 доллар полученной помощи развивающиеся страны тратят 13 долларов на погашение долга и где почти 1 миллиард человек не умеет читать и не может написать собственное имя.

Пандемия усилила неравенство, сделав богатых богаче, а бедных беднее. Всего за девять месяцев с февраля 2020 года состояния 1000 крупнейших миллиардеров мира восстановились до предпандемического уровня, в

La pandemia ha incrementato addirittura le disuguaglianze, rendendo più ricchi i ricchi e più poveri i poveri. In solo nove mesi dal febbraio del 2020 si sono ricostituiti ai livelli della prepandemia i patrimoni dei 1000 più grandi miliardari del mondo, mentre i redditi delle persone più povere dovranno aspettare non meno di dieci anni per risalire al loro livello precovid. Nel settembre del 2020 Jeff Bezos avrebbe potuto pagare agli 876.000 lavoratori di Amazon un bonus di 105.000 dollari senza scalfire minimamente la sua ingente ricchezza. L'incremento della ricchezza dei 10 miliardari più ricchi dall'inizio della crisi pandemica è più che sufficiente per tutelare gli abitanti della terra dalla povertà causata dal Coronavirus e per pagare loro il vaccino contro il Covid-19.

Per superare la crisi sistemica del modello neoliberistico, aggravata dalla pandemia o sindemia sanitaria è urgente incamminarsi verso uno sviluppo sociale ed economico alternativo. Non possiamo guardare al futuro attraverso lo specchietto retrovisore della globalizzazione finanziaria.

La pandemia ci costringe a trasformare radicalmente le nostre relazioni sociali. Oggi il neoliberismo conosce "il prezzo di tutto e il valore di niente", per citare una efficace formula di Oscar Wilde. Dobbiamo capire che la vera fonte di valore sono le nostre relazioni umane e quelle con l'ambiente. Per privatizzarle le distruggiamo e roviniamo le nostre società, mentre mettiamo a rischio vite umane. Non siamo monadi isolate, collegate solo da un astratto sistema di prezzi, ma esseri di carne interdipendenti con gli altri e con il territorio. La salute di ciascuno riguarda tutti gli altri. La salute è un bene comune globale e deve essere gestita come tale.

Ma la salute è solo un esempio: anche l'ambiente, l'istruzione, la cultura, la biodiversità sono beni comuni globali. Dobbiamo immaginare istituzioni che ci permettano di valorizzarli, di riconoscere le nostre interdipendenze e rendere forti le nostre società. I beni comuni, del resto, aprono uno spazio tra il mercato e lo Stato, tra il privato e il pubblico.

La paura della scarsità dei beni, che abbiamo scoperta durante questa pandemia, ha un risvolto positivo. Essa ci libera dal narcisismo consumistico, dal "voglio tutto e subito". Ci riporta all'essenziale e alla qualità delle relazioni umane e alla solidarietà.

Benvenuti, perciò, in un mondo limitato. Per anni i miliardi spesi per il marketing ci hanno fatto pensare al nostro pianeta come a un gigantesco supermercato, in cui tutto è a nostra disposizione a tempo indeterminato. Ora proviamo brutalmente il senso della privazione e le tragiche difficoltà dell'economia: disoccupazione,

то время как доходы беднейших слоев населения поднимутся до предковидного уровня не менее чем за десять лет. В сентябре 2020 года Джефф Безос мог бы выплатить 876 000 работникам «Amazon» премию в размере 105 000 долларов, ничуть не повредив своему огромному богатству. Прирост состояния 10 богатейших миллиардеров с начала пандемического кризиса более чем достаточен для того, чтобы защитить жителей Земли от бедности, вызванной коронавирусом, и оплатить им вакцину от Covid-19.

Для преодоления системного кризиса неолиберальной модели, усугубленного пандемией или синдемой, необходимо срочно переориентироваться на альтернативное социально-экономическое развитие. Мы не можем смотреть в будущее в зеркало заднего вида финансовой глобализации.

Пандемия вынуждает нас радикально изменить социальные отношения. Сегодня неолиберализм знает «цену всего и ценность ничего», как выразительно говорил Оскар Уайльд. Мы должны понять, что подлинным источником ценности являются человеческие отношения и отношения с окружающей средой. Приватизируя их, мы их уничтожаем и разрушаем наши общества, подвергая тем самым риску человеческие жизни. Мы не изолированные монады, связанные лишь абстрактной ценовой системой, а существа из плоти и крови, зависящие от других и от среды обитания. Здоровье каждого касается всех остальных. Здоровье — это глобальное общее достояние, к нему так и нужно относиться.

Впрочем, здоровье — лишь один из примеров: окружающая среда, образование, культура, биоразнообразие также являются всеобщим достоянием. Необходимо создать институты, которые позволят нам повысить их ценность, признать нашу взаимосвязанность, укрепить наши общества. В конечном итоге общественное достояние открывает пространство между рынком и государством, между частным и общедоступным. Боязнь нехватки товаров, с которой мы столкнулись во время пандемии, имеет и положительную сторону. Она освобождает нас от потребительского нарциссизма, от «я хочу все и сейчас». Это возвращает нас к главному, к понимаю важности человеческих отношений и солидарности.

Так что добро пожаловать в мир ограничений. Многие годы тратившиеся на маркетинг миллиарды подталкивали нас воспринимать планету как гигантский универмаг, где все доступно в течение неограниченного времени. Сейчас мы столкнулись с лишениями и с серьезными трудностями в экономике: безработица, банкротство, огромное социальное неравенство, разбитые жизни, смерть, ежедневные страдания большинства жителей нашей планеты, находящихся за порогом бедности. Пора привыкнуть жить в счастливой умеренности, помня о том, что запасы нашей планеты не бесконечны.

bancarotta, disuguaglianze sociali abissali, esistenze spezzate, morte, sofferenza quotidiana della maggior parte degli abitanti del nostro pianeta, che vive sotto la soglia della povertà. Dobbiamo abituarci a vivere in felice sobrietà e a rispettare la finitudine del pianeta.

In sostanza, quindi, per costruire concretamente una alternativa al modello economico neoliberista dobbiamo con pazienze e determinazione promuovere un radicale rinnovamento ideale e culturale. Dobbiamo, perciò, confutare lo scetticismo epistemologico e il relativismo individualistico del postmodernismo che ha annunciato: la fine della politica e delle grandi narrazioni (Jean-François Lyotard); la fine della scienza e del suo metodo (Chris Anderson); la fine della storia (Francis Fukuyama). E affermare la capacità cognitiva umana della realtà oggettiva, naturale e sociale, e della storia, contrastando l'ideologia della società liquida descritta dal sociologo polacco Zygmunt Bauman nella quale gli individui si incontrano e scontrano ad ondate in un universo probabilistico senza il sole della certezza. Anzi "l'incertezza è l'unica certezza".

Occorre, inoltre, bandire la concezione dell'uomo-merce connaturata al sistema politico postdemocratico che è stato instaurato proprio dal neoliberismo. In tale contesto occorre combattere la *democrazia* del terzo millennio, che è limitata al rispetto formale delle regole democratiche, ma sempre meno partecipata dai cittadini e sempre più controllata da lobby, soprattutto private, di IT, mass media, finanziarie, economiche e politiche (Colin Crouch).

Del resto non è difficile contestare la connotazione ideologica e strumentale del concetto di democrazia invalso nel linguaggio politico contemporaneo e imposto dallo schieramento atlantico ed europeo. Non dimentichiamo che il governo "popolare" di Pericle per 30 anni (462-430 a. C.) alla guida della città di Atene era bollato dai suoi avversari come un sistema liberticida. E che nel periodo greco-romano *demokratia* significava "il dominio sul popolo" (o sull'intera comunità). Il concetto e il termine di democrazia vanno quindi storicizzati e fondati su basi storiche, politiche e sociali solide.

Se da una parte il neoliberismo è ormai in profonda crisi, dall'altra parte ancora non si profila nitidamente un nuovo e alternativo paradigma economico. E si corre il rischio di una involuzione. In questo interregno si colloca il libro di Klaus Schwab, fondatore del prestigioso Forum Economico Internazionale di Davos, e Thierry Malleret, *Covid 19: The Great Reset*, uscito nel giugno del 2020. I due autorevoli autori per affrontare l'era post-Coronavirus propongono lo *Stakeholder Capitalism*, appellandosi però alla collaborazione e cooperazione tra i Paesi del mondo, che costituisce la *conditio sine qua non*. A tal fine è necessario

Таким образом, для создания альтернативы неолиберальной экономической модели мы должны настойчиво и решительно продвигать радикальное обновление идеалов и культуры. Поэтому нужно опровергнуть эпистемологический скептицизм и индивидуалистический релятивизм постмодернизма, провозгласившего конец политики и великих повествований (Жан-Франсуа Лиотар), конец науки и ее метода (Крис Андерсон), конец истории (Фрэнсис Фукуяма). Пора утвердить человеческую способность познания природной и социальной объективной реальности, а также истории, преодолеть описанную польским социологом Зигмунтом Бауманом идеологию текущей современности, в которой индивиды волнообразно встречаются и сталкиваются в вероятностной вселенной, не согретой солнцем уверенности. Там, где можно быть уверенными в одном — во всеобщей неопределенности.

Необходимо также упразднить концепцию «человека-товара», ставшую естественной для постдемократической политической системы, которая была установлена неолиберализмом. В этом смысле необходимо побороть демократию третьего тысячелетия, которая ограничивается формальным соблюдением демократических правил, но все меньше затрагивает граждан и все больше контролируется лобби, в основном отстаивающими интересы частных компаний: IT-компаний, средств массовой информации, финансовых, экономических и политических структур (Колин Крауч).

Нетрудно оспорить идеологическое и инструментальное понимание демократии, укоренившееся в современном политическом лексиконе и навязанное атлантическим и европейским объединениями. Не будем забывать, что «народное» правительство Перикла, стоявшее в течение тридцати лет (462–430 гг. до н.э.) во главе Афин, его противники заклеили как губительную для свободы систему. И что в греко-римский период «демократия» означала «господство над народом» (или над людским сообществом в целом). Следовательно, концепция и термин «демократия» должны рассматриваться в конкретной исторической обстановке и основываться на прочных исторических, политических и социальных предпосылках.

С одной стороны, неолиберализм переживает глубокий кризис, с другой — новая и альтернативная экономическая парадигма пока четко не просматривается. Есть и риск движения вспять. Об этом говорится в книге Клауса Шваба (основателя престижного Международного экономического форума в Давосе) и Тьерри Маллере «Covid-19: Великая перезагрузка», вышедшей в июне 2020 года. Чтобы пережить посткоронавирусную эпоху, авторы предлагают «капитализм заинтересованных сторон», при этом они призывают к сотрудничеству и кооперации между разными странами как к неременному условию успеха. Для этого необходимо по-

implementare realmente i 2030 *Sustainable Development Goal* delle Nazioni Unite.

La loro proposta, però, non è convincente. Ma davvero c'è una identità profonda tra il bene collettivo e la responsabilità e capacità del sistema delle imprese multinazionali di conseguirlo? E la governance del post-neoliberismo potrà ragionevolmente essere affidata ai medesimi *attori e responsabili* del fallimento dell'economia neoliberista? A qualcuno sembra che si vuole cambiare tutto per non cambiare niente, come ha narrato Giuseppe Tomasi di Lampedusa nel *Gattopardo*. Questo libro di Schwab ad alcuni ricorda, inoltre, il poemetto incompleto di 120 versi *De reditu suo* scritto nel 417 d. C. dal senatore imperiale Rutilio Namanziano, mentre stava facendo ritorno da Roma, saccheggiata dai Goti di Alarico, alla sua terra d'origine, la Gallia, devastata dai Visigoti, per descrivere la decadenza morale e politica dell'impero romano, ormai in preda delle numerose popolazioni barbariche. Tuttavia Namanziano rileggettava al governo dell'Impero i membri dell'ordine senatoriale, che costituivano la *pars melior humani generis*. L'unica, che può indicare, in mezzo alle rovine di un mondo che finisce, "l'ordo renascendi", ovvero il principio del risorgere dalle proprie rovine.

Non dubito che il fondatore del Forum Economico Internazionale di Davos e gli sponsor di questo evento internazionale, frequentato da 50 anni da numerosi capi di Stato e dai Ceo delle più influenti multinazionali a livello mondiale, siano animati personalmente da sinceri convincimenti per superare il neoliberismo e rendere compatibili Profit (Prosperity), People, Planet, secondo il programma attuale del G 20. Tuttavia la loro *Weltanschauung* appare limitata e insufficiente per superare la crisi strutturale del neoliberismo. Essa si colloca in una concezione ancora monopolare della governance internazionale, non rispecchia il profondo processo di trasformazione sociale, economica e geopolitica che attualmente viviamo a livello planetario accelerato proprio dalla crisi sistemica neoliberista. È come se oggi avessimo l'ambizione di esplorare il cosmo, ricorrendo ancora all'osservatorio astronomico del principe di Samarcanda Ulugh Beg, che nel 1429, però disponeva del quadrante più grande del mondo. Da questa crisi possiamo uscire soltanto con una prospettiva multipolare, riconoscendo gli interessi e il ruolo economico e geopolitico di ogni Paese. Del resto gli effetti perversi del neoliberismo, come abbiamo visto, pervadono trasversalmente, sia sul piano economico come su quello culturale e ideologico, il nostro pianeta, proprio grazie al globalismo.

Per superare la crisi strutturale e gli effetti disastrosi del neoliberismo, oggi vissuti e riconosciuti dalla maggior parte della popolazione mondiale, è urgente spezzare tempestivamente le catene geopolitiche e

настоящему реализовать Цели устойчивого развития ООН на период до 2030 года. Однако их предложение не убедительно. Существует ли на самом деле глубинное тождество между коллективным достоянием с одной стороны и стремлением и способностью системы международных предприятий его добиться? Разумно ли доверить систему управления в эпоху постнеолиберализма тем, кто несет ответственность за провал неолиберальной экономики? Как писал в романе «Леопард» Джузеппе Томази ди Лампедуза, некоторые полагают, что мы хотим все изменить, чтобы ничего не менять. К тому же, книга Шваба напоминает небольшую, незавершенную поэму в 120 стихах «О моем возвращении», написанную в 417 г. н. э. сенатором Рутилием Намацианом, когда он возвращался из Рима, разграбленного готами Алариха, к себе на родину, в опустошенную вестготами Галлию. Рутилий Намациан стремился описать моральный и политический упадок Римской империи, ставшей тогда добычей многочисленных варварских племен. При этом он в очередной раз оправдал законность управления империей членами сенаторского сословия, которые составляли «лучшую часть рода человеческого». Ведь только они среди развалин гниющего мира способны указать, как возродиться из руин. Я не сомневаюсь, что основатель Давосского международного экономического форума и спонсоры этого международного мероприятия, в котором на протяжении пятидесяти лет принимают участие многочисленные главы государств и первые лица самых влиятельных транснациональных корпораций мира, искренне стремятся преодолеть неолиберализм и добиться совместимости прибыли, процветания, людей и планеты, как сказано в текущей программе «Большой двадцатки». Тем не менее, их мировоззрение представляется ограниченным и недостаточным для преодоления структурного кризиса неолиберализма. Оно еще относится к монополярной концепции международного управления и не отражает глубокий процесс социальных, экономических и геополитических преобразований, который мы переживаем в настоящее время на планетарном уровне и который системный кризис неолиберализма лишь подгоняет. Все равно, как если бы мы пытались исследовать космос, работая в астрономической обсерватории самаркандского правителя Улугбека, который в 1429 году обладал самым большим квадрантом в мире. Мы можем выйти из этого кризиса только с многополярной перспективой, признавая интересы и экономическую и геополитическую роль каждой страны. Впрочем, как мы убедились, губительные последствия неолиберализма проявляются на нашей планете повсеместно, как в экономическом и культурном, так и в идеологическом плане, истоки этого скрыты в глобализме. Для преодоления структурного кризиса и катастрофических последствий неолиберализма, которые сегодня переживает и признает большинство населения мира, необходимо своевременно разрушить геополитические

i pregiudizi ideologici. E insieme nel quadro di una governance globale e multipolare promuovere una rivoluzione culturale, etica ed economica che ci permetta di delineare un nuovo modello di sviluppo sociale e dell'economia globale, che metta al centro la dignità e i valori autentici dell'uomo. Soltanto con una solidarietà globale possiamo salvare il pianeta e la stessa umanità, emulando quella solidarietà dimostrata durante la Seconda guerra mondiale da Paesi profondamente divisi politicamente, economicamente e ideologicamente, che hanno saputo mettere da parte inimicizie e conflitti per unire le loro forze per sconfiggere un nemico comune e molto pericoloso: il nazismo.

È urgente riformare profondamente le strutture, ormai obsolete e non rispondenti alla realtà odierna, dell'ONU, della Banca Mondiale e del Fondo Monetario Internazionale. E affidare l'Agenda economica e sociale al G20, non limitandosi al ristretto G7.

Insieme dobbiamo comprendere che lo Stakeholder Capitalism è insufficiente senza un ruolo forte, deciso e proattivo dello Stato, che con la sua politica economica condivisa con le parti sociali, deve assicurare alla società civile efficienti strutture abitative, scolastiche, culturali e sanitarie, nonché una equa redistribuzione della ricchezza.

Soltanto insieme possiamo costruire una economia rispettosa dell'ambiente e dell'uomo. Oggi in Europa e nel mondo si enfatizzano, in qualche misura giustamente, le transizioni ecologica e digitale, alle quali sono state assegnate ingentissime somme sia dalla Commissione Europea, sia dal Congresso degli Stati Uniti, sia in Russia, Cina, India, Giappone e in numerosi Paesi del mondo.

Insieme dobbiamo capire questo semplice concetto: credere che sostituendo il fotovoltaico al petrolio, l'eolico al carbone, il biogas al gas naturale, la plastica biodegradabile a quella fatta di petrolio, torneremo in armonia con l'ambiente, è un errore che lascia le cose come stanno, continuando a navigare verso la catastrofe solo a velocità più ridotta (Federico Butera). Il vero "Green New Deal" è l'accordo fra umano e natura. È un processo molto complesso da affidare a una governance internazionale vasta e coesa e a veri scienziati. La Terra si è già molto ammalata nel corso dei tempi, l'ultima volta sembra sia stato 250 mila anni fa. Ma allora noi umani ancora non esistevamo. Ora invece ci siamo e potremmo attrezzarci. Se non saremo capaci di farlo, peggio per noi: siamo solo lo 0,6% delle specie viventi, e se spariamo non se ne accorgerà nessuno.

Per quanto riguarda lo sviluppo tecnologico e digitale, insieme sappiamo che esso, realizzando la quarta

цепи и идеологические предрассудки. И совместно в рамках глобального и многополярного управления продвигать культурную, этическую и экономическую революцию, которая позволила бы нам определить новую модель социального развития и глобальной экономики, в центре которой будут человеческое достоинство и подлинные ценности. Только через глобальную солидарность мы можем спасти планету и само человечество, воссоздав ту солидарность, которую продемонстрировали во время Второй мировой войны. В то время страны, глубоко расколотые в политическом, экономическом и идеологическом плане, сумели отбросить в сторону вражду и конфликты и объединить усилия для победы над общим и очень опасным врагом — нацизмом. Назрела острая необходимость глубоко реформировать структуры ООН, Всемирного банка и Международного валютного фонда, которые к настоящему времени устарели и не соответствуют сегодняшним реалиям. И доверить экономическую и социальную повестку дня «Большой двадцатке», не ограничиваясь узким кругом «Большой семерки».

Все мы должны осознать, что «капитализма заинтересованных сторон» недостаточно без сильной, решительной и активной роли государства, которое своей экономической политикой, согласованной с социальными партнерами, должно обеспечивать гражданскому обществу эффективные жилищные, образовательные, культурные и медицинские структуры, а также справедливое перераспределение богатства.

Только вместе мы сможем построить дружественную к окружающей среде и человеку экономику. Сегодня в Европе и во всем мире справедливо делается акцент на экологических и цифровых преобразованиях: огромные суммы выделены на них Еврокомиссией и Конгрессом США, Россией, Китаем, Индией, Японией и многими другими странами мира.

Вместе мы должны усвоить эту простую мысль: вера в то, что, заменив нефть солнечными батареями, уголь — энергией ветра, природный газ — биогазом, пластик из нефти — биоразлагаемым пластиком, мы вернемся к гармонии с окружающей средой, является ошибочной. Считая так, мы оставляем все, как есть, и продолжаем двигаться к катастрофе — только на пониженной скорости (Федерико Бутера). Настоящий «Новый зеленый курс» — это соглашение между человеком и природой. Это очень сложный процесс, который следует доверить разностороннему и слаженному международному управлению, конкретным ученым. В прошлом Земля уже сильно болела, последний раз, кажется, это было 250 000 лет назад. Но тогда нас, рода человеческого, еще не существовало. Теперь мы есть, мы должны подготовиться. Если мы не сумеем этого сделать, нам же будет хуже: мы составляем всего лишь 0,6% от общей численности видов живых организмов, если мы исчез-

rivoluzione industriale, può produrre effetti positivi per la società intera. Ma, come ricordava Socrate per la scrittura *versus* il procedimento dialogico, la tecnica può rappresentare anche una forma di espropriazione dell'uomo. In questo senso, il filosofo indicava la scrittura con il termine *pharmakon*, che in greco ha un doppio significato, potendo indicare tanto la medicina quanto il *veleno*. Si evidenzia così l'ambivalenza di ogni tecnologia, il cui uso, per non essere tossico, richiede l'intelligenza della somministrazione e il governo responsabile dei mezzi.

Le tecnologie digitali pervadono tutti gli ambiti della nostra vita e ci obbligano a strutturare diversamente i processi mentali e le modalità di apprendimento e di relazione con il mondo. Esse possono essere usate per il controllo delle coscienze e per l'alienazione degli uomini, ma al tempo stesso permettono di accrescere il sapere e farlo circolare, di potenziare i legami sociali e partecipare allo sviluppo delle idee. Lo abbiamo sperimentato nel periodo della pandemia.

L'accelerazione tecnologica al contempo comporta due rischi fondamentali. Il primo è che le istituzioni sociali e politiche restino impreparate di fronte all'evoluzione tecnologica, asservita al profitto e alla manipolazione del consenso; il secondo, è che la pervasività della strumentazione digitale indebolisca la consapevolezza critica e il discernimento delle coscienze. Nella transizione tecnologica in sostanza bisogna restare umani.

Questa esigenza è vitale anche per la capacità cognitiva e creativa che dobbiamo impiegare per delineare un orizzonte sociale ed economico oltre il neoliberismo.

Oggi ci siamo incamminati verso la superintelligenza artificiale. Poniamoci la domanda: essa può essere sviluppata talmente da essere in grado di sostituire l'essere umano non solamente nel lavoro, nelle tecniche di videosorveglianza e nella ricerca scientifica, ma l'essere umano in quanto tale, vale a dire in quanto essere intelligente nei vari campi? Il primo a porsi questa questione fu il matematico britannico Irving John Good nel 1965, seguito nel 1993 da Vernor Vinge, professore di Scienze matematiche all'Università della California a San Diego. Il suo intervento in occasione del Simposio sponsorizzato dalla NASA e dall'Istituto aerospaziale dell'Ohio "VISION-21" aveva il titolo evocativo *The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era*; e sosteneva che la creazione imminente della superintelligenza è una singolarità nella storia umana, esattamente come l'apparizione della vita rispetto a fenomeni chimici della materia inorganica, o l'avvento del pensiero e della coscienza che caratterizzano l'essere umano.

нем, никто этого не заметит.

Что касается технологического и цифрового развития, мы все знаем, что оно, произведя четвертую промышленную революцию, может оказать положительное воздействие на общество в целом. Но, как говорил Сократ, сравнивая письмо и диалог, техника может представлять собой форму отчуждения. В связи с этим философ использовал для письма термин «pharmakon», который в греческом языке имеет двойной смысл, обозначает как лекарство, так и яд. Каждая технология двойственна: чтобы ее использование не было токсичным, к ней нужно относиться с умом, ответственно управлять имеющимися средствами.

Цифровые технологии пронизывают все сферы нашей жизни и заставляют по-иному структурировать мыслительные процессы, способы познания и взаимодействия с миром. Они могут быть использованы для управления сознанием и для отчуждения людей, но в то же время позволяют наращивать знания и распространять их, укреплять социальные связи и участвовать в разработке идей. Мы испытали это в период пандемии.

В то же время технологическое ускорение создает два фундаментальных риска. Во-первых, социальные и политические институты могут оказаться не готовыми к технологической эволюции, подчиненной выгоде и манипулированию договоренностями; во-вторых, вездесущность цифрового инструментария ослабит критическое восприятие и значение совести. Главное — оставаться людьми при всех технологических преобразованиях.

Эта потребность жизненно важна для познавательного и творческого потенциала, который мы должны использовать, чтобы очертить социальные и экономические горизонты за пределами неолиберализма.

Сегодня мы взяли направление на искусственный суперинтеллект. Давайте зададимся вопросом: может ли он быть развитым настолько, чтобы заменить человека не только в работе, в технике видеонаблюдения и в научных исследованиях, но и человека как такового, человека разумного в самых различных сферах? Впервые этим вопросом задался в 1965 году британский математик Ирвинг Джон Гуд, затем в 1993 году — Вернор Виндж, профессор математики в Калифорнийском университете в Сан-Диего. Его доклад на симпозиуме «VISION-21», спонсированном NASA и Аэрокосмическим институтом Огайо, был красноречиво озаглавлен «Грядущая технологическая сингулярность: как выжить в постчеловеческую эпоху». Виндж утверждал, что неизбежное создание сверхума — такая же сингулярность в истории человечества, как возникновение жизни по сравнению с химическими явлениями неорганической материи или появление мысли и сознания, характерных для человеческих существ. Согласно Нику Бустрёму, директору по исследованиям в области стратегического

Secondo Nick Bostrom, direttore dello *Strategic Artificial Intelligence Research* a Oxford e direttore del *Future Of Humanity Institute*, è probabile che arriveremo a una superintelligenza o a una Intelligenza Artificiale generale tramite l'utilizzo di computer superveloci o di reti informatiche. In questo senso l'avvento dei quantum computer, ossia della computazione quantistica con l'aumento esponenziale della capacità, potrebbe costituire un passaggio decisivo.

L'avvento di una superintelligenza è stato raccontato da diversi scrittori, come Harlan Ellison (*Non ho la bocca e devo urlare*, 1965) e Robert Harris (*L'indice della paura*, 2011), dove si racconta rispettivamente di come la superintelligenza AM si imponga al genere umano, e di come un supercomputer destinato a trarre il massimo profitto dai mercati finanziari diventa autonomo dai suoi creatori e difende a ogni costo la sua stessa esistenza. Celebre è poi il computer HAL 9000 del film *2001 Odissea nello spazio* di Stanley Kubrick e dell'omonimo romanzo (1968) di Arthur Charles Clarke.

Oggi il tema di fondo è la difficoltà degli esseri umani di interagire con questo tipo di superintelligenza e di controllarla. Questa tematica non appartiene solamente alla fantascienza, ma fa parte integrante della riflessione scientifica sulla superintelligenza. Lo stesso Vinge affermava che l'avvento della superintelligenza “avrebbe posto fine all'era umana”.

Pertanto c'è la necessità che i nostri sistemi di Intelligenza Artificiale debbono fare ciò che noi uomini vogliamo che facciano e siano centrati sull'essere umano, che unicamente ha la capacità di pensare e di avere la consapevolezza di sé.

Nell'era virtuale la simulazione genera un “reale senza realtà”, un “iperreale”. L'immagine dà il riflesso di una realtà profonda (rappresentazione), tende a nascondere proprio l'essenza di tale realtà, facendosi vuota simulazione e diventando essa stessa un simulacro. Che potrebbe essere paragonato a Disneyland, nata per nascondere l'America “reale”. Il reale addirittura si confonde con la finzione, si cancella il confine tra verità e manipolazione ideologica e si alimenta il delirio di onnipotenza dell'uomo, che aspira ad annientarsi sognando un transumanesimo quantistico e privo di vita.

In tale contesto lo scrittore-intellettuale rischia di essere sottoproletarizzato e divenire marginale e asservito dal sistema delle informazioni e comunicazioni del globalismo.

Proprio per opporci a questa tendenza siamo orgogliosi di avere istituito nel 2010 il Premio Raduga insieme con il prestigioso Istituto di Letteratura Aleksej Maksimovič Gor'kij di Mosca. In questi anni il Raduga è

искусственного интеллекта в Оксфорде, а также директору Института будущего человечества, вполне вероятно, что мы придем к суперинтеллекту или к общему искусственному интеллекту, используя сверхбыстрые компьютеры или компьютерные сети. Решающим в этом смысле шагом могло бы стать появление квантовых компьютеров, т.е. квантовых вычислений с экспоненциальным увеличением мощности.

О появлении сверхума повествовали различные писатели, такие как Харлан Эллисон («У меня нет рта, но я должен кричать», 1965) и Роберт Харрис («Индекс страха», 2011), которые рассказывают о том, как сверхразум оказывается необходимым человечеству, как суперкомпьютер, предназначенный для получения максимальной прибыли на финансовых рынках, становится автономным от своих создателей и защищает свое собственное существование любой ценой. Не менее знаменит компьютер HAL 9000 из фильма «2001 год: Космическая одиссея» Стэнли Кубрика и одноименного романа Артура Чарльза Кларка (1968).

Сегодня основополагающей темой является сложность взаимодействия человека с подобным суперинтеллектом и контроля над ним. Эта тема относится не только к научной фантастике, но и является неотъемлемой частью научных размышлений о суперинтеллекте. Сам Виндж утверждал, что появление сверхума «положит конец человеческой эпохе».

Поэтому необходимо, чтобы наши системы искусственного интеллекта делали то, что хотим от них мы, люди, чтобы они были сосредоточены на человеке — единственном, кто обладает способностью мыслить и осознавать себя.

В эру виртуальности симуляция порождает «реальное без реальности», «гиперреальность». Изображение отражает реальность и одновременно стремится скрыть ее суть, превращается в пустую имитацию, становится симулякром. Это можно сравнить с Диснейлендом, созданным, чтобы скрыть настоящую Америку. Порой реальность смешивается с вымыслом, стирается грань между истиной и идеологической манипуляцией, подпитывается бред о всемогуществе человека, который, мечтая о квантовом, лишенном жизни трансгуманизме, на самом деле движется к самоуничтожению. В этом контексте писатель-интеллектуал рискует стать люмпен-пролетарием и превратиться в маргинала, поработанного информационной и коммуникационной системой глобализма.

Мы гордимся тем, что для противостояния этой тенденции в 2010 году совместно со знаменитым Литературным институтом имени Алексея Максимовича Горького в Москве мы учредили Премию «Радуга». За эти годы наша премия выросла и окрепла. В нынешнем, двенадцатом по счету сезоне, несмотря на пандемию, в ней

cresciuto e si è affermato. Anche a questa sua dodicesima edizione, malgrado la pandemia, ha partecipato un numero considerevole di giovani, sia in Russia, che in Italia, i cui racconti e traduzioni si sono rivelati profondi e maturi, narrando la ribellione etica-politica contro l'avventura colonianistica in Etiopia del fascismo, piccole e grandi questioni esistenziali, la nostalgia dei tempi passati e la speranza nel futuro. I giovani finalisti, presenti in questo Almanacco, si sono dimostrati versatili ed espressivamente poliedrici, caratterizzandosi per la ricerca del senso profondo per la vita, per l'amore della libertà, il culto dell'arte, per la memoria storica da trasmettere alle nuove generazioni e per l'impegno civile.

Questi valori accomunano da sempre la Russia e l'Italia: coltivarli con un reciproco dialogo creativo è l'obiettivo primario dell'Associazione Conoscere Eurasia. Soprattutto oggi che siamo tutti sulla stessa barca della precarietà del tempo in un mare in tempesta e sulla stessa Terra sovrappopolata, deturpata e malata. Ma che, tuttavia, viaggiamo sullo stesso Pianeta attorno al Sole, da dove già vediamo brillare le stelle.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Felice". The signature is fluid and cursive, with a large initial "F" and a long, sweeping tail.

приняло участие значительное число молодых авторов как в России, так и в Италии. Их рассказы и переводы отличаются глубиной и зрелостью, в них говорится о нравственно-политическом восстании против колониальной авантюры фашизма в Эфиопии, поднимаются малые и большие экзистенциальные вопросы, их авторы ностальгируют о прошлом и с надеждой смотрят в будущее. Молодые финалисты, чьи произведения вы найдете в этом альманахе, показали себя творчески разносторонними и многогранными, их отличает поиск глубинного смысла жизни, любовь к свободе, культ искусства, историческая память, которая должна передаваться новым поколениям, а также гражданская ответственность.

Эти ценности всегда объединяли Россию и Италию: их сохранение и развитие на основе творческого диалога является главной целью Ассоциации «Познаём Евразию». Особенно сегодня, когда в наше непостоянное время все мы находимся в одной лодке, в штормовом море, на одной Земле — перенаселенной, обезображенной и больной. Но все же, вместе путешествуя на одной планете вокруг Солнца, мы уже видим сияющие звезды.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Galina". The script is cursive and fluid, with a large initial letter 'G'.

Владимир Григорьев

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям

Сезон 2020–2021 года для литературной премии «Радуга» – особый. Впрочем, не только для премии «Радуга». Увы, это особый период для всего человечества. Из-за пандемии Covid-19, унесшей немало жизней, рушились планы, сдвигались или проводились в онлайн-формате крупнейшие международные ярмарки, форумы, конференции, люди во многих странах оказались запертыми в своих домах, остро ощущался дефицит общения. Но литературное творчество оказалось не по зубам коварному вирусу. Читать, писать, переводить – для этих процессов одиночество как раз создает благоприятную среду. Особенно для молодых. Не удивительно поэтому, что премия «Радуга» уверенно продолжает свое существование, обещая нам немало открытий нынче и в будущем.

Короткий рассказ – трудный жанр. Особенно сегодня, когда интернет открывает практически перед каждым неограниченные возможности самовыражения. Именно в коротком рассказе особенно наглядно ощущается разница между литературным повествованием и блогерским текстом, пытающимся походить на литературу. В ежегодно издаваемых сборниках лауреатов премии «Радуга» мы открываем для себя именно литературу, сегодняшние удачи молодых авторов, а возможно, и их серьезные заявки на будущее. Меня также радует, что в этой премии отмечается работа переводчика. Литературный переводчик – ключевая фигура в культурном обмене, от его работы зависит восприятие текста на другом языке. Прекрасно, что все больше молодых пробуют свои силы в литературном переводе. Уверен, что солидные два тома библиографии переводов с русского на итальянский и с итальянского на русский, изданные по инициативе и при поддержке профессора Фаллико, будут с каждым годом дополняться новыми именами и новыми произведениями.

Пользуясь случаем, хочу высказать огромную признательность Ассоциации «Познаем Евразию»,

Vladimir Grigor'ev
Agenzia Federale per la stampa e i mass media

Per il Premio Raduga l'edizione 2020-2021 è particolare. D'altronde, non soltanto per il Premio Raduga. Questo purtroppo è un periodo particolare per tutta l'umanità. La pandemia Covid-19 ha causato molte vittime, i progetti sono falliti, le più importanti fiere internazionali, forum, conferenze sono state spostate o tenute online, in molti paesi la gente è rimasta chiusa in casa e c'è stata una grave carenza di contatti personali. Ma la creatività letteraria è risultata un osso duro per l'insidioso virus. Leggere, scrivere, tradurre: la solitudine crea un ambiente favorevole per questi processi. Soprattutto per i giovani. Non sorprende, quindi, che il Premio Raduga continui fiduciosamente ad esistere, promettendoci molte scoperte ora e in futuro.

Il racconto breve è un genere difficile. Soprattutto al giorno d'oggi, con Internet che offre praticamente a tutti opportunità illimitate per esprimersi. Ed è proprio nel racconto breve che è particolarmente evidente la differenza tra una narrazione *letteraria* e il testo di un blog che cerca di assomigliare alla letteratura. Nelle raccolte pubblicate annualmente dei vincitori del Premio Raduga scopriamo proprio la letteratura, i successi odierni dei giovani autori e - forse - le loro serie aspettative per il futuro. Inoltre sono lieto che questo premio riconosca il lavoro di un traduttore. Il traduttore letterario è una figura chiave nello scambio culturale, dal suo lavoro dipende la percezione di un testo in un'altra lingua. È bellissimo il fatto che sempre più giovani si cimentino nella traduzione letteraria. Sono certo che i due solidi volumi di bibliografia di traduzioni dal russo all'italiano e dall'italiano al russo, pubblicati su iniziativa e con il supporto del professor Fallico, saranno integrati ogni anno con nuovi nomi e nuove opere.

Colgo l'occasione per esprimere la mia profonda gratitudine all'Associazione Conoscere Eurasia, a Banca Intesa in Russia e in particolare al loro dirigente, il professor Antonio Fallico, per il costante sostegno dei contatti umanitari tra i nostri paesi, la cui l'importanza può difficilmente essere sopravvalutata,

банку «Интеза» в России и особенно их главе профессору Антонио Фаллико за постоянную поддержку гуманитарных контактов между нашими странами, значение которых трудно переоценить, особенно в нынешней непростой ситуации в мире. Мы знаем, что у России в Италии немало настоящих, искренних друзей, так же как у Италии в России. А выпадающие на нашу долю испытания лишь больше сближают наши народы, показывая истинную цену настоящей дружбы.

Спасибо также Литературному институту имени А.М.Горького за работу с молодыми российскими соискателями. Спасибо членам российского и итальянского жюри, кропотливо выискивающим печать таланта в поступающих на конкурс текстах.

Награждение победителей этого сезона премии «Радуга» должно состояться в июне. В прошлом году для награждения была выбрана Казань, прекрасный город на Волге. Не получилось. Пришлось ограничиться онлайн-форматом. Верю, что в этом году все состоится, как и было задумано, итальянские гости и их российские коллеги смогут приехать в Казань, зайти в Казанский Кремль, прогуляться по набережной вдоль великой реки, отведать блюда татарской кухни. И ощутить, наконец, ни с чем не сравнимую радость дружеского общения, радость живой беседы, пусть даже без объятий и рукопожатий.

Удачи нашим лауреатам, интересной творческой жизни и новых прочитанных и задуманных книг!

Владимир Григорьев

soprattutto nell'attuale difficile situazione mondiale. Sappiamo che la Russia ha molti amici veri e sinceri in Italia, proprio come l'Italia li ha in Russia. E le prove che ci capitano non fanno che avvicinare i nostri popoli, mostrando il vero valore dell'autentica amicizia.

Un ringraziamento va anche all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij per il lavoro con giovani concorrenti russi. Grazie ai membri delle giurie russa e italiana, che cercano con grande attenzione l'impronta del talento nei testi presentati al concorso.

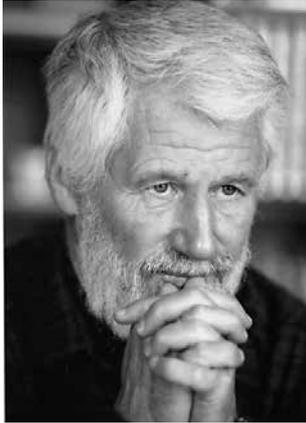
La cerimonia di premiazione di questa edizione del Premio Raduga si terrà a giugno. L'anno scorso era stata scelta come sede Kazan', una bellissima città sul Volga. Non è stato possibile. Si è dovuto organizzare tutto online. Credo che quest'anno si svolgerà in presenza, gli ospiti italiani e i loro colleghi russi potranno venire a Kazan', entrare nel Cremlino della città, passeggiare lungo l'argine del grande fiume e gustare la cucina tartara. E sentire, finalmente, la gioia incomparabile del contatto tra amici, la gioia della conversazione dal vivo, anche senza abbracci e strette di mano.

Buona fortuna ai nostri vincitori, per un'interessante vita creativa e nuovi libri da leggere e da ideare!

Vladimir Grigor'ev

Борис Тарасов

Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

Двенадцатый сезон премии «Радуга» по-своему продолжил формировать ее биографию и историю, подтвердил ее популярность и неослабевающий интерес к ней на пространствах России, ее крупных городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Томска, Краснодара и других, районных центров, сел и деревень. Работы поступали из Татарстана, Башкортостана, Чеченской Республики, с Дальнего Востока, из Крыма, а также из зарубежных стран. Примечательно, что в культурный и литературный процесс, как это уже традиционно сложилось, были вовлечены представители разных возрастов и профессий (студенты и преподаватели, рабочие и юристы, научные сотрудники и офисные служащие, социальные и медицинские работники и т.п.). Многие из них признавались, что писательская стезя их издавна привлекала, что они старались, помимо выбранной профессии, по мере сил и возможностей совершенствоваться на этом пути, считая

конкурс «Радуга» важным его этапом. Особую группу среди конкурсантов составляют те, кто имеет тот или иной литературный опыт, публиковался в печатных и сетевых изданиях, становился лауреатом различных локальных премий. Как правило, между ними возникает основная конкуренция за место в пятерке финалистов. С содержательной точки зрения отличительной особенностью завершившегося конкурса стало развитие и укрепление наметившейся среди литераторов очевидной тенденции. Речь идет о повышенном внимании к внутренней жизни людей, к столкновению в ней различных интересов и ценностей и к выбору между ними. В «шуме» исторического процесса, в атмосфере постправды и двойных стандартов, господства гедонистических и потребительских устремлений у молодых авторов все заметнее проявляется склонность к художественному анализу возникающих противоречий, душевных переживаний и конфликтов совести, а в сознании многих персонажей их личных, семейных и профессиональных отношений. Все чаще возникают вопросы нравственной цены при достижении тех или иных прагматических целей и задач, карьерных и профессиональных успехов, материального преуспеяния и т.п., что обращает и читательское внимание к подобным вопросам и проблемам.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Boris Tarasov' in a stylized, cursive script.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

La dodicesima edizione del Premio Raduga, a suo modo, sta continuando a formare la sua biografia e la sua storia, confermando la sua popolarità e il suo assiduo interesse nelle vastità della Russia, nelle sue grandi città – Mosca, San Pietroburgo, Ekaterinburg, Kazan', Nižnij Novgorod, Tomsk, Krasnodar e altre, centri regionali, paesi e villaggi. Sono arrivati lavori dal Tatarstan, dal Baškortostan, dalla Repubblica Cecena, dall'Estremo Oriente, dalla Crimea, oltre che da paesi stranieri.

È significativo che nel processo culturale e letterario, come già tradizionalmente è accaduto, siano stati coinvolti rappresentanti di diverse età e professioni (studenti e insegnanti, lavoratori e avvocati, ricercatori e impiegati, operatori sociali e medici, ecc.). Molti di loro hanno ammesso che il cammino della scrittura li affascinava da tempo e che si sono sforzati, aldilà della professione scelta, di perfezionare questo percorso al meglio delle loro capacità e opportunità, considerando il Premio Raduga una tappa importante.

Tra i concorrenti, un gruppo speciale è costituito da coloro che hanno una qualche esperienza letteraria, che hanno pubblicato sul cartaceo e online, e hanno vinto alcuni premi a livello locale. Di norma, tra loro la competizione principale nasce per un posto tra i primi cinque finalisti.

Dal punto di vista contenutistico, una caratteristica distintiva del concorso che si è svolto riguarda lo sviluppo e il rafforzamento di una tendenza evidente che emerge tra gli scrittori. Stiamo parlando di una maggiore attenzione alla vita interiore della gente, al conflitto di vari interessi e valori e alla scelta tra loro. Nel “rumore” del processo storico, nell'atmosfera della post-verità e dei doppi standard, del predominio delle aspirazioni edonistiche e consumistiche, i giovani autori sono sempre più propensi all'analisi artistica delle contraddizioni nascenti, delle esperienze emotive e dei conflitti di coscienza, e alla consapevolezza per molti personaggi dei loro rapporti personali, familiari e professionali. Sempre più spesso sorgono domande di valore morale sul raggiungimento di determinati traguardi e obiettivi pragmatici, sul successo nella carriera e professionale, sulla prosperità materiale, ecc. attirando anche l'attenzione del lettore su tali questioni e problematiche.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla dodicesima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в двенадцатый раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе. В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana Итальянское жюри

Biagio Goldstein Bolocan è laureato in Storia contemporanea all'Università Statale di Milano. Autore di innumerevoli manuali di storia, è anche scrittore di narrativa. Tra i suoi libri ricordiamo *Il lato oscuro della luna* (2012), *Una guerra privata* (2013), *Il traduttore* (2017), *Le strade di Adele* (2019). Attualmente è direttore editoriale di Feltrinelli scuola.

Бьяджо Гольдштейн Болочан окончил Миланский государственный университет по специальности «современная история». Автор множества учебных пособий по истории, писатель. Среди его книг: «Темная сторона Луны» (2012), «Личная война» (2013), «Переводчик» (2017), «Улицы Аделе» (2019). В настоящее время главный редактор подразделения издательства «Фельтринелли», выпускающего школьную литературу.

Giuliano Pasini si occupa di comunicazione e reputazione per una delle più importanti società italiane del settore. I suoi romanzi *Venti corpi nella neve* (Fanucci), *Io sono lo straniero* e *Il fiume ti porta via* (entrambi Mondadori) hanno ricevuto numerosi riconoscimenti e sono stati tradotti in diversi paesi. È presidente del Premio Letterario Massarosa e membro di giuria di concorsi nazionali di narrativa.

Джулиано Пазини работает в одном из престижных итальянских агентств, предоставляющих комплекс маркетинговых и коммуникационных услуг. Его романы «Двадцать тел на снегу» (изд. «Фануччи»), «Я – чужой» и «Река уносит тебя» (обе книги вышли в издательстве «Мондадори») получили множество наград и были переведены на разные языки. Президент Литературной премии «Массароза», член жюри национальных конкурсов художественной прозы.

Carlo Feltrinelli è dal 1988 Amministratore Delegato della casa editrice fondata nel 1955 dal padre Giangiacomo Feltrinelli. Dal 1998 è Presidente delle Librerie Feltrinelli. Nel 2001 è stato nominato Presidente della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, uno dei maggiori centri di ricerca nell'ambito delle discipline storiche e delle scienze politiche, economiche e sociali. Dal 2015 è Presidente del Gruppo Feltrinelli. È autore di *Senior Service*, tradotto e pubblicato a livello internazionale.

Карло Фельтринелли, с 1988 г. генеральный директор издательства, основанного в 1955 г. его отцом Джанджакомо Фельтринелли. С 1998 г. президент сети книжных магазинов «Фельтринелли». С 2001 г. президент Фонда Джанджакомо Фельтринелли, одного из крупнейших центров научных исследований в области истории, политологии, экономики и общественности. С 2015 г. президент Группы Фельтринелли. Автор книги «Senior Service. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли», переведенной и опубликованной во многих странах.

Maria Pia Pagani, docente dell'Università di Napoli "Federico II", è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e l'arte di Eleonora Duse. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij e fa parte dell'editorial board di varie riviste accademiche, tra cui "Stanislavski Studies" (Taylor & Francis).

Мария Пиа Пагани, преподаватель Неаполитанского университета имени Фридриха II, автор книг и научных статей о русском театре и творчестве Элеоноры Дузе. Лауреат Премии для молодых ученых имени Марии Корти (2003), Премии имени Чезаре Анджелини (2004), Премии «Foyer des Artistes» (2006) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского, член редколлегии ряда научных журналов, в том числе – «Stanislavski Studies» («Taylor & Francis»).

Stefania Sini è professore associato di Letterature comparate e Letteratura italiana all'Università del Piemonte Orientale. I principali campi di ricerca a cui ha dedicato le sue pubblicazioni sono Michail Bachtin, Boris Èjchenbaum e i formalisti russi, la filosofia e l'estetica della Russia degli anni Venti; Giambattista Vico, la storia della retorica e della topica; la storia e la teoria della forma letteraria. Traduce dal russo poesia e saggistica. Ha fondato e dirige la rivista «Enthymema. Rivista internazionale di critica, teoria e filosofia della letteratura».

Стефания Сини преподает сравнительное литературоведение и итальянскую литературу в Университете Восточного Пьемонта. Автор научных работ о М. Бахтине, Б. Эйхенбауме и русских формалистах, русской философии и эстетике 20-х годов, о Дж. Вико, исследований по истории риторики и топике, истории и теории литературной формы. Переводчик русской поэзии и эссеистики. Основатель и главный редактор журнала «Энтимема», освещающего вопросы критики, теории и философии литературы.

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ.

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca Lomonosov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'shaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa.

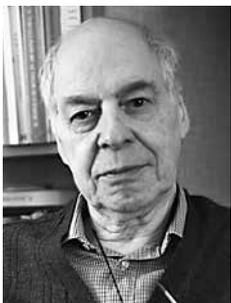
Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie «Oktjabr'» e «Znamja». Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

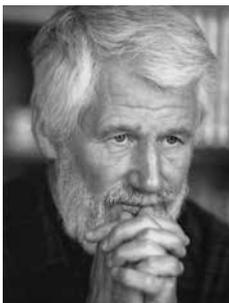
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака. Преподаватель школы литературного мастерства «Хороший текст». Руководитель французского переводческого семинара в Литературном институте имени А.М. Горького.

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak. Docente della Scuola di scrittura creativa «Buon testo». Coordinatore del seminario di traduzione dal francese presso l'Istituto Letterario A.M. Gorkij.

Евгений Михайлович Солонович, поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапьенца». Лауреат Премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной Премии Италии в области художественного перевода, Премии Монтале, Премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea *honoris causa* dell'Università di Siena, dottorato *honoris causa* dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006–2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана, Премии имени Н.В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода, Золотой медали Общества имени Данте Алигьери. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato del Dipartimento di traduzione letteraria all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio N.V. Gogol' in Italia e il Premio Nazionale per la Traduzione (Italia), Medaglia d'oro della Società Dante Alighieri. In collaborazione con M. Dinelli ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Giovanni Giamboni	Джованни Джамбони
Giuseppina Giordano	Джузеппина Джордано
Giada Guassardo	Джада Гуассардо
Beatrice Salvioni	Беатриче Сальвиони
Andrea Zancanaro	Андреа Дзанканаро

Giovanni Giamboni

Traduzione in russo di Evgenija Litvin

Джованни Джамбони

Перевод на русский язык Евгении Литвин

ALBA

Era il tempo prima che il significato vestisse il mondo di parola, prima che il nome uccidesse le cose chiamate.

Piedi fango. E ancora. Attento sasso piede salta. Ramo avvicina, mano sposta, ramo spezza.

Era il tempo per qualcosa di nascere, per qualcos'altro di morire.
E le gambe che correvano e le braccia che spezzavano erano vita che nasce e uccide.

Pancia piena frutta buona ma corsa piano pancia piena. Fermo. Respiro.

Era il tempo del pensiero giovane, germoglio appena.

Mano su corteccia. Occhio vede larva. Vede muove su corteccia come onda piccola. Entra corteccia. Provo dito segue. Corteccia dura. Sasso a terra. Sasso corteccia. Rotta. Larva tante corre.

Un antenato dei contemporanei rospo e rana uscì dalla tana dopo una giornata passata a sonnecchiare per sgranchirsi un po' le gambe. Ma subito fu costretto a rientrare, spaventato dai frammenti di corteccia caduti sulla sua testa. L'antenato dei contemporanei rospo e rana non avrà parte in ciò che segue, ma prima della fine della prossima alba sarà colpito da una goccia d'acqua. E allora sarà morta la vita e nata la morte. O viceversa, gli storici non concordano.

Larva bocca. Amaro. Sputo sputo. Sputo rumore. Altro rumore. Su. Ali scappa. Uccelli. Uova buone. Salire. Corteccia mano braccia rami salire. Arrampicare.

Vicino uccello urla.

Seguo urla. Piano.

Giù grande.

РАССВЕТ

Это было раньше, чем смысл оделся в мир слов, и раньше, чем слово убило названное им.

Ноги грязь. И опять. Бойся камня прыгай нога. Ветка рядом рука двигай ветку ломай.

Настало время чему-то родиться, а чему-то умереть.

И бежавшие ноги, и ломавшие руки были жизнью, что рождается и убивает.

Живот полный фрукт вкусный но беги тише живот полный. Стою. Дышу.

Настало время юной, еще не распутившейся мысли.

Рука на коре. Глаз видит червяк. Ползет по коре как маленькая волна. Заходит в кору. Пробую палец туда. Кора твердая. Камень на земле. Камень кора. Дыра. Червяк скорей прочь.

Предок современных жаб и лягушек вышел из норы, где дремал весь день, чтобы немного размяться. Но кусочки коры, упавшие на голову, испугали его и заставили быстро залезть обратно. Предок современных жаб и лягушек не примет участия в дальнейших событиях, но на рассвете его ударит упавшая капля воды. И тогда умрет жизнь, и родится смерть. Или наоборот, мнения историков расходятся.

Червяк рот. Горько. Плюю плюю. Плюю шум. Другой шум. Вверху. Крылья вдаль. Птицы. Яйца вкусно.

Лезть вверх. Кора рука плечи ветки вверх. Карабкаться.

Птица рядом кричать.

Карабкаюсь на крик. Тихо.

Вниз долго.

Tempo per qualcosa di nascere.

Giù grande. Penso cadere

e rotto

e sangue.

Pancia come fame. Ma non fame, piena di frutta.

Come sentire male in pancia in pensare cadere e rotto e sangue.

E per qualcos'altro di morire.

Urlo di uccello vicino. Avvicino. Vedo. Solo uno. Piccolo.

Mangiare buono.

Urla ancora. Penso se io solo uno piccolo. Sento come grande giù. Come se solo è come cadere e rotto e sangue. Penso mangiare no. Penso mangiare uno che sente come cadere è come veleno.

Penso aspetto. Forse ali scappa era uccello grande. Aspetto torna.

Passo indietro su ramo. Siedo.

Sento che ho occhi chiusi

e apro

e buio.

La notte è poesia. L'aria quieta di tenebra è culla.

Solo da poco, relativamente.

E forse paura non nacque da padre buio

ma da lui fu pasciuta e allevata.

Ma, silenziosa, pietà neonata si nutriva della stessa sostanza.

Occhi non vede. Mai solo uno in buio. Sempre mamma e papà e sorelle e fratelli. Sento ancora uccello urla. Mani e ricordo come occhi in buio. Raggiungo tocco. Ancora solo uno piccolo.

Sento come uguale. Solo uno piccolo.

Настало время чему-то родиться.

Вниз долго. Думаю упасть

и сломать

и кровь.

Живот будто голод. Но не голод, полон фруктов.

Как болит живот когда думать упасть и сломать и кровь.

А чему-то умереть.

Крик птицы близко. Приближаюсь. Вижу. Лишь один. Маленький.

Съесть вкусно.

Кричит опять. Думаю лишь один я и маленький. Думаю как долго вниз. Как я один и как падать и сломать и кровь. Думаю съесть нет. Думаю съесть когда чуешь будто падать это как яд. Думаю ждать. Может крылья вдаль была большая птица. Жду что вернется.

Шаг назад на ветку. Сажу.

Чую глаза закрыты.

Открываю

и темно.

Ночь – это поэзия. Мирный воздух темноты – это колыбель.

Но так было не всегда.

Возможно, страх родился не от темного отца,

но был им вскормлен и воспитан.

А новорожденная тихая жалость питалась той же материей.

Глаза не видят. Никогда один в темноте. Всегда мама и папа и братья и сестры. Слышу снова кричит птица. Руки и память как глаза в темноте. Нахожу трогаю. Лишь один маленький. Чую он как я. Лишь один маленький.

*Sento urla forte non come prima. Come urla di chiama. Ma no arriva.
Penso siamo due. Penso non solo uno. Penso chiama arrivo.
Penso lui freddo. Metto mani intorno. Ribella. Morsica.
Penso lui fame. Ricordo larva. Penso in buio scendere certo cadere e rotto e sangue. Uccello urla.
Penso devo. O divento solo uno.*

Mai altro gesto o pensiero prima considerò variabili simili nel calcolo della sopravvivenza.
Certo, sempre calcolo rimane. Ma una genesi ben fatta necessita di fondamenta ben misurate.

*Mano e piede come occhi. Cerca ramo. Trova. Appoggia. Scendo. E ancora. Ogni ramo appoggio
sento pensiero cadere. Penso voglio smettere. Essere con mamma e papà e sorelle e fratelli. Piede
come occhi trova ramo appoggia. Ramo spezza. Cade. Cado.*

Potenza atavica nei concetti di ossa e sangue. Verità antiche.
Del tipo che deve forza alla vera nudità, e null'altro serve.
Quindi solo ossa, sangue.

*Dolore. Sale da gamba, arriva a pancia. Stringe. Provo a muovere. Gamba non muove. E dolore.
Rotto e sangue.
Penso animali mangia. Penso debole. Penso basta.
Penso uccello chiama. No arriva. Penso devo.
Gamba una e mani. Alza. Dolore. Anche mano sangue. Altra mano tocca corteccia. Trova buco
di sasso e dita prende larva. In bocca e mastica. No manda giù. Poltiglia per uccello. Amaro. No
sputo. Devo.*

Tra le cose che nacquero allora si annovera dunque anche il cibo premasticato e, per esteso,
l'idea di omogeneizzato. Ma questo non importa.

*Слышу кричит сильно не как раньше. Криком кличет. Но не прилетают.
Думаю двое нас. Думаю не лишь один я. Думаю кличет приду.
Думаю он холодно. Кладу руки вокруг. Бьется. Кусается.
Думаю он голодно. Помню червяк. Думаю в темноте вниз точно падать и сломать и кровь.
Птица кричит. Думаю надо. Или снова стану один.*

Никогда прежде при расчете возможности выживания мысли и действия не учитывали по-добные переменные. Конечно, расчет все равно остается. Но осуществленный должным образом акт творения должен опираться на тщательно просчитанное основание.

Рука и нога как глаза. Ветку ищет. Держится. Вниз лезу. И снова. Каждая ветка держусь и мысль упасть. Думаю лезть не надо. Быть с мамой и папой и братья и сестры. Нога как глаза ищет ветку встать. Ветка трещит. Падает. Падаю.

В концептах костей и крови – архаичная мощь. Древние истины. Вроде той, что обязана силой истинной нагоде, и ничему иному. Так что только кости, кровь.

*Боль. От ноги идет вверх до живот. Сжимает. Пробую двигать. Нога не идти. И боль. Сломать и кровь.
Думаю звери съедят. Думаю слаб. Думаю стой.
Думаю птица зовет. Не прилетает. Думаю надо.
Нога одна и руки. Подъем. Боль. И рука кровь. Другая рука трогает кора. Находит дыра от камня и пальцы берут червяк. Во рту жевать. Не глотать. Пюре для птенца. Горько. Не плевать. Надо.*

Итак, среди появившегося в то время – пережеванная пища и идея гомогенности в целом. Но это неважно.

*Gamba rotta e sangue come peso di dolore. Gamba e braccia sale piano. Inizio difficile. Poi piano sento posso. Mano aggrappa ramo.
Spezza.*

Ci sono cose che, chiamate, rispondono.
Ce ne sono altre che, chiamate, esistono.

Su gamba rotta e sangue ancora peso di cadere. Dolore non come dolore. Come basta tutto. Dolore azzanna stomaco. Vomito sputo larve. Sento sapore frutta.

Morte.

Buio mangia. Come fa buio intorno a occhi e anche orecchie e anche mani. Buio in naso come acqua.

Sento come vado via.

Morte.

Sento non voglio.

Sento non posso. O anche uccello via.

Sento mano pianta unghie in terra come no non vado via.

Tutto nebbia.

*Come braccia decide da sole. Cerca ancora corteccia, solleva ancora gamba. Dolore tanto. Troppo.
Penso basta. Meglio morte.*

Ma doveva nascere. E già avviato era il parto. E già sveglia era una volontà altra, svegliata da sofferenza levatrice.

Braccia non ascolta. Alza corpo. Non trova buco in corteccia. Pugno. Pugno come uccidere. In nebbia penso sangue su corteccia. Buco nuovo. Larve in bocca. Sapore di amaro e larve e sangue.

Ancora penso basta.

Braccia solleva corpo su rami. Se cadere ancora morte. Se salire ancora dolore.

*Сломанная нога и кровь будто тяжесть боли. Нога и руки тихо вверх. Начало тяжело. Потом по чуть-чуть чую могу. Рука хватает ветка.
Треск.*

Нечто, если его позвать, отвечает.
А нечто, если его назвать, существует.

*На сломанной ноге и кровь снова тяжесть падения. Боль не как боль. А как конец всему.
Боль хватает живот. Тошнит плюю червяк. Чую запах фрукт.
Смерть.
Тьма ест. Тьма вокруг глаз ушей и даже рук. Тьма в носу как вода.
Чую будто уйду туда.
Смерть.
Чую не хочу.
Чую не могу. А то и птица уйдет туда.
Чую рука скребет песок ногтями будто нет не уйду.
Все туман.
Руки будто сами решать. Снова ищет кора, снова подъем нога. Столько боли. Слишком много. Может хватит. Смерть и ладно.*

Но нужно было родиться. И уже начались роды. И уже пробуждена была другая воля, разбуженная родильными муками.

*Руки не слушать. Тело поднять. Не находит дыру в коре. Удар. Удар будто убить. В тумане думаю кровь на коре. Снова дыра. Червяки во рту. Горький вкус и червяки и кровь.
Опять думаю хватит.
Руки тело на ветки тащить. Если опять упасть смерть. Если подъем опять боль.*

*Ma braccia e gambe sale e ancora.
E ancora.
In nebbia di sangue piume su mano.
Accorgo arrivato. Sputo larve e sangue.
Penso. Ho salvato.
Penso morte viene adesso.*

Ancora no, un'ultima cosa. Una forza eterna e inarrestabile ancora, poi sarà compiuto.

*Sento occhi chiusi e apro. Non buio.
Accorgo non morto. Accorgo uccello dorme. Respira.
Ancora gamba dolore, ma non nebbia.
Sole poco esce. Cielo come colore di frutta. E sangue anche.
Penso sole sale come pancia di uccello in respiro. Respiro. Dolore sopra pancia. Ma respiro.
Vedo sangue tutto. Gamba dolore piegata strana.
Ancora guardo sole. Caldo. Sento tiene me come io tengo respiro di uccello.
Sento come morte scappa. Come dice non ora.
Sento vivo.
Sento in pancia come pensare cadere, ma non brutto. Bello.
Sento troppo, come sole e colore frutta e respiro e uccello e io è troppo tenere dentro.
Sento esce come goccia da occhio.*

Forse chi pianse la prima lacrima morì di cancrena alla gamba su un albero e con un uccellino in grembo. Forse no. Non importa.
Importa che un antenato dei contemporanei rospo e rana uscì dalla tana dopo una notte passata a riprendersi da un grande spavento per sgranchirsi un po' le gambe. Ma subito fu costretto a rientrare: colpito da una goccia d'acqua, pensò che stesse per piovere. Non sapeva che, pochi metri più in alto, la vita si era accorta per la prima volta della vita.
E allora fu morta la morte e nata la vita. O viceversa, gli storici non concordano.

*Но руки и ноги вверх и опять.
И опять.
В тумане крови перо на руке.
Понимаю пришел. Плюю червяк и кровь.
Думаю. Я спас.
Думаю смерть придет сейчас.*

Нет, еще кое-что. Вечная и пока еще неудержимая сила, а потом уж конец.

*Чую глаза закрыты открываю. Не темно.
Понимаю не мертв. Понимаю птица спит. Дышит.
Опять нога боль, но не туман.
Солнце видно немного. Небо цвета фрукта. И крови.
Думаю солнце всходит как живот птицы дышит. Дышу. Боль на животе. Но дышу.
Вижу кровь везде. Нога боль согнута странно.
Смотрю солнце снова. Тепло. Чую хранит меня как я храню дыхание птицы.
Чую смерть бежать. Будто говорит не сейчас.
Чую живой.
Чую в животе будто думаю падать, но не противно. Приятно.
Чую много слишком, и солнце и цвет фрукта и птицы дыханье и я это сложно хранить внутри.
Чую будто идет капля из глаз.*

Тот, кто первым заплакал, возможно, позже умер от гангрены в ноге, сидя на дереве с птенцом на коленях. А может и нет. Это неважно.

Важно, что предок современных жаб и лягушек вышел из норы, чтобы немного размяться после ночи, проведенной в сильном страхе. Но вскоре ему пришлось залезть обратно: ушибленный каплей воды, он подумал, что начинается дождь. Он не знал, что парой метров выше жизнь впервые обнаружила жизнь.

И тогда умерла смерть и родилась жизнь. Или наоборот, мнения историков расходятся.

Nota critica

Alba di Giovanni Giamboni è un racconto in prosa lirica sulla dimensione primigenia della vita. Il giovane autore ambienta la vicenda in un tempo in cui la parola non aveva la preponderanza nel quotidiano, e in uno scenario naturale in cui la bellezza del creato non era stata deturpata dalla mano dell'uomo. Il contesto primordiale si evince anche dalla scelta di scrivere (sono le parti di testo in corsivo) senza utilizzare alla perfezione la sintassi, quasi a voler riprodurre il pensiero animale del protagonista, «un antenato dei contemporanei rospo e rana».

Questa creatura compie azioni tipiche della sua condizione: perlustra l'ambiente, si nutre, è attraversato da curiosità e paure. Nella sua lotta alla sopravvivenza, sputa il cibo indigesto e cerca di evitare il più possibile il dolore fisico. La vista del sangue, però, lo mette di fronte al pericolo della morte e al baratro del buio. Si innesca quindi una dinamica esperienziale che vede alternarsi il non voler morire e il non voler soffrire, il cercare di controllare il proprio corpo, il sentirsi guidato dall'istinto. Una goccia d'acqua che gli cade in testa lo induce a rientrare nella tana: convinto che stia per piovere, non si rende conto di quel che è accaduto nel nido che gli stava sopra la testa. Qui, invece, si è dischiusa la vita.

Con questo racconto Giovanni Giamboni tratteggia con raffinatezza e sensibilità gli avvenimenti di una notte in cui «fu morta la morte e nata la vita. O viceversa, gli storici non concordano».

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

«Рассвет» Джованни Джамбони – это рассказ о жизни в ее первозданном виде, написанный лирической прозой. Юный автор переносит действие своей истории во время, когда слово еще не обладает всеобъемлющим влиянием, в природные декорации, где красота мироздания еще не обезображена рукой человека. На первобытность обстановки указывает и не вполне правильный синтаксис (во фразах, написанных курсивом), как будто автор стремится воспроизвести мысль героя–животного, «предка современных жаб и лягушек».

Это существо выполняет обычные для себя действия: разведывает обстановку, кормится, испытывает любопытство и страх. В ходе борьбы за выживание оно выплевывает несъедобную еду и изо всех сил старается избегать физической боли. Правда, вид крови подвергает его смертельной опасности и погружает в пучину тьмы. Это запускает механизм получения опыта, в котором чередуются нежелание умирать и нежелание страдать, попытки контролировать свое тело и следование инстинкту. Капля воды, упавшая на голову, побуждает его вернуться в нору: решив, что начинается дождь, он не заметил того, что происходило в гнезде у него над головой. А там заявила о себе жизнь.

В этом рассказе Джованни Джамбони с чуткостью и изяществом обрисовывает нам события ночи, в течение которой «умерла смерть и родилась жизнь. Или наоборот, мнения историков расходятся».

Мария Пиа Пагани

Biografia

Giovanni Giamboni è nato a Mantova nel 1998. Si è diplomato nel 2016 negli Stati Uniti. Ha sviluppato sensibilità verso la forza e le responsabilità della parola durante il percorso di laurea triennale in Comunicazione Grafica e Multimediale; si è laureato con una tesi sul gioco di ruolo come strumento per la formazione, presentata a *Lucca Comics & Games* 2019. Dopo la laurea ha deciso di dedicarsi alla narrazione iniziando un percorso alla Scuola Holden di Torino.

Биография

Джованни Джамбони родился в Мантуе в 1998 г. В 2016 г. завершил среднее специальное образование в США. За время учебы на бакалавриате факультета графических и мультимедиа технологий он развил в себе восприимчивость к силе слова и связанной с ним ответственности; его диплом, посвященный ролевым играм как педагогическому методу, был представлен на фестивале «Lucca Comics & Games» в 2019 г. После выпуска из университета продолжает заниматься творческим письмом в туринской Школе Холден.

Giuseppina Giordano

Traduzione in russo di Ol'ga Komarova

Джузеппина Джордано

Перевод на русский язык Ольги Комаровой

LA PELLE

Impura.

Ecco, questa è la parola che per generazioni e generazioni, per secoli e secoli, mi sono sentita dire e ripetere. Spesso sono proprio io che, nei momenti più disparati della giornata o perfino durante la notte, leggo a me stessa quei versetti, quelle poche righe che hanno determinato tutta la mia esistenza prima ancora di nascere:

«Quando una donna avrà i suoi corsi e il sangue le fluirà dalla carne, la sua impurità durerà sette giorni; e chiunque la toccherà sarà impuro fino alla sera. Ogni letto sul quale si sarà messa a dormire durante la sua impurità, sarà impuro; e ogni mobile sul quale si sarà messa a sedere, sarà impuro. Chiunque toccherà il letto di colei si laverà le vesti, laverà se stesso nell'acqua, e sarà impuro fino alla sera. E chiunque toccherà qualsivoglia mobile sul quale ella si sarà seduta, si laverà le vesti, laverà se stesso nell'acqua, e sarà impuro fino alla sera. E se l'uomo si trovava sul letto o sul mobile dove ella sedeva quand'è avvenuto il contatto, egli sarà impuro fino alla sera. E se un uomo giace con essa, e avviene che lo tocchi la impurità di lei, egli sarà impuro sette giorni; e ogni letto sul quale si coricherà sarà impuro. La donna che avrà un flusso di sangue per parecchi giorni, fuori del tempo de' suoi corsi, o che avrà questo flusso oltre il tempo de' suoi corsi, sarà impura per tutto il tempo del flusso, com'è al tempo de' suoi corsi. Ogni letto sul quale si coricherà durante tutto il tempo del suo flusso, sarà per lei come il letto sul quale si corica quando ha i suoi corsi; e ogni mobile sul quale si sederà sarà impuro, com'è impuro quand'ella ha i suoi corsi. E chiunque toccherà quelle cose sarà immondo; si laverà le vesti, laverà se stesso nell'acqua, e sarà impuro fino alla sera. E quand'ella sarà purificata del suo flusso, conterà sette giorni, e poi sarà pura. L'ottavo giorno prenderà due tortore o due giovani piccioni, e li porterà al sacerdote all'ingresso della tenda di convegno. E il sacerdote ne offrirà uno come sacrificio per il peccato e l'altro come olocausto; il sacerdote farà per lei l'espiazione, davanti all'Eterno, del flusso che la rendeva impura. Così terrete lontani i figliuoli d'Israele da ciò che potrebbe contaminarli, affinché non muoiano a motivo della loro impurità, contaminando il

КОЖА

Нечистая.

Это слово мне повторяли раз за разом, поколение за поколением, век за веком. А иногда и сама я в самые разные моменты дня, а порой и ночью читаю про себя эти стихи Библии, несколько строк, определивших мою жизнь еще до ее начала:

«Если женщина имеет истечение крови, текущей из тела ее, то она должна сидеть семь дней во время очищения своего, и всякий, кто прикоснется к ней, нечист будет до вечера. И все, на чем она ляжет в продолжение очищения своего, нечисто; и все, на чем сядет, нечисто. И всякий, кто прикоснется к постели ее, должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера. И всякий, кто прикоснется к какой-нибудь вещи, на которой она сидела, должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера. И если кто прикоснется к чему-нибудь на постели или на той вещи, на которой она сидела, нечист будет до вечера. И если переспит с нею муж, то нечистота ее будет на нем; он нечист будет семь дней, и всякая постель, на которой он ляжет, будет нечиста. Если у женщины течет кровь многие дни не во время очищения ее, или если она имеет истечение долее обыкновенного очищения ее, то во все время истечения нечистоты ее, подобно как в продолжение очищения своего, она нечиста. Всякая постель, на которой она ляжет во все время истечения своего, будет нечиста, подобно как постель в продолжение очищения ее; и всякая вещь, на которую она сядет, будет нечиста, как нечисто это во время очищения ее. И всякий, кто прикоснется к ним, будет нечист, и должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера. А когда она освободится от истечения своего, тогда должна отсчитать себе семь дней, и потом будет чиста. В восьмой день возьмет она себе двух горлиц или двух молодых голубей и принесет их к священнику ко входу скинии собрания. И принесет священник одну из птиц в жертву за грех, а другую во всесожжение, и очистит ее священник пред Господом от истечения нечистоты ее. Так предохраняйте сынов Израилевых от нечистоты их, чтоб они не умерли в нечистоте своей, оскверняя жилище мое, которое среди

mio tabernacolo ch'è in mezzo a loro».

Non ho bisogno di guardarle, le vedo nella mia mente chiaramente.

Le parole sono potenti, hanno la forza di plasmare e distruggere. C'è chi pensa che siano gli uomini a dare forma al mondo attraverso le parole, io ho la certezza che sia il contrario. Sono le parole a condizionare la realtà, a dispiegarla davanti agli occhi di chi le ascolta come esse desiderano, rendendoli ciechi a tutto il resto. E io non riesco a fare a meno di ascoltare il suono di quelle lettere ogni volta che mi capita di incontrare la mia immagine. E così, senza desiderarlo, la mia mente mi ricorda costantemente che:

«Di tutti i profumi che possono rendere schiavi, nessuno è più letale di quello di una donna. Di tutti i sapori che possono rendere schiavi, nessuno è più letale di quello di una donna. Di tutte le voci che possono rendere schiavi, nessuna è più letale di quella di una donna. Di tutte le carezze che possono rendere schiavi, nessuna è più letale di quella di una donna».

C'è qualcosa di terribile e tremendo nell'essere femmina.

Nascosto dentro di me c'è il seme dall'impurità, le cui radici e rami si estendono a tutta la mia persona, dilatandosi, allungandosi, crescendo fino a che dalla profondità del mio essere raggiungono la superficie e a separarli dal resto del mondo non vi è nient'altro che questa sottilissima, finissima pellicola che è la pelle. Attraverso questa esilissima membrana tutto quello che è oltre può essere reso impuro a sua volta. E io mi sento di vivere lì, in quel limbo; concentro me stessa in quell'involucro che è tutto ciò che mi resta, tutto quello che non è più corrotto e non già corruttivo.

Dentro di me si alimenta questo strano e malato albero, questa pianta che occupa tutto lo spazio a sua disposizione. All'esterno si estende una realtà che è preclusa, che è stata costruita per altri, non per me. Dalla mia membrana riesco a guardare fuori e dentro di me e penso che è terribile e tremendo essere me e che ci siano e ci siano state decine, centinaia, migliaia, perfino decine di migliaia di altre come me. Siamo un esercito, un mare, un oceano di rinchiusi nel sottilissimo e finissimo spazio di un guscio. Siamo estranee a tutto e tutto ci è estraneo tranne l'involucro, la pelle. E io sono quelle

НИХ».

Мне не нужно смотреть на эти строки, они и так ясно стоят у меня перед глазами. Слова имеют силу, они могут созидать и разрушать. Некоторые думают, что мир создают люди посредством слов, но я уверена, что все наоборот. Слова формируют действительность, выворачивают ее на глазах у тех, кто внимает им с полной верой, затмевают им весь остальной мир. И я не могу отделаться от звучания этих строк каждый раз, когда вижу свое отражение. И, помимо моей воли, разум постоянно напоминает мне, что:

«Из всех запахов, способных обратить в рабство, нет смертельнее запаха женщины. Из всех вкусов, способных обратить в рабство, нет смертельнее вкуса женщины. Из всех голосов, способных обратить в рабство, нет смертельнее голоса женщины. Из всех ласк, способных обратить в рабство, нет смертельнее ласки женщины».

Есть в женской сути нечто темное и ужасное.

Во мне сокрыто зерно нечистоты, корни и ветви его тянутся, ширятся, заполняя все мое существо, разрастаются настолько, что из самых потаенных глубин достигают поверхности, и от остального мира их отделяет лишь тончайшая, едва осязаемая пленка — кожа. Через эту хрупкую мембрану нечистота может замарать все, что находится снаружи. А я будто живу в этом лимбе, сдерживаю себя в этой оболочке, которая и есть все, что у меня осталось, все, что еще не растлено и не тлетворно.

Внутри меня растет это странное и болезненное дерево, растение, занимающее все доступное ему пространство. Снаружи простирается запретная действительность, мне туда хода нет, она создана для других. Я же могу глядеть на мир из-за этой мембраны, вглядываться в себя, находить в своей сути нечто темное и ужасное и думать, что таких, как я, были и есть десятки, сотни, тысячи и даже десятки тысяч. Нас — легион, море, океан, заточенных в хрупкой, едва осязаемой скорлупе. Мы чужды всему и нам все чуждо, кроме этой оболочки — кожи. И я несу в себе этих женщин, и они несут в себе меня. И в этом слове, «нечистая», — целые поколения и века, все

donne e loro sono me. E quella parola impura racchiude in sé tutte le generazioni e tutti i secoli e tutti gli sguardi lanciati verso il mondo e caduti in un vuoto che è desolante e ancora più vuoto perché neanche quello è un posto in cui è dato vivere.

So che dovrei sentirmi prigioniera, soffocata in una prigione dalla quale non si può fuggire perché fatta di carne e sangue e ossa e di altra carne e di altro sangue e di altre ossa che, quasi come l'altra metà di una cesoia, mi ricordano che sono impura e mi ricacciano e mi umiliano. La mia pelle, però, la mia sottilissima membrana mi basta. È esile, fragile, delicata, leggera, ma resistente. Assomiglia ad una ragnatela che è talmente fine da essere quasi trasparente, invisibile, ma che riesce a sostenere il peso del ragno e delle sue prede e che può allungarsi e assumere le forme più disparate.

Così, proprio così, è il mio spazio, che sono io.

E la mia pelle è capace di sopportare gli urti, i miei che vengono da dentro e quelli di chi è fuori. È elastica e assorbe e non teme di spezzarsi. Genera e rigenera se stessa e non ha paura di scomparire. Sono la ragnatela che regge se stessa e che sente le zampe del ragno pizzicare e le ali della preda tirare.

Mi dilato e sono un confine senza limiti, una linea che si può varcare ma non afferrare e in questo spazio che non è spazio io mi appartengo e sono libera e chi prova a toccarmi non tocca la mia pelle ma l'impurità che vi è oltre.

Sono le parole a determinare la realtà e io sono impura, corrotta e corruttiva.

Ho il potere di contaminare, di diffondere, di contagiare, ma il mio guscio, il mio involucro, la mia membrana è talmente sottile che le parole passano oltre.

взгляды, брошенные в мир и павшие в бездну, горестную и еще более бездонную оттого, что и в этой пустоте нам не дано жить.

Я знаю, что мне следовало бы ощущать себя пленницей, задыхающейся в темнице, из которой нет выхода, потому что сложена она из моей же крови, плоти и костей, и снова из плоти и крови, и снова из костей, которые напоминают мне, что я нечистая, унижают меня и еще глубже загоняют в заточение, обрезая словно ножницами все пути к спасению. Но мне хватает своей кожи, этой тончайшей мембраны. Она уязвимая, мягкая, нежная и вместе с тем прочная. Она напоминает паутину: едва заметная, полупрозрачная, почти невидимая, она способна выдерживать вес паука с его добычей, может растягиваться и принимать самые разнообразные формы. К ней, только к ней и сводится мое личное пространство, я сама.

Моя кожа способна выдерживать удары, как мои, идущие изнутри, так и те, что приходят извне. Она эластична, она многое принимает и не боится порваться. Дает жизнь, самовоспроизводится и не страшится исчезнуть. Я — паутина, удерживающая свой вес и чувствующая, как пробегают по ней лапки паука, как бьют по ней крылья жертвы.

Я растягиваюсь, я — бескрайний рубеж, линия, которую можно пересечь, но нельзя постичь, и в этом пространстве, которое не есть пространство, мое место, здесь я свободна, и тот, кто пытается прикоснуться ко мне, касается не моей кожи, но скрытой за ней нечистоты.

Это слова определяют действительность, и я нечиста, растлена и тлетворна.

В моей власти марать, разносить скверну, заражать, но оболочка моя, моя мембрана столь тонка, что слова проходят сквозь нее.

Nota critica

Il racconto *La pelle* di Giuseppina Giordano mette in luce una forte femminilità, espressa attraverso l'eco veterotestamentaria. Il Libro del Levitico è il cardine delle riflessioni della protagonista, che con un intenso monologo interiore manifesta la sua consapevolezza di essere nata donna. Una condizione naturale, questa, in cui la potente capacità di generare la vita si abbina inscindibilmente al momento dell'essere "impura". La potenza della parola biblica induce la protagonista a compiere un viaggio alla scoperta del proprio corpo, di cui individua chiaramente anche tutte le possibilità seduttive: «C'è qualcosa di terribile e tremendo nell'essere femmina».

Ogni donna vive il dualismo tra l'essere "impura" e l'essere seduttiva, e il corpo ne ha stabilito un confine ben preciso: la pelle. Da qui ci si può rapportare con il mondo, difendersi, trovare un equilibrio, modellare i rapporti umani. La protagonista si sente a suo agio in questo spazio liminale, punto di partenza e di arrivo, di cui riconosce la fragilità e nel contempo la resistenza: «E la mia pelle è capace di sopportare gli urti, i miei che vengono da dentro e quelli di chi è fuori».

Nella società contemporanea, la moda dei tatuaggi ha reso la pelle uno strumento di comunicazione dall'irresistibile fascino per le nuove generazioni nella costruzione del proprio *look*. Grazie al racconto di Giuseppina Giordano, vediamo come la pelle possa essere uno strumento di profonda ricerca esistenziale.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ «Кожа» Джузеппины Джордано раскрывает тему пылкой женственности, звучащей в отголосках ветхозаветной эпохи. Рассуждения героини строятся вокруг книги Левит, в пламенном внутреннем монологе она обращается к своей женской сути. К естественному состоянию, в котором неразрывно спаяны великий дар давать жизнь и присущая женщине «нечистота». Под влиянием библейского слова героиня отправляется на поиски знания о собственном теле, осознавая при этом и его соблазнительную прелесть: «Есть в женской сути нечто темное и ужасное».

Каждая женщина обладает этой двойственной природой, сочетая в себе «нечистоту» и соблазнительность, и границу здесь очень точно очерчивает ее собственное тело, кожа. Находясь в ее пределах, можно общаться с миром, защищаться, обретать равновесие, выстраивать отношения с людьми. В этом ограниченном пространстве героиня чувствует себя в безопасности, это отправная точка и конечный пункт ее пути, она осознает ее уязвимость и вместе с тем прочность: «Моя кожа способна выдерживать удары, как мои, возникающие изнутри, так и те, что приходят извне».

Мода на татуировки в современном обществе сделала кожу средством самовыражения, молодое поколение неудержимо тянет использовать ее для создания образа. А рассказ Джузеппины Джордано показывает нам, что кожа может быть и средством глубокого самопознания

Мария Пиа Пагани

Biografia

Giuseppina Giordano è nata ad Avellino nel 1991. Mentre cercava di vedere quanto più possibile del mondo, o almeno anche solo dell'Italia o della sua regione, si è laureata in Filologia Moderna presso l'Università della Campania "Luigi Vanvitelli". Attualmente è immersa in vecchi manoscritti polverosi, in letture disperatissime, in musica multiforme e in viaggi con la fantasia. La pubblicazione di questo racconto è uno dei pezzetti di sogno che si realizza.

Биография

Джузеппина Джордано родилась в Авеллино в 1991 г. Росла, пытаясь увидеть как можно больше новых мест в мире, или хотя бы в Италии, или только в своем регионе, училась в Университете области Кампания имени Луиджи Ванвителли, окончила факультет современной филологии. В настоящее время безнадежно увлечена книгами, старыми пыльными рукописями, разнообразной музыкой и смелыми полетами фантазии. Публикация этого рассказа – один из фрагментов сбывшейся мечты.

Giada Guassardo

Traduzione in russo di Ekaterina Panteleeva

Джада Гуассардо

Перевод на русский язык Екатерины Пантелеевой

LA GUERRA DEI NASI

Il tizio dall'aria scontrosa che ha da poco traslocato al n. 81, al sedicesimo piano, è un maître parfumeur – un Naso, secondo la dicitura oggi più consueta. E non un Naso qualunque: lavora come sintetizzatore di odori alla RHIN (emittente leader nella TV olfattiva, fondata nel 2040), e crea i profumi per molti show popolari. La notizia ha fatto presto il giro dei condòmini, che ora divorano sigle e titoli di coda in attesa del suo nome, incuriositi: “Ah però, è anche il profumatore ufficiale di Lidia Kovacic, allora è davvero uno importante”, “Senti il profumo di quest'annunciatrice, vero che somiglia a quello del vincitore di *Canta che ti passa?*”. Oppure polemici: “Bah, l'ambrato-speziato è un po' banale in un programma turistico” “Guarda che ti sbagli, è legnoso-speziato” “Fa niente, non mi piace lo stesso”. Ci sono poi gli indifferenti, che non condividono l'eccitazione per la TV olfattiva, e infine quelli che malsopportano nello specifico i Nasi: “Mio figlio ora usa un profumo disgustoso che ha sentito in una serie tv, a lui piace perché l'ha creato comesichiamo, quel guru da strapazzo! Fino a ieri i profumieri contavano zero, ora tutti pecoroni dietro a loro”.

Il Naso evita di mostrarsi per il palazzo. Non solo non cede alle attenzioni, ma prevede per esse un'eclissi inevitabile, anzi imminente. La situazione parla chiaro: da quando la Giorgetti ha assunto le redini della produzione, la sua presenza in redazione è richiesta sempre meno; lavori di sua competenza ora vengono esternalizzati (low-cost) a giovani pronti a tutto. Nel nuovo appartamento, il Naso fa quotidiana pratica di inattività, si prepara all'oblio a tempo indeterminato. Va al lavoro di rado, e solo dietro espressa chiamata dei colleghi.

Oggi gli telefona Morelli, il tuttofare dell'équipe: dice che lo vogliono in redazione, sono arrivati i nuovi volti della seconda serata e c'è bisogno di lui per formulare i profumi. Aggiunge, in confidenza, che occorre spicciarsi – da qualche giorno anche il Principino è in possesso delle password degli impianti rino-digitali, e pare non veda l'ora di metter naso in qualche lavoro. Il Naso non è sorpreso dalla novità: l'attendeva da tempo. Anzi, nemmeno la definirebbe una

ВОЙНА НОСОВ

Недружелюбного вида тип, недавно переехавший в 81-ю квартиру на шестнадцатом этаже, по профессии мастер-парфюмер или, как сейчас принято говорить, Нос. И не просто какой-нибудь обычный Нос: он разрабатывает запахи для RHIN (медиакомпания – лидера ольфакторного телевидения, появившегося в 2040 году) и создал ароматы для многих популярных телепередач. Новость эта быстро облетела всех соседей, которые тут же прилипли к экранам, изучая титры в конце программ в поисках имени нового жильца и умирая от любопытства.

- Ого, он еще и официальный парфюмер Лидии Ковачич, значит, действительно важная шишка.
  - Чувствуешь запах этой ведущей, правда, похож на тот, что был у победителя «Проснись и пой»?
- Многие не скупилась и на критические замечания.
- Да ну, амбра и специи для программы о путешествиях – это банальщина.
  - Ты чего, это же дерево и специи!
  - Без разницы, мне все равно не нравится.

Нашлись и безразличные, не разделяющие ажиотажа по поводу ольфакторного телевидения, а также те, кто Носов вообще не может терпеть.

- Сын у меня теперь все время пользуется жутким запахом из сериала только потому, что его создал этот, как его, ну, чертов гуру! Еще недавно о парфюмерах никто и слухом не слыхивал, а теперь все по ним с ума сходят.

Сам же Нос старается пореже встречаться с соседями. Он не только не рад всеобщему вниманию, но и не может отделаться от подозрения, точнее говоря, уверенности в том, что все это вот-вот прекратится. Отрицать очевидное бесполезно: с тех пор как Джорджетти возглавила компанию, работы в редакции для него все меньше и меньше, а заказы, которые раньше поручили бы ему, теперь отдают молодым фрилансерам, готовым работать за копейки. Так что в своей новой квартире Нос в основном упражняется в ничегонеделании и готовится к вечному забвению. На работу ходит редко, только если кто-то из коллег лично его пригласит.

novità, piuttosto un marchio di ufficialità su un processo annoso, quello con cui la Giorgetti ha a poco a poco (e con manovre meno pulite di questa) spianato l'avvenire al figlio, dopo averlo praticamente allevato alla RHIN. Il Naso lo ricorda bambino, che vagava per i corridoi, a volte gli bussava, mentre lui creava fragranze per vecchi film (come quelle per Marilyn e Clint Eastwood, tuttora definite dai critici 'pionieristiche'). Bussava a tutti, imitava i versi degli animali; ci si aspettava da lui un futuro da rumorista; crescendo ha preferito gli odori, ora infatti ha fondato il suo marchio personale, adesso in azienda lo chiamano il Principino.

In ascensore il Naso si imbatte nella dottoranda in perfume design che abita al n. 70, quella che gli ha infilato il CV davanti alla porta, insieme a due campioni di essenze da lei create: 'ChocoChoc', ai cinque cioccolati, e 'Thymiamama', all'incenso. Lei accenna un "Buon...", lui taglia corto, "non ho potuto ancora annusare nulla". In realtà vorrebbe dirle, sei convinta di voler fare questo mestiere? sappi che le buone narici non bastano, forse neppure contano, anzi è il contrario a salvarti, il tapparsi il naso. Il buttar giù rospi: come lui stesso in una vecchia edizione di Sanremo, per cui creò trenta profumi, tutti poi depositati a nome (guarda un po') della Giorgetti, che aveva il solo merito di essere già qualcuno. E molte altre ne avrebbe da raccontare.

In redazione l'équipe si sta affaccendando intorno a due tizi, ragazzo e ragazza, per la prova degli abiti. Rapido scambio di saluti, di "come sta andando?", di "ci vediamo più tardi". Morelli passa al Naso alcuni fogli – l'intervista ai due, che gli servirà (secondo una liturgia ben collaudata) come fonte di ispirazione per confezionare i profumi. Il Naso raggiunge il suo ufficio, entra e avvia i diffusori olfattivi, gli occhi incollati alle schede. La tizia ha i capelli rossi (caramello?), parla cinese, si considera litigiosa (tabacco? patchouli?); il tizio è un ex studente di medicina ed ex campione di scherma (muschio bianco?). Immaginando piramidi olfattive, il Naso indossa il camice, apre l'armadio con le fiale.

All'improvviso si blocca. Sente che nella stanza spira già un odore. Tende le narici – è un misto di odori alimentari: chutney al rabarbaro, alga kombu, taralli dolci, caffè miscela robusta. L'aria diviene irrespirabile; una raffica di colpi di tosse scompagina il suo petto.

– Pronto, portineria? Posso sapere chi viene a mangiare nel mio ufficio?

Сегодня Носу позвонил Морелли, ассистент редакции, и заявил, что его ждут в офисе: приехали новые ведущие вечерней программы и нужно подобрать для них ароматы. От себя он по секрету добавил, что стоит поторопиться: недавно Маменькин сынок получил пароли от рино-цифрового оборудования, и, судя по всему, ему не терпится сунуть свой нос в какой-нибудь проект. Парфюмер новости не удивился, он давно этого ждал. Он даже не назвал бы это новостью, скорее, официальным завершением многолетнего процесса, при помощи которого Джорджетти потихоньку (и не гнушаясь грубых и нечестных маневров) обеспечила будущее своему сыну, которого практически вырастила в RHIN. Нос хорошо помнит, как тот ребенком слонялся по коридорам и иногда стучался к нему в кабинет, а сам он тогда работал над запахами к старым фильмам: создавал для Мэрилин Монро или Клинта Иствуда ароматы, которые критики потом нарекут «новаторскими». Сын Джорджетти бродил туда-сюда, подражал звукам разных животных, и ему прочили карьеру шумовика. Однако, повзрослев, он выбрал запахи и основал свой личный бренд, а в офисе его прозвали «Маменькиным сынком».

В лифте Нос сталкивается с аспиранткой кафедры дизайна ароматов, которая живет в 70-й квартире и недавно подсунула ему под дверь свое резюме вместе с двумя образцами созданных ею запахов: «ШокоШок» с пятью шоколадами и «Фимиам» – с ладаном.

– Добрый... – пытается начать беседу девушка, но маэстро тут же ее перебивает.

– Я еще ничего не понюхал.

На самом деле он говорит: «Ты уверена, что хочешь заниматься этим делом? Знай, талантливых ноздрей тут недостаточно, да они никому и не нужны – если хочешь чего-то добиться, придется тебе, наоборот, учиться затыкать себе нос». А еще глотать обиды, как ему самому на давнем фестивале «Сан-Ремо», для которого он создал тридцать ароматов, а потом их все присвоила себе (кто бы мог подумать) Джорджетти, и только потому, что ее имя тогда уже было на слуху. Много чего он мог бы рассказать.

В редакции все носятся вокруг парочки незнакомцев, парня и девушки, подбирая им наряды. Приветствия на бегу, вереница сплошных «Как дела?» и «Увидимся». Морелли протягивает Носу распечатку – интервью с новыми ведущими, которое, согласно давно отработанному ритуалу, должно стать источником вдохновения при создании ароматов. Нос идет к себе в кабинет, включает ароматические диффузоры и впивается глазами в текст. Девушка с рыжими волосами (карамель?) говорит по-китайски, считает

- Le spiego, la Giorgetti ha avviato la nuova strategia di hot desking, la sua postazione ora serve come appoggio per la chef Fiorini, per i casting di *Un, due... Tre Stelle*.
  - Cioè? Usano la mia scrivania per presentare i piatti dei concorrenti?
  - Esatto. Ad ogni modo, non ci sarà mai accavallamento di... – ma il Naso non sente più, torna a soffocarlo la tosse, tanto da far accorrere Morelli dall'ufficio accanto: “Che hai?”.
  - Mi esplodono le sinapsi. Non vedi in che condizioni mi fanno lavorare?
- Morelli annusa, storce le labbra.
- Cribbio, la Giorgetti ti vuole proprio male.
  - A quanto pare, ora faccio tutt'uno con un insulso show sui cuochi. Dimmi se non è umiliazione questa! Mi verrebbe voglia di spaccare tutte le fiale, alla salute della chef e della sua baracca.
  - Calmati. Per il lavoro hai tempo, si va in onda alle 22:30.
  - Con questa puzza non riesco. Per non parlare dell'aiuto che mi date voi altri –. Raduna le schede, gliele agita sotto gli occhi. – Cosa ti dico sempre? Voglio dettagli indiscreti, che tirino fuori la personalità! Di questi due ne so tanto quanto prima.
  - A questo si rimedia. Se vuoi te li mando, sono dalla truccatrice.
  - No, siediti. Pensavo una cosa.

I due sono d'accordo: la circostanza ha tutta l'aria di un sabotaggio. Morelli riporta una voce di corridoio, secondo cui il Principino avrebbe dei profumi già bell'e pronti da affibbiare ai nuovi arrivati – forse di quel genere ‘agricolo’ per cui si sta facendo conoscere, e che sua madre sta tentando di piazzare, millantandone la novità (come quello al cavolfiore che è riuscita a far trasmettere in un talent show di prima serata, una furbata di prim'ordine). E la via più semplice è, certo, mettere fuori gioco il Naso.

- Comunque è matta. Non capisce il rischio che corre, facendoti fuori. Con tutto quel che hai fatto per fiction, reality, passerella...
- Qui siamo tutti pezzi di ricambio. Ora è il turno del Principino; domani lo rottameranno, e forse toccherà a te. Dopo anni da factotum, potresti tornare a lavorare con l'olfatto! Ci hai mai pensato?

себя вспыльчивой (табак? пачули?); парень – бывший студент–медик и бывший чемпион по фехтованию (белый мускус?). Прикидывая в уме ольфакторные пирамиды, Нос надевает белый халат и открывает шкафчик с флаконами.

Внезапно он замирает. Похоже, в кабинете уже чем–то пахнет. Нос принюхивается и ясно различает кричащую смесь ароматов пищи: чатни из ревеня, водоросли «комбу», сладкие таралли, кофе «робуста». Дышать невозможно, приступ кашля сотрясает его грудь.

– Алло, ресепшен? Можно узнать, кто вздумал есть у меня в кабинете?

– Сейчас все объясню: Джорджетти ввела систему незакрепленных рабочих мест, и теперь у вас иногда работает шеф–повар Фьорини, она проводит кастинг для «Трех звезд».

– В смысле? Они у меня на столе раскладывают еду, которую приготовили участники?

– Именно так. Но в любом случае, ваши графики не пересекаются...

Нос уже не слушает, он снова зашелся кашлем, да так, что прибежал Морелли из соседнего кабинета.

– Ты чего?

– У меня сейчас рецепторы лопнут. Видишь, в каких условиях заставляют работать?

Морелли принюхивается, на лице появляется сочувственная гримаса.

– Ничего себе, да Джорджетти тебя извести решила.

– Похоже на то, меня объединили с какой–то идиотской кулинарной передачей. Боже, какое унижение! Я готов все флаконы перебить в честь шеф–повара и ее дурацкого шоу.

– Успокойся. У тебя достаточно времени, эфир в 22:30.

– Да не могу я работать в такой вони. Не говоря уж о том, сколько помощи от всех вас... – Нос хватается распечатку и трясет ею в воздухе. – Я что тебе всегда говорю? Мне нужны личные детали, которые раскрывают суть человека! А об этих двоих я ничего нового не узнал.

– Ну, это можно исправить. Хочешь, я отправлю их к тебе, когда закончат с мейк–апом?

– Нет, сядь. Я вот что подумал.

Им обоим ясно, что происходящее слишком сильно напоминает откровенный саботаж. Морелли пересказывает долетевший до него слух о том, что Маменькин сынок уже подготовил запахи, которые собирается всучить вновь прибывшим – возможно, в своем фирменном «сельском» стиле, который вовсю

- In effetti, ultimamente torno spesso a dilettermi con gli alambicchi. Ho ripreso in mano il mio progetto di laurea.
- Sarebbe?
- Profumi per un film, *Il dottor Živago*.
- ...
- Già, poco spendibile. Ma è per mio svago, per studio. Ho riformulato lo Chanel n. 5 originale, sai? Quello creato da Beaux, profumiere degli zar di Russia, che trasse ispirazione dai laghi artici.
- Ti auguro il successo. Magari in un futuro che apprezzi i film lunghi più di un’ora.
- Un futuro retrogrado.
- Retrogrado è il nostro mestiere. Siamo il polmone artificiale dei mass media in via di estinzione. Con l’avvento dei social chi guarderebbe più la tv, se la tecnologia olfattiva non l’avesse resa appetibile?
- Forse la teniamo in vita, forse ne prolunghiamo l’agonia. Torno di là. Buona fortuna.

Il Naso sfila il portatile dalla borsa; ne scivolano fuori anche due fialette di vetro, in confezioni variopinte. ‘Thymiama’, ‘ChocoChoc’...La carta velina colorata gli ammicca, lo invita ad annusare. Il Naso inala – e rimane sconvolto. Le fragranze sono equilibrate, ruffiane al punto giusto, sapientemente nel *suo* stile. Di più: sembrano fatte apposta per i due identikit. Come ha fatto la dottoranda a prevedere, ad anticipare le sue mosse?

Non tutti gli angeli custodi arrivano dall’alto, pensa, fissando i beccucci dell’impianto olfattivo. Ma quel pensiero è scacciato da un altro. Macché angelo. Questo sono io: sono i profumi che io avrei creato. Lei mi ha studiato, e adesso mi copia, anche se in anticipo su di me. Che c’è dunque di male a riprendersi ciò che è proprio?

Si decide: versa ‘Thymiama’ nel beccuccio, quindi ‘ChocoChoc’; la sintesi digitale è una formalità di pochi minuti. Ma inviandoli in redazione, non riesce a liberarsi di un assillo sottile. Forse che, come ultimo atto di giustizia sulla Giorgetti, abbia dovuto somigliare un pochino a lei?

продвигает его мать, хваля за свежесть и оригинальность (аромат на основе цветной капусты она даже умудрилась запихнуть в популярное шоу талантов, вот хитрюга!). И, конечно, проще всего было бы вывести из игры Носа.

– Да она чокнутая. Не понимает, чем рискует, если избавится от тебя. После всего, что ты сделал для кино, реалити-шоу, на подиуме...

– Все мы здесь только винтики в системе. Сегодня черед Маменькиного сынка, а завтра его отправят в утиль, и, может, наступит твоя очередь. Кто знает, вдруг после стольких лет на побегушках ты вернешься к работе с ароматами! Думал когда-нибудь о таком?

– Честно говоря, в последнее время я часто балуюсь с дистилляторами. Даже вытащил свой дипломный проект.

– А что за проект?

– Ароматы к фильму «Доктор Живаго».

– ...

– Я знаю, неприбыльное занятие. Но это просто хобби, чтобы потренироваться. Знаешь, что я нашел изначальную формулу «Chanel No. 52»? Ту самую, которую придумал Эрнест Бо – парфюмер российских императоров, вдохновлявшийся озерами Заполярья.

– Желаю удачи. Может, в будущем люди снова начнут смотреть фильмы, которые длятся больше часа.

– Какое-то ретроградное будущее...

– Сама наша профессия ретроградная. Мы как аппарат искусственного дыхания для умирающих средств массовой информации. Кто вообще смотрел бы телевизор в эпоху соцсетей, если бы ольфакторные технологии не вернули ему популярность?

– Может, мы возрождаем телевидение, а может – продлеваем его агонию. Ладно, я пойду. Удачи тебе.

Нос вытаскивает ноутбук, следом из сумки выпадают два флакончика в яркой упаковке. «Фимиам», «ШокоШок»... Цветная оберточная бумага радует глаз, приглашая попробовать ароматы. Нос открывает флакончики – и пораженно замирает. Отличные сбалансированные запахи, в меру насыщенные и выполненные в его собственном стиле. Более того: они превосходно подходят для двоих ведущих. Как смогла соседка-аспирантка узнать об этом, предугадать его действия?

Il Naso esce che è sera inoltrata, quando dalle finestre delle case e dai tablet dei passanti iniziano a sprigionarsi gli effluvi della seconda serata. Le note di testa lo seguono sul marciapiede, in metropolitana è sopraffatto da quelle centrali. Le note di fondo deflagrano nella tratta finale, lo assalgono con virulenza, come se strillassero.

Il Naso sa che spariranno. Nell'era dell'olfatto ci si è abituati alla levità delle cose, tutto è come una piramide olfattiva, un'illusione effimera, un volatile trascolorare delle cause in effetti senza strascichi.

Nell'androne del palazzo la fragranza è intensissima. Il Naso imbocca le scale, sui pianerottoli si affacciano i condòmini spalancando sorrisi – ogni porta dischiusa è una folata di profumo, una staffilata dietro l'altra. Lui saluta, firma autografi, a tutti ripete “potrebbe abbassare l'odore della sua tv?”. Non gli vale barricarsi in casa, anche i profumi si intrufolano, spirano tra i mobili, avvolgono le suppellettili, impregnano i tappeti, le tende, i cuscini.

Fiaccato, inebetito, il Naso crolla sul divano. Nel sogno bussa al n. 70. La dottoranda lo accoglie in un salotto bianco e inodore. Lui le dice: “Il futuro sei tu. Ti aiuterò”. Lei sorride.

Il Naso si sveglia. Intorno a lui il profumo si rarefa pian piano, svapora nel vuoto, finché la stanza torna alla sua igienica quiete.

«Иногда ангел-хранитель является в неожиданном обличье», – думает он, закрепляя воронки на ольфакторном аппарате. Но эту мысль быстро вытесняет другая: «Да какой ангел! Это же я: это запахи, которые создал бы я сам. Она изучила меня и теперь копирует, пусть даже с опережением». А что плохого в том, чтобы присвоить себе то, что и так твое?»

Нос решается и вливает в воронку «Фимиам», а затем и «ШокоШок». Теперь надо лишь подождать пару минут, пока завершится цифровой синтез. Отправляя ароматы в редакцию, он, однако, никак не может отделаться от навязчивой мысли: неужели, желая воздать по справедливости Джорджетти, он сам уподобился ей?

Нос выходит из редакции уже затемно, как раз когда из окон домов и планшетов прохожих начинают литься ароматы вечерней передачи. Верхние ноты преследуют его, пока он идет по тротуару до метро, в вагоне приходит черед средних. На последних станциях вокруг него взрываются базовые ноты, окружают, будто вопят прямо в ухо.

Нос знает, что скоро они исчезнут. В эпоху запахов люди привыкли к быстротечности происходящего, все вокруг словно ольфакторная пирамида – летучее, изменчивое и не оставляющее следов.

В подъезде концентрация аромата еще выше. Нос поднимается по лестнице, и на каждой площадке его встречают улыбающиеся соседи, любая приоткрытая дверь – это новая волна запаха, словно очередная пощечина. Парфюмер здоровается, раздает автографы, каждому говорит: «Может, немного уменьшите запах телевизора?» Запереться в квартире не получается – ароматы лезут в щели, заполняют все доступное пространство, обволакивают мебель, пропитывают ковры, занавески, подушки.

Измученный, ничего не соображающий, Нос падает на диван. Во сне он стучит в дверь 70-й квартиры. Аспирантка проводит его в белоснежную гостиную без всяких запахов. Он говорит:

– Будущее – это ты. Я тебе помогу.

Она улыбается.

Нос открывает глаза. Аромат вокруг него постепенно исчезает, растворяется в пустоте, пока, наконец, в комнате не воцаряется привычный стерильный покой.

Nota critica

Il racconto *La guerra dei Nasi* di Giada Guassardo ci proietta in un futuro abbastanza lontano (si fa riferimento a fatti successivi al 2040), ma non irraggiungibile per il pubblico del Terzo Millennio. Un testo visionario, si direbbe, ambientato in quella che la giovane autrice definisce «l'era dell'olfatto», sempre più destinata a prendere il sopravvento sull'era delle immagini. La vicenda ruota intorno alle dinamiche organizzative di uno show televisivo basato sulla creazione di nuovi profumi, che hanno la caratteristica altamente innovativa di sprigionarsi dai dispositivi elettronici degli spettatori. La levità delle fragranze vincenti risulta avere la meglio anche sul suono: «Potrebbe abbassare l'odore della sua tv?».

I “Nasi” che partecipano al programma sono assetati di successo e vivono una serrata competizione: chi vince diventa una *star*, i cui autografi si trasformano in preziosi cimeli. Ma non è sempre facile destreggiarsi nella piramide olfattiva, creando un prodotto innovativo e destinato a raggiungere le masse: «Con l'avvento dei social chi guarderebbe più la tv, se la tecnologia olfattiva non l'avesse resa appetibile?».

L'originale dimensione olfattiva alla base del racconto di Giada Guassardo si unisce all'ironia con cui viene presentato questo scenario futuribile: si ipotizza uno spaccato di quotidianità di una società inquieta e in continua evoluzione, sempre in cerca di se stessa.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ Джады Гуассардо «Война носов» переносит нас в достаточно далекое будущее (речь идет о событиях, происходящих после 2040 г.) – впрочем, не столь далекое для читателей третьего тысячелетия. История с элементами фантастики происходит в период, который молодая писательница называет «эпохой запахов» и который постепенно приходит на смену «эпохе изображений». Сюжет разворачивается вокруг производства телепередачи, основанной на создании новых ароматов, которые при помощи передовых технологий транслируются через электронные гаджеты зрителей. Невесомые ароматы вытесняют с главенствующих позиций не только изображение, но и звук: «Может, немного уменьшите запах телевизора?»

Участвующие в программе «носы» одержимы жаждой успеха и постоянно соперничают между собой: победитель становится звездой, его автограф ценится на вес золота. Однако не так-то легко лавировать по этажам ольфакторной пирамиды, постоянно изобретая новые ароматы для широкой публики: «Кто вообще смотрел бы телевизор в эпоху соцсетей, если бы ольфакторные технологии не вернули ему популярность?»

Оригинальная идея главенства запахов, лежащая в основе рассказа Джады Гуассардо, дополняется иронией, которая пронизывает вполне реалистичное описание мира будущего: это срез повседневной жизни беспокойного, постоянно развивающегося общества, которое находится в непрерывном поиске собственного пути.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Giada Guassardo è nata a Senigallia nel 1992. È stata allieva della Scuola Normale Superiore e, parallelamente, dell'Università di Pisa, dove si è laureata in Lingua e letteratura italiana; in seguito ha svolto il dottorato all'Università di Oxford, con una tesi su Ariosto. Attualmente è borsista all'Istituto Nazionale di Studi sul Rinascimento (Firenze). È autrice di studi sulla poesia lirica rinascimentale, tra cui una curatela di prossima pubblicazione per La Nave di Teseo. È stata finalista in vari concorsi letterari.

Биография

Джада Гуассардо родилась в Сенигаллии в 1992 г. Училась в Высшей нормальной школе в Пизе и параллельно в Пизанском университете, где получила диплом по специальности «итальянский язык и литература». Окончила аспирантуру в Оксфордском университете, защитила диссертацию об Ariosto. В настоящее время научный сотрудник Национального института истории Возрождения (Флоренция). Автор ряда работ о поэзии эпохи Ренессанса, редактор книги, готовящейся к выпуску в издательстве «Ла Наве ди Тезео», также многократная финалистка литературных конкурсов.

Beatrice Salvioni

Traduzione in russo di Vladislava Syčëva

Беатриче Сальвиони

Перевод на русский язык Владиславы Сычевой

VERE FEDE

“Durerà finché il Duce non dirà: basta.” Così dicevano della guerra, come se fosse stata il gioco di un uomo solo. Intanto continuavano a sostenere che fosse un’impresa compiuta per un popolo intero. La gente urlava *Eià eià alalà* quando sentiva alla radio la notizia dell’avanzata del nostro esercito, bestemmiava quando invece erano le forze etiopi a costringerlo ad arretrare.

Io sapevo solo che era ormai un mese che il mio Onorio se ne stava a respirare l’alito rovente della sabbia d’Africa e nelle lettere che ricevevo, annerite dai tratti sbrigativi della censura, tutto quello che riuscivo a leggere era: *Cara Virginia, sento la mancanza tua e del tuo risotto allo zafferano. Prega per me.* In alto la data: 30 novembre 1935.

Arrivavano con dieci giorni di ritardo, le lettere. Era come vivere a più di una settimana di distanza. L’Onorio che mi diceva: *Sto bene, mangio due volte al giorno*, poteva anche non esistere più.

Dicembre era arrivato in fretta trascinandosi dietro una neve pesante e lenta che ingrigiva subito, si accumulava in una poltiglia acquosa ai lati delle strade e lì rimaneva a marcire.

Quel periodo, che era sempre stato definito dall’attesa della festa, dall’odore delle caldaroste, quell’anno era appesantito dal risentimento e dall’incertezza. Era una sensazione di gelida tensione che stringeva lo stomaco e accomunava tutti: dalla signora con il pellicciotto di volpe che si faceva servire coi guanti dal pasticciere di Via Bergamo, alla cameriera con le braccia stagne, rosse per il freddo, che andava a fare le commissioni per lei. Gli uomini quella paura la chiamavano “mania da signorine”, scuotevano la testa e consigliavano di prendere un cucchiaino di magnesia per far passare il male allo stomaco.

Ma la tensione ci circondava: nei negozi appendevano la pubblicità dei canditi e del panettone Motta con la scritta: “Il Natale Motta è il Natale italiano”, alla radio mandavano di continuo *Ti saluto vado in Abissinia* e nelle scuole le maestre appendevano le cartine dell’Etiopia segnando con le bandierine l’avanzare dell’esercito italiano, facevano cantare

ГЛАВНОЕ – ВЕРИТЬ

«Она не кончится, пока Дуче не решит, что довольно». Про войну порой говорили так, будто это было делом рук одного человека. И все же продолжали утверждать, что за ней стоит целая нация. Народ скандировал «Эйа-эйа алала!»¹, когда по радио передавали новости о наступлении итальянских войск, и разражался проклятиями, если армия Эфиопии вынуждала отступить.

Мне было известно лишь то, что уже месяц мой Онорио дышал знойным воздухом африканской пустыни, а в письмах, черных от поспешных вымарываний цензоров, удавалось прочитать только: «Дорогая Вирджиния, скучаю по тебе и твоему ризотто с шафраном. Помолись за меня». Вверху дата: 30 ноября 1935 года.

Почта приходила с десятидневной задержкой. Я будто жила с отставанием в неделю, и даже больше. Моего Онорио, который писал: «Все хорошо, кормят два раза в день», могло уже не быть в живых.

Вскоре настал декабрь, а с ним повалил нескончаемый мокрый снег. Он мгновенно серел, жидким месивом скапливался у тротуаров и оставался там гнить.

Месяц, прежде сопровождавшийся предвкушением праздника и запахом жареных каштанов, в этом году был омрачен раздражением и неопределенностью. От ледящей душу тревоги сосало под ложечкой, волнение передавалось всем: от дамы в перчатках и лисьем полушубке, которую обслуживал кондитер с виа Бергамо, до бегавшей по ее поручениям служанки с большими, красными от мороза руками. Мужчины называли это беспокойство женскими причудами, качали головами и советовали принимать магнезию, чтобы избавиться от болей в желудке.

Но напряжение не отступало. В магазинах красовалась реклама цукатов и панеттоне миланской фабрики «Мотта» с надписью: «Рождество с “Мотта” – настоящее итальянское Рождество», по ра-

---

¹ Алала — древнегреческая богиня, олицетворение боевого клича в греческой мифологии, который в Италии трансформировался в военный клич «Эйа-эйа алала».

Giovinezza con il saluto romano rivolto al ritratto di Mussolini appeso accanto al crocifisso. Di guerra si parlava spesso, ma rimaneva una cosa nebulosa, lontana. A sentirsi di più era la rabbia per la grande ignominia delle sanzioni che la Società delle Nazioni aveva imposto al paese dopo l'invasione dell'Etiopia. Le signore nei caffè del centro si lamentavano che per colpa della Gran Bretagna il tè non si trovava più e dovevano accontentarsi del karkadè, un surrogato che aveva l'odore dell'acqua nei sottovasi.

Sapevo cosa mi avrebbe detto Onorio se fosse stato con me. La stessa cosa che aveva ripetuto quando temevamo di non riuscire a pagare l'affitto o quando, poco prima delle nozze, sua madre mi aveva chiesto come pensavo di rendere felice suo figlio senza una dote. *Abbi fede*, diceva l'Onorio. *Del resto non ti curare. Basta che continui ad avere fede.*

Alla fede ci pensavano gli uomini che parlavano dai balconi di Roma con la voce forte e l'espressione dura, ma non era la fede di cui parlava Onorio.

Il diciotto dicembre sembrava che tutta la città si fosse radunata in piazza Trento, sotto il monumento dei caduti ingrigito dalla neve.

Giorno di fede sicura e indefettibile nei destini della Patria dicevano alla radio Giorno in cui l'oro degli umili alimenta la resistenza contro l'assedio economico.

Usavano parole importanti gli uomini che parlavano alla radio, parole solenni. A sentir loro eravamo tutti un popolo di eroi. E così dovevamo sentirci quella mattina ai piedi dell'angelo trombettiere e dei suoi guerrieri di bronzo.

C'erano gli squadristi in divisa con la mantella nera ammassati sulla neve sporca come un mucchio di mosche su una carcassa.

In fila una per una le donne della città con il loro abito migliore e il cappello con la veletta, salivano le scale del monumento facendo cadere nell'elmo rivoltato sull'altare la fede di nozze. In cambio ne ricevevano una di ferro con inciso *oro alla patria* e un diploma in pergamena con l'Italia che teneva alto il fascio littorio.

La folla cantava e faceva di continuo il saluto, più che altro come un modo per scaldarsi.

Una bambina con la faccia nascosta da una sciarpa di lana rossa alzò entrambe le braccia, le dita ben tese, la madre si affrettò ad abbassarle il braccio di troppo.

дио непрерывно крутили песни об итальянских солдатах на абиссинском фронте. В школах учительницы крепили на доски карты Эфиопии, отмечая флажками траекторию наступления итальянских войск, и вместе с детьми пели «Джовинецца»², салютуя висевшему около распятия портрету Муссолини.

О войне говорили, как о чем-то далеком и неопределенном. Зато отчетливо ощущалось всеобщее негодование из-за позорных санкций, которые Лига Наций наложила на Италию после ее вторжения в Эфиопию. Дамы в городских кафе возмущались, что из-за британцев чая теперь не достать. Приходилось довольствоваться каркаде — жалким подобием чая с привкусом затхлой воды из-под цветов.

Я знала, что бы сказал Онорио, будь он рядом. Он повторял это и когда мы переживали, что нечем платить за квартиру, и когда его мать незадолго до нашей свадьбы спросила, как я собираюсь без приданого строить счастливую семейную жизнь с ее сыном. «Просто верь, — говорил Онорио. — Об остальном не беспокойся. Главное — верить».

О вере радели и те, кто с решительным видом громогласно зывали к народу с балконов правительственных зданий. Но это была не та вера³, о которой говорил Онорио.

Восемнадцатого декабря вся Монца столпилась на пьядца Тренто у занесенного сероватым снегом памятника погибшим солдатам.

«Сегодня день твердой и непоколебимой веры в судьбы Родины, — раздавалось по радио. — День, когда золото простых людей поможет преодолеть экономическую блокаду».

Дикторы произносили громкие, торжественные слова, внимая которым каждый чувствовал себя частью героической нации. Именно это должны были испытывать мы тем утром, собравшись вокруг трубящего ангела и его бронзовых воинов.

Копошившиеся на грязном снегу чернорубашечники в форменных плащах напоминали мух на об-

---

2 Песня «Юность» («Giovinezza») — гимн Национальной фашистской партии. Переписанный на военный мотив студенческий гимн приобрел популярность среди солдат штурмовых подразделений, главных распространителей идей фашизма, породивших два главных фашистских символа — черные рубашки и песню «Юность».

3 В оригинале игра слов «avere fede» — «иметь веру / иметь обручальное кольцо».

Questa non è mica fede. Avrebbe detto l'Onorio scuotendo forte la testa.

Ma non era lì e presto sarebbe stato il mio turno. Faceva freddo, le nocche si spaccavano dai geloni, ci passavo la lingua per far passare il bruciore e in bocca avevo il sapore del sangue.

La signora Brambilla, col cappello di feltro e il manicotto di pelliccia, salì piano le scale, il mento alto e la fierezza nel viso.

“Una cosa da nulla” disse quando tornò indietro, con l’anello di ferro stretto nel pugno. “Non mi hanno nemmeno guardata, neanche detto grazie, pensa un po’ te.” Fece una smorfia e lasciò cadere la fede grigia nella neve prima di stringersi nel manicotto e tornare a rifugiarsi in mezzo alle signore con il cappotto pulito e le calze di rayon con la riga sul polpaccio.

Quella faccenda di donare la fede alla Patria non era un ordine; agli ordini puoi sempre trovare un modo per dire di no. Con i doni è più difficile. Lo chiamavano: Un dono spontaneo e amorevole.

L’obbligo non veniva solo dalla voce chiassosa dell’autorità, arrivava dai tuoi vicini, dai tuoi familiari, dagli amici. Era lo sguardo di chi ti stava intorno che ti costringeva. Anche la regina aveva donato la sua fede di nozze, anche Rachele Mussolini. Pirandello aveva dato la medaglia del Nobel, d’Annunzio una cassa d’oro. Che cos’era in confronto un misero anellino che valeva solo il ricordo?

Se chi ti stava a fianco donava, donavi anche tu. Perché *è così che si fa*. Perché è quello che deve fare un bravo italiano. Perché chi non lo fa ha in odio la Patria e la giustizia.

Il vizio dell’obbedienza è contagioso come la tubercolosi, difficile da estirpare.

Abbassai lo sguardo al lucido cerchietto delle mie nozze, l’unico oggetto d’oro che avessi mai posseduto, che Onorio mi aveva messo al dito poco più di un anno prima quando avevamo giurato davanti al Signore nella chiesa di Sant’Ambrogio.

Non l’avevo mai tolto da allora. Sfilarlo mi lasciò addosso la sensazione di essermi appena mozzata via un dito a morsi.

Fu allora che mi venne alla testa il rumore della voce dell’Onorio: *Del resto non ti curare.*

глоданном скелете.

Женщины в своих лучших нарядах и шляпках с вуалями по очереди поднимались по ступеням мемориала, чтобы бросить в водруженную на алтарь перевернутую каску обручальное кольцо — в знак верности Родине. Взамен каждой выдавали металлическое колечко с гравировкой «Золото Отечеству» и грамоту, напечатанную на свитке с изображением Италии с ликторской фасцией⁴ в руке.

Народ пел и время от времени салютовал, поднимая правую руку, — больше для того, чтобы согреться.

Малютка, с головой укутанная в красный шерстяной шарф, вскинула обе ручонки, широко растопырив пальцы. Мать поспешно опустила ей левую руку.

«Какая же это вера», — сказал бы Онорио, качая головой.

Но его рядом не было, а приближалась моя очередь. Стоял мороз, и кожа на костяшках потрескалась от холода. Я провела по ним языком, чтобы унять жжение, и почувствовала во рту привкус крови.

Синьора Брамбилла в фетровой шляпке и меховой муфте с гордым видом, высоко задрав подбородок, медленно поднималась по ступеням.

— Ну и ну, — сказала она, возвращаясь с зажатым в кулаке металлическим колечком. — На меня даже не взглянули. Подумать только, хоть бы «спасибо» сказали!

Она скорчила гримасу, швырнула колечко в снег и, спрятав руки поглубже в муфту, отправилась искать сочувствия у дам в изящных пальто и шелковых чулках со стрелками.

Это подношение в знак верности Родине не было принудительным — приказы всегда можно обойти. С подношениями сложнее. Они считались жертвой добровольной и бескорыстной.

Принуждение чувствовалось не только в настойчивых призывах властей: оно исходило от соседей, друзей, родных. Всеобщая уверенность в том, что это необходимо, не оставляла другого выбора.

---

⁴ Ликторские фасции – пучки прутьев, связанные ремнями; изначально – атрибут власти древнеримских царей. Бенито Муссолини, одержимый идеей восстановления Римской империи, избрал фасции символом своей партии, откуда и появилось ее название — Национальная фашистская партия.

Raccolsi dalla neve la fedina di metallo che la signora Brambilla aveva lasciato cadere, tanto gelata da scottare le dita, sollevai appena il bavero del cappotto e feci scivolare quella d'oro tra i seni.

Mentre salivo le scale del monumento, verso l'elmo presieduto dagli uomini in nero, al dito avevo la fede di ferro. Avrei dovuto solo gettarla in fretta nell'elmo, senza esitare. Nessuno avrebbe notato la differenza. Cadendo avrebbe fatto lo stesso suono, poi si sarebbe confusa tra le altre.

Avevo le spalle e la schiena contratte, come a voler scomparire, ma cercavo di tenere la testa alta, come avevano fatto le signore. Mi ritrovai in piedi di fronte all'altare, afferrai con due dita l'anello di ferro per sfilarlo, tenendolo nascosto col palmo. Ma quello non voleva saperne di uscire. La fede doveva essere troppo stretta, la mano ingrossata dal freddo.

Uno dei ragazzi sull'attenti intorno all'elmo si staccò dalla fila e venne verso di me. Non doveva avere nemmeno vent'anni, impacciato nella divisa ben stirata, il cappello con la nappa che dondolava sulla fronte. Trattenni il respiro, la paura era una cosa vischiosa che risaliva alla nuca, scendeva nei talloni e lì si fermava. Il ragazzo si mise una mano sul cappello poi si chinò a prendere un pugno di neve e disse: "Permette" prima di inumidirsi le dita e frizionarmi la mano fino a quando la fede sguscì via cadendogli nel palmo. Quella fedina opaca di ferro brillava umida nella sua mano. La gettò nell'elmo prima di tornare a rimettersi sull'attenti in mezzo agli altri. Solo allora la paura mi scivolò via dai calcagni. Mi aveva guardata, ma non aveva visto. Il pensiero della disobbedienza era talmente inaudito da rendere insensibili alla stessa evidenza.

"Si faccia da parte, signora. Anche le altre devono salire" disse uno dei ragazzi con i calzoni alla zuava e la giacca nera con la spilla lucida del fascio.

Mentre scendevo le scale e attraversavo la piazza facendomi largo in mezzo alla folla, pensavo all'Onorio. Quando torna dalla guerra gli racconto tutta la storia, pensavo. Tenevo la mano contro il petto, in mezzo ai seni. Sotto le dita avvertivo il contorno della fede d'oro e sorridevo appena pensando alle parole con cui gli avrei descritto ogni dettaglio: il dito gonfiato dal freddo, il fascista che aveva raccolto la neve e la paura che avevo inghiottito.

Сама королева отдала свое обручальное кольцо, Ракеле Муссолини — тоже. Пиранделло пожертвовал Нобелевскую медаль, Д'Аннунцио — ящик золота. Что значила в сравнении с ними какая-то безделушка, вся ценность которой заключалась в воспоминании?

Раз жертвовали окружающие, жертвовал и ты. Потому что так принято. Потому что так бы поступил истинный итальянец. Потому что тот, кто поступает иначе, идет против Родины и справедливости. Покорность — недуг заразной холеры, и искоренить ее не так-то просто.

Я взглянула на блестящую полоску своего обручального кольца — единственного золотого украшения, которое я когда-либо носила. Онорио надел мне его на палец за год с небольшим до того, как мы обвенчались в церкви Сант-Амброджо.

До этой минуты оно всегда было со мной. Сняв кольцо, я будто лишилась пальца, точно его откусили.

Мне вдруг вспомнились слова Онорио: «Главное — верить».

Я достала из снега выброшенный синьорой Брамбиллой символ ее верности Родине. Холодное железо обжигало пальцы. Свое обручальное кольцо я, отогнув воротник пальто, спрятала на груди. Я поднималась по ступеням мемориала к каске, возле которой дежурили солдаты в черном, с металлическим колечком на пальце. Нужно было только, без раздумий, бросить его туда. Никто и не заметит подмены. Оно точно так же звякнет и затеряется среди остальных.

Я вся сжалась — так мне хотелось исчезнуть, — но голову старалась держать высоко, как и другие женщины. Подойдя к алтарю, я попыталась двумя пальцами стянуть кольцо, одновременно прикрывая его ладонью. Оно не поддавалось. Символ верности Родине давил, рука опухла от холода. Один из дежуривших у каски чернорубашечников отделился от шеренги и направился ко мне. Ему было не больше двадцати, движения сковывала тщательно выглаженная форма, перед глазами болталась кисточка фески. Я затаила дыхание. Липкий, вязкий ужас растекался по всему телу, от макушки до пят. Солдат, придерживая феску ладонью, наклонился взять горсть снега и, сказав: «Разрешите», стал мокрыми пальцами растирать мою кисть, пока кольцо не соскользнуло ему в ладонь. Влажный металлический кружок блеснул на солнце. Чернорубашечник бросил кольцо в каску и вернулся обратно в шеренгу. Только тогда ужас отступил.

Он смотрел прямо на меня, но ничего не заметил. Сама мысль о неповиновении казалась всем на-

Lui avrebbe riso con la sua risata che era come pioggia sui tetti, poi avrebbe versato quel vino rosso che prendeva in fiaschi all'Osteria dei Mulini, dal sapore troppo forte, come aceto vecchio, dicendo: "Bisogna festeggiare."
Sarebbe andata così. Me lo sentivo. Dovevo solo avere fede.

столько невероятной, что очевидное оставили без внимания.

— Синьора, отойдите в сторону. Дайте другим подняться, — сказал солдат в галифе и черном кителе со сверкающим значком фации.

Спускаясь по ступеням и протискиваясь сквозь толпу на площади, я думала об Онорио. «Как вернется с войны, обо всем ему расскажу». Я прижимала руку к груди, нащупывая золотое кольцо – символ моей верности и любви, – и улыбалась, представляя, как буду описывать каждую деталь: опухший на морозе палец, чернорубашечника с горстью снега, охвативший меня ужас. Онорио наверняка рассмеется, будто дождь забарабанит по крыше, нальет терпкого вина из купленной в остерии «Деи Мулини» бутылки и скажет: «Это надо отметить».

Так все и будет. Я чувствовала. Главное – верить.

Nota critica

Avere fede di Beatrice Salvioni può essere a tutti gli effetti considerato un racconto storico, ambientato durante la Guerra d'Etiopia. La protagonista Virginia vive con apprensione la lontananza del marito Onorio al fronte: il loro legame è affidato alla corrispondenza epistolare, fatta di poche parole e di molti ritardi nella consegna delle missive dall'Africa all'Italia.

Onorio vive la guerra al fronte, da combattente. Invece Virginia la vive a casa, tra i ricordi e l'attesa di veder tornare il suo amato, sposato poco più di un anno prima. Questa lunga attesa è scandita da molteplici fattori: le mutate condizioni della vita quotidiana, la rabbia per i sacrifici richiesti alla popolazione e, soprattutto, l'incertezza di non rivedere mai più Onorio. Da sposa fedele, Virginia rifiuta il pensiero di poter restare vedova: per questo, con un astuto e rischioso stratagemma, evita di donare alla Patria la sua fede nuziale. Non si tratta di rinunciare all'unico oggetto in oro che abbia mai posseduto, ma di aggrapparsi alla speranza di un domani migliore. Nella sua ribellione non c'è la vanità, ma la ricerca della libertà.

Beatrice Salvioni utilizza con cura la cornice storica per presentare una vicenda bellica tutta vissuta al femminile, dando voce ai sentimenti di chi combatte su un altro fronte con la stessa tenacia di chi è stato chiamato alle armi. La fede nuziale simboleggia la fede nella Vita: è fatta d'oro, ovvero del credere e dello sperare anche in una situazione estremamente difficile.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Рассказ Беатриче Сальвиони «Главное – верить», действие которого разворачивается во время Второй итало–эфиопской войны, с уверенностью можно причислить к исторической прозе. Главная героиня Вирджиния живет в страхе за своего мужа Онорио, воюющего на далеком абиссинском фронте. Новости от него она получает из немногословных писем, которые приходят из Африки в Италию с сильной задержкой.

Пока Онорио сражается на фронте, Вирджиния ждет его дома, живя воспоминаниями и уповая на возвращение любимого, за которого вышла замуж чуть больше года назад. Тянувшееся ожидание сопровождается множеством трудностей: изменением привычного хода жизни, негодованием народа из-за требований правительства, но, прежде всего, неуверенностью в возможности воссоединиться с Онорио. Преданная Вирджиния отвергает даже мысль о том, что останется вдовой. Стремясь сохранить свое обручальное кольцо как символ супружеской верности, она решается рискнуть и пойти на хитрость, чтобы не отдавать его на благо Родины. Дело не в нежелании расстаться со своим единственным золотым украшением, а в стремлении сберечь веру в лучшее будущее. Неповиновение Вирджинии говорит не о мелочности, а о потребности в свободе.

Беатриче Сальвиони умело использует исторический контекст, чтобы показать, как отражается война на судьбе женщины. Писательница затрагивает переживания тех, кто, сражаясь на ином фронте, проявляют не меньшую стойкость, чем солдаты на войне. Обручальное кольцо в рассказе символизирует человеческую веру, выплавленную из драгоценного металла непоколебимости и надежды, не иссякающую даже в безвыходной ситуации.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Beatrice Salvioni, monzese classe 1995, è scrittrice e appassionata di storie in tutte le forme. Ha conseguito la laurea magistrale in Filologia Moderna presso l'Università Cattolica di Milano, dove è anche tutor del corso di Alta Formazione "Il Piacere della Scrittura". Frequenta il secondo anno del College "Scrivere" presso la scuola Holden di Torino. Ha pubblicato racconti nelle raccolte della casa editrice Historica e ha scritto per il blog del teatro Franco Parenti di Milano. Attualmente sta lavorando al suo primo romanzo.

Биография

Беатриче Сальвиони родилась в Монце в 1995 г. Пишет прозу, любит читать самую разнообразную литературу. Окончила магистратуру по специальности «современная филология» в Миланском католическом университете, где на данный момент ведет курс писательского мастерства «Писать с удовольствием». Параллельно учится на втором курсе отделения литературного творчества в Школе Холден в Турине. Ее рассказы выходили в сборниках, выпущенных издательством «Historica», статьи опубликованы в блоге миланского Театра Франко Паренти. Работает над первым романом.

Andrea Zancanaro

Traduzione in russo di Svetlana Smaleva

Андреа Дзанканаро

Перевод на русский язык Светланы Смалевой

OBLIO

Considero il cervello come un computer che smetterà di funzionare quando i suoi componenti si guasteranno.

Stephen Hawking

La paziente delle 12.00 entra con il marito. Capelli rossi e corti, perle alle orecchie, il resto del volto coperto dalla mascherina.

– Buongiorno. Sono una specializzanda del dottor Brini, – dice Giada, tenendo la porta, poi mi indica: – Lui è uno studente di medicina. Sedetevi.

La signora è impacciata. Sistema la giacca sulla sedia e la controlla, la aggiusta, guarda l'uomo.

– Allora, Rossana, come sta?

Osservo lui. Occhiali dalla montatura spessa, barba e capelli ordinati, camicia bianca, maglione viola.

– Abbastanza bene, – risponde il marito. La donna è seduta sul bordo della sedia, a volte abbassa lo sguardo con aria vulnerabile, colpevole. Non ho idea di quanto avanzata sia la malattia, ma sbirciando la cartella clinica vedo che è nata nel 1968 e penso subito Early onset: pazienti così giovani sono spesso affetti da questa variante genetica del morbo di Alzheimer. Ieri, dopo aver visitato un uomo con la stessa malattia, Giada mi ha detto:

– È la forma più rapida, in pochi anni dimenticano tutto.

Il marito fruga in una cartellina trasparente e appena trova il referto dell'ultima visita dice:

– Rispetto a luglio non è cambiato molto.

– Sono d'accordo, – dice Rossana. – Ci sono giorni in cui va tutto bene, altri in cui... questa testa...

– È normale, signora, l'importante ora è che mi dica se le sembra di dimenticarsi le cose

ЗАБВЕНИЕ

Мне кажется, наш мозг – это компьютер, который перестает работать, если его детали ломаются.

Стивен Хокинг

В назначенные двенадцать часов пациентка пришла вместе с мужем. У нее короткие рыжие волосы, в ушах жемчужные сережки, лицо закрыто медицинской маской.

– Здравствуйте! Я – интерн доктора Брини, – представляется Джада, придерживая дверь, а потом указывает на меня: – А это практикант. Присаживайтесь.

Пациентка нервничает. Она вешает пиджак на спинку стула, проверяет, все ли с ним в порядке, поправляет, смотрит на мужчину.

– Ну что, Россана, как дела?

Я гляжу на ее мужа. Очки в толстой оправе, аккуратные борода и стрижка, белая рубашка, фиолетовый свитер.

– Вполне неплохо, – отвечает он.

Женщина сидит на краешке стула, иногда опускает несчастный и виноватый взгляд. Не знаю, на какой стадии заболевание, но, посмотрев в ее медицинскую карту, я обратил внимание, что она родилась в 1968 году, и сразу подумал – это «ранняя болезнь»: в таком молодом возрасте чаще всего проявляется генетическая мутация болезни Альцгеймера. Вчера, после осмотра мужчины с таким же диагнозом, Джада сказала мне:

– Это самая быстрая форма, за пару лет они забывают все.

Муж роется в прозрачной папке для бумаг, находит заключение врача с прошлого приема и говорит:

– С июля ничего особенно не поменялось.

– Я тоже так думаю, – говорит Россана. – Иногда все хорошо, но случается, что... голова...

più spesso rispetto all'estate.

Rossana conclude ogni frase con una sorta di risata che la mascherina soffoca. Tiene le mani sulle ginocchia, composta. Risponde alle domande di Giada e sostiene di essere autonoma, il marito, però, non è sempre d'accordo. Di tanto in tanto corregge le sue affermazioni invitandola a raccontare tutto alla dottoressa: è capitato che si sia persa e sì, cucina ancora, ma sempre aiutata – “Beata lei che ha chi le dà una mano!” dice Giada –, anche la spesa non la fa più da sola, una volta è uscita a comprare l'occorrente per una gita al lago ed è tornata con un chilo di pane e nient'altro. Quando la donna parla, il marito si sforza di trattenersi, ma poi la corregge sempre. Le precisazioni cadono sul tavolo fredde e spigolose come pezzi di ghiaccio.

– Che lavoro ha fatto, Rossana?

Mi chiedo se sia andata in pensione prima di tutto questo o se la professione è la prima cosa che l'Alzheimer le ha strappato.

– Facevo la ragioniera.

– Ed è assurdo, – commenta l'uomo, – i numeri adesso sono il problema principale.

La moglie annuisce.

– E anche la scrittura, lei che ha stenografato tutta la vita!

– No! – sbotta Rossana. – La scrittura no.

Drizzo la schiena di fronte al suo scatto, immagino un litigio. La pazienza di lui. Si può discutere davvero con qualcuno che, allo stesso tempo, è e non è più se stesso?

– Dai, Rossana, quando scrivi con il cellulare, su whatsapp.

Lei non commenta, si tocca le perle mentre Giada stampa il Mini Mental State Examination e dice:

– Ora le faccio il test.

Domande, risposte. Croci per quelle giuste, cerchi per quelle sbagliate. Il marito è un rapace, i muscoli tesi, gli occhi sulla moglie, fissi. Immagino cosa può provare sapendo che stiamo per calcolare un punteggio in base al quale gli comunicheremo per quanto, a grandi linee, può sperare che lei continui a riconoscerlo.

– Все в порядке, синьора. Сейчас мне важно узнать, ухудшилась ли ваша память по сравнению с летом?

Россана каждую фразу будто заканчивает смешком, который заглушает маска. Она сидит, аккуратно сложив руки на коленях. Отвечает на вопросы Джады и поддерживает видимость дееспособности, хотя муж не всегда согласен с ее словами. Время от времени он поправляет ее, тем самым подталкивая рассказать врачу все: однажды она потерялась, и да, она по-прежнему готовит еду, но только вместе с ним («Как же вам повезло с помощником!» – замечает Джада). За покупками она тоже одна уже не ходит: как-то они собрались на пикник у озера, и Россана пошла за продуктами, а вернулась лишь с килограммом хлеба. Пока женщина говорит, муж явно сдерживается, но затем всякий раз поправляет ее. Его уточнения, холодные и колючие, напоминают льдинки.

– Кем вы работали, Россана?

Интересно, успела ли она выйти на пенсию до болезни, или работа оказалась первым, что отобрал Альцгеймер.

– Бухгалтером.

– И это так глупо... – замечает муж. – Сейчас с цифрами сложнее всего.

Жена соглашается.

– Еще трудно писать... а ведь она всю жизнь была стенографисткой!

– Нет! – восклицает Россана. – Я хорошо пишу.

Услышав ее восклицание, я невольно выпрямляюсь – боюсь, сейчас они поругаются. Сколько же у него терпения. Можно ли всерьез спорить с кем-то, кто одновременно в себе и не совсем в себе?

– Брось, Россана, вспомни свои сообщения в ватсаппе.

Она не отвечает и щупает жемчужины сережек, пока Джада распечатывает «Краткую шкалу оценки психического статуса».

– А теперь давайте вместе пройдем тест.

Вопросы, ответы. Крестик – правильно, кружочек – нет. Муж как хищник, мышцы напряжены, глаз с жены не сводит. Представляю его чувства: он понимает, что мы сейчас высчитываем балл, на основании которого ему сообщат, сколько еще жена, скорее всего, будет его узнавать.

– Какой сейчас год, Россана? – начинает Джада.

– In che anno siamo, Rossana? – comincia Giada.

– 1990.

– Sicura?

La dottoressa disegna un cerchio: risposta sbagliata.

– Aspetti. 1995.

– No, guardi questa, – e indica la mascherina. – Cos'è questa?

Silenzio.

– Siamo nel 2020.

– Ah, già, – dice Rossana, come se avesse appena sbagliato il cognome di un compagno di scuola che non vede da quarant'anni.

– E in che stagione siamo?

– In primavera.

Giada disegna un altro cerchio e mi guarda. Più tardi, quando la paziente sarà uscita e noi ci alzeremo un attimo per sgranchire le gambe, mi dirà che l'orientamento temporale è spesso la prima cosa a guastarsi.

– Dove ci troviamo?

– In ospedale.

Certe domande le azzecca, altre no. Le parole casa pane gatto sa ripeterle, ma dopo tre minuti non le ricorda. Sono turbato. C'è una grande differenza tra sentire qualcuno che dice:

– Mi dimentico tutto, – e vederlo in difficoltà nel rispondere a domande semplicissime.

Rossana esegue gli ordini. Chiude gli occhi se le si dice di farlo. Piega il foglio a metà e lo riappoggia sul tavolo. Non tutti ci riescono. Emilia, l'anziana che abbiamo visitato alle 9.00, ha preso il pezzo di carta e, usando i braccioli della carrozzina come ripiano, lo ha lavorato con cura.

– Ho fatto una barchetta. Va bene una barchetta?

– Va benissimo, – ha detto Giada.

– Le facevo da ragazza.

Giada ha ripetuto:

- 1990.

- Вы уверены?

Врач нарисовала кружок: неверно.

- Пойдите... 1995.

- Нет, посмотрите на меня, - Джада указывает на маску. - Что это?

Тишина.

- Сейчас 2020.

- Ой, вот как, - ойкнула Россана, словно перепутала фамилию одноклассника, с которым лет со-рок не виделась.

- И какое сейчас время года?

- Весна.

Джада снова рисует кружок и смотрит на меня. Потом, когда пациентка уйдет, а у нас будет минутка размять ноги, Джада объяснит, что ориентация во времени пропадает первой.

- А где мы сейчас?

- В больнице.

Некоторые ответы она угадывает, некоторые - нет. Слова «дом», «хлеб», «кот» она повторяет, но через три минуты не может вспомнить. Я потрясен. Существует огромная разница между тем, когда человек признается, что все забывает, и когда видишь, как он едва справляется с простейшими вопросами.

Россана следует указаниям. Закрывает глаза, когда просят. Сгибает лист пополам, потом кладет его обратно на стол. Это не у всех получается. Эмилия, пенсионерка, которая приходила в девять утра, взяла лист бумаги и старательно его сложила на подлокотнике коляски.

- Я сделала кораблик. Красивый кораблик?

- Замечательный, - кивнула Джада.

- Я их складываю с детства.

Джада повторила:

- Вы сделали нам кораблик, - и нарисовала кружок.

Сын Эмилии засмеялся и сказал:

- Наш дом превратился в порт.

– Ci ha fatto una barchetta, – e ha disegnato un cerchio.
Il figlio di Emilia ha riso, poi ha detto: – Casa nostra sembra un porto.

Rossana è brava con i comandi semplici, nelle sottrazioni, invece, un disastro. Il marito la guarda, sa già che non vincerà quei punti. Cento meno sette la confonde. Immagino i neuroni impegnati nel conto – scariche elettriche da una parte all'altra del cranio – e spingo lo sguardo sotto la pelle, tra i muscoli, le arterie, le ghiandole, più in profondità, fino alla rete dorata del sistema nervoso e più giù, nel regno delle cose piccole, dove tutto è protoni, elettroni e tantissimo vuoto. Nel suo cervello c'è un buco, penso, e ogni ricordo finirà lì.

– Non riesco, non riesco.

L'autocontrollo mi stupisce. Se non fossi capace di fare cento meno sette scoppierei a piangere.

– Ora mi deve scrivere una frase di senso compiuto.

Prende la penna e inizia, ma il foglio resta bianco.

– È storta, – dico.

– Oh, che sbadata, – la gira, la porta verso la mascherina, forse l'istinto di morderla per placare l'agitazione. – Non so cosa scrivere.

– Quello che vuole.

Il marito la fissa e un'altra immagine compare nella mia mente. Parenti sui primi banchi e fiori dappertutto, la luce entra dal rosone in fasci dritti, la polvere danza e si deposita lenta. Mi concentro sull'uomo davanti all'altare, ma l'immagine si deforma come se qualcuno ne tirasse i bordi mentre penso a come cambierebbe la scena se lo sposo sapesse.

Rossana guarda il foglio.

– Può scrivere quello che preferisce, – la incoraggia Giada. Prima mi ha detto che la prova della frase è la sua preferita. Per un momento si vede la persona e non la malattia.

Franco, il novantenne che alle 10.00 sedeva al posto di Rossana, ha preso la biro e l'ha tenuta sospesa, la mascherina si è gonfiata mentre sorrideva. Ho intercettato lo sguardo della

Россана замечательно выполняет что-то легкое, но вычитание – настоящая катастрофа. Муж смотрит на нее и уже понимает: здесь баллы она потеряла. «Сто минус семь» сбили ее с толку. Я воображаю нейроны, задействованные в подсчетах – электрические импульсы переходят из одной части черепа в другую, – и пытаюсь проникнуть взглядом под кожу, сквозь мышцы, артерии, железы, вглубь, прямо в золотистую сеть нервной системы, глубже и глубже, в крошечное царство, где обитают протоны, электроны и много пустоты. «В ее мозгу дыра, – думаю я, – куда провалятся все воспоминания».

– Не могу, не получается.

Ее самоконтроль меня восхищает. Если бы у меня не получалось вычесть семь из ста, я бы рыдался.

– Теперь напишите мне какую-нибудь законченную фразу.

Россана берет ручку и пишет, но лист остается чистым.

– Другой стороной, – говорю я.

– Ах, какая невнимательность, – она переворачивает ручку, подносит к маске – наверное, ей хочется погрызть колпачок, чтобы избавиться от волнения. – Не знаю, что написать.

– Все, что хотите.

Муж пристально смотрит на нее. В моей голове возникает другая картинка. Родственники на передних скамьях, повсюду цветы, свет из круглого окна – розы падает прямыми лучами, пыль витает в воздухе и медленно оседает. Я пытаюсь рассмотреть мужчину перед алтарем, но изображение меняется, словно кто-то тянет его за края, пока я думаю, как изменилась бы эта сцена, если бы жених уже тогда знал, чем все закончится.

Россана смотрит на лист.

– Можете написать что угодно, – подбадривает ее Джада.

Как-то раз она мне призналась, что задание с фразой ее любимое. Сразу проявляется человек, а не болезнь.

Девяностолетний Франко, который сидел на месте Россаны в десять утра, взяв ручку, неуверенно

figlia che lo accompagnava e l'ho immaginata mentre dice al padre: – Nessuno è venuto a rubarti i mobili stanotte, – o – La mamma non c'è più e non puoi stare alzato fino a tardi come facevi con lei –, ho visto il nipote incapace di rassegnarsi all'idea che una persona, senza evidenti alterazioni del corpo, possa smarrirsi nella propria mente fino a perdersi del tutto.

Giada ha indicato la PET sul computer. Il cervello sembrava una noce dai bordi azzurri e gialli, una macchia nera riempiva il centro.

Dopo averci restituito il foglio, Franco si è appoggiato con le mani raggrinzite sul tavolo. Aspettava, molto attento, che la dottoressa leggesse.

Giada ha alzato gli occhi e ci siamo guardati. Io stupito, lei meno, poi mi ha detto che questi pazienti sono bellissimi.

– Fanno cose straordinarie.

Sul foglio c'era scritto: Vorrei vivere in un mondo nuovo.

Rossana è stata meno creativa. Ha scritto che ha voglia di un gelato.

– Bravissima, – dice Giada.

Lei sorride, aspetta il punteggio.

– 19.

– È addirittura migliorata di un punto.

Alla donna si illuminano gli occhi, il marito, per la prima volta, si rilassa. Vorrei dirgli di non illudersi.

Riconfermato il piano terapeutico, la coppia lascia l'ambulatorio. Chiedo a Giada:

– In una forma così precoce che evoluzione ci si può aspettare?

– Dipende da tanti fattori, lei risponde abbastanza bene ai farmaci.

– Di solito cosa succede? – incalzo. – Tra cinque anni sarà completamente demente?

Alza le sopracciglia, la testa oscilla a destra e a sinistra. Dice che è molto probabile, quasi certo.

Mentre piego il camice per infilarlo nello zaino, si avvicina alla porta:

замер. Он улыбался, маска от этого надувалась. Я поймал взгляд дочери, сопровождавшей его, и представил, как она говорит отцу: «Сегодня ночью никто у тебя не крал мебель». Или: «Мамы больше нет, и ты не можешь теперь не спать допоздна, как было при ней». Я представил себе внука, который никак не может смириться с тем, что человек, который внешне выглядит как обычно, заблудился в собственной голове и совсем потерялся.

Джада показала на компьютере его результат МРТ. Мозг был похож на грецкий орех с краями лазурного и желтого цветов и черным пятном в центре.

Вернув лист бумаги, Франко оперся морщинистыми руками о стол. Он внимательно ждал, пока врач прочитает фразу.

Джада подняла взгляд, мы переглянулись. Я был ошеломлен, она – меньше. Когда мы останемся одни, она скажет мне, что подобные пациенты – нечто потрясающее.

– Они способны на удивительные вещи.

На листе было написано: «Я хочу жить в новом мире».

Россана оказалась не такой оригинальной. Она написала, что хочет мороженого.

– Умница, – говорит Джада.

Россана улыбается и ждет результат.

– 19.

– Даже на балл больше.

Россана сияет, ее муж впервые успокаивается. Я бы посоветовал им не обманываться.

Обсудив дальнейший план лечения, супруги уходят. Я спрашиваю у Джады:

– Какой прогноз можно дать при таком раннем развитии заболевания?

– Это зависит от многих факторов, ее организм неплохо реагирует на лекарства.

– А что обычно происходит в таких случаях? – настаиваю я. – Через пять лет наступит тяжелая деменция?

Брови Джады приподнимаются, она покачивает головой. Отвечает, что это очень вероятно, почти наверняка так и будет.

Пока я складываю халат, чтобы убрать в рюкзак, она подходит к двери:

– Sono in ritardo.

– Hai tenuto la barchetta? – chiedo.

– No. Comunque se verrai spesso in ambulatorio potrai collezionare di tutto. Barchette, palline. Una volta un signore ha masticato il foglio e poi voleva che lo mettessi in bocca anche io. Come i pinguini che vomitano il cibo nel becco dei piccoli, – spegne la luce prima di uscire. – Fanno veramente di tutto.

Una decina di persone attende in corridoio. Di fianco alla porta c'è un anziano con una giacca marrone, pochi capelli sulla testa lucida. Sull'altra fila di sedie, un signore più giovane legge un libro e chissà cosa capisce.

– Domani alle otto.

Fa un cenno al collega che la aspetta in un'altra stanza.

– Un'ultima cosa. Me lo chiedo da un po'.

– Dimmi.

Sorride perché spiegare le piace.

– Rossana ha figli?

– Sì, due, l'ho letto nella cartella clinica.

Trattenendo il respiro, dico:

– E hanno fatto il test genetico?

Inarca le sopracciglia come se si aspettasse la domanda e risponde:

– Sì, c'è scritto che uno ha la mutazione, l'altro no.

Provo una pena infinita per ogni persona intorno a me. Ho altre domande, ma ci sarà tempo, dico solo:

– Terribile.

Prima di uscire mi fermo alla macchinetta del caffè. Fissando il liquido che cade nel bicchiere, immagino Rossana e il marito in ascensore, escono, lui dice vado in bagno, aspetta mi fuori, lei si siede, deve stare ferma, lo sa, poi però è attratta da qualcosa – una luce sulle pareti, un rumore di passi – e si alza, abbandona la cartella clinica su un tavolino, cammina,

– Я опаздываю.

– Возьмешь кораблик? – спрашиваю я.

– Нет. Если будешь часто к нам приходить, соберешь целую коллекцию. Кораблики, шарики. Как-то один мужчина сжевал лист бумаги, а потом хотел, чтобы я засунула это себе в рот. Как пингвины, которые срыгивают еду детенышам в клювы, – перед уходом она выключила свет. – Они всякое вытворяют.

В коридоре с десяток людей. Рядом с дверью – пожилой мужчина в коричневом пиджаке, с редкими волосами на почти лысой голове. Напротив, на стуле, сидит мужчина помоложе, он читает книгу... Кто знает, понимает ли он в ней что-нибудь.

– Завтра в восемь.

Джада кивает коллеге, которая ждет ее в другом кабинете.

– И последний вопрос. Он меня давно мучает.

– Ладно, задавай.

Джада улыбается: ей нравится объяснять.

– У Россаны есть дети?

– Да, двое – это указано в карте.

Спрашиваю, затаив дыхание:

– Они делали генетический тест?

Джада вскидывает бровь, словно ждала этого вопроса, и отвечает:

– Да, написано, что у одного мутация есть, у другого – нет.

Мне невероятно жаль всех больных здесь. У меня есть и другие вопросы, но время для них еще придет, поэтому я говорю только:

– Ужасно.

Перед уходом я задерживаюсь у кофемашины. Глядя, как жидкость наливается в стаканчик, я представляю, как Россана с мужем едут в лифте, вот они выходят, он говорит ей: «Я в туалет, подожди тут». Россана садится, ей нужно сидеть неподвижно, и она это знает, но вдруг ее что-то привлекает – свет на стене или шум шагов, – она встает, оставляет медицинскую карту на столике, идет вперед, взгляд стеклянный. Спускается по лестнице, долго шагает по коридору, полному

gli occhi fissi come due biglie, scende una scala, prosegue lungo un corridoio pieno di porte come una fanciulla rapita che si aggira per un castello in cerca di passaggi segreti – intorno finestre alte e strette, fuori una notte senza luna. La immagino così, mentre avvicino il bicchiere di plastica alle labbra: una candela in mano, i sensi all’erta, lo sguardo che vaga su ritratti giganteschi e cornici dorate – forse nell’oscurità c’è lo spettro di un cavaliere o una bambina impazzita –, le gambe iniziano a correre, qualcosa la insegue strisciando sul pavimento, la fiamma trema, sui vetri c’è un volto e la temperatura scende, Rossana si volta, ma un attimo dopo il buio scompare. Un’infermiera le ha appoggiato una mano sulla spalla: – Signora, tutto bene?

дверей, будто похищенная девочка, которая бродит по замку в поисках тайного хода – вокруг высокие и узкие окна, за ними – безлунная ночь. Я так ясно ее вижу, поднося пластиковый стаканчик к губам: в руке свеча, женщина напряжена, ее взгляд блуждает по гигантским портретам в золоченых рамах – вдруг в темноте затаился призрак рыцаря или безумного ребенка? – ноги сами начинают бежать, кто-то преследует ее, шаркая по полу. Пламя дрожит, в стеклах отражается чье-то лицо, становится холодно. Россана оборачивается, и через мгновение тьма исчезает. Медсестра кладет руку ей на плечо:
– Синьора, все хорошо?

Nota critica

Con il racconto *Oblio*, Andrea Zancanaro si afferma come esponente della categoria dei medici-scrittori tanto apprezzata sia nella tradizione letteraria italiana che russa. Il racconto è ambientato all'epoca del COVID-19: la paziente Rossana si presenta in ambulatorio regolarmente munita di mascherina, ma il giovane dottore riesce a capire cosa c'è *oltre* – ovvero le sue fragilità esistenziali legate al progressivo avanzamento del morbo di Alzheimer. Lo sguardo clinico si posa anche sul marito della donna: infatti la malattia stravolge non solo la vita del singolo, ma di tutta la sua famiglia. Il marito dimostra comprensione e pazienza, assistendo a uno strazio quotidiano in cui la perdita della memoria si unisce irrimediabilmente a quella dell'autonomia. Ogni controllo è vissuto con la speranza di constatare che la malattia non è giunta a uno stadio di ulteriore peggioramento: se non esiste guarigione, che almeno il declino sia lento.

Il giovane dottore dimostra una grande umanità nell'esercizio della sua professione: durante la visita, resta turbato nel constatare le difficoltà della paziente e il suo inarrestabile peggioramento. Prova compassione per il marito, che mai si sarebbe aspettato di affrontare una situazione simile, eppure ha trovato la forza di accettarla. Questa compassione poi si allarga a tutti i pazienti che frequentano il reparto, in un esercizio di consapevolezza che caratterizza la missione del medico ben descritta da Andrea Zancanaro.

Maria Pia Pagani

Отзыв о рассказе

Андреа Дзанканаро благодаря рассказу «Забвение» встает в один ряд с врачами–писателями, которые широко представлены как в итальянской, так и в русской литературе.

Действие рассказа разворачивается в эпоху COVID–19 – пациентка Россана на протяжении всего приема носит маску, – однако молодому доктору все же удается заглянуть под нее, понять переживания женщины, заметить ее душевную хрупкость, связанную со стремительным развитием болезни Альцгеймера. Взгляд врача обращен и на супруга пациентки. В самом деле, такой недуг переворачивает не только жизнь самого больного, но и всей его семьи. Муж относится к болезни жены с терпением и пониманием, облегчает ее ежедневные страдания: потеря памяти сопровождается потерей дееспособности. Во время каждого визита в больницу он надеется, что болезнь не перешла в новую, худшую стадию. Раз вылечиться невозможно, хочется хотя бы замедлить развитие заболевания.

На приеме молодой доктор проявляет большое человеколюбие. Его очень беспокоит сложный диагноз пациентки и неотвратимое ухудшение ее состояния. Кроме того, он жалеет мужа героини, ведь тот даже представить себе не мог, что случится подобное, но все–таки нашел в себе силы принять данность. Рассказчик проявляет сочувствие и к другим пациентам в отделении, он относится к ним с пониманием, что и является главной задачей врача. Об этом прекрасно написал Андреа Дзанканаро.

Мария Пиа Пагани

Biografia

Andrea Zancanaro è nato a Feltre nel 1995, si è diplomato presso il liceo scientifico “Giorgio Dal Piaz” e ora frequenta l’ultimo anno della facoltà di Medicina e Chirurgia a Firenze. Nel 2017 ha vinto il Premio Campiello Giovani con il racconto *Ognuno ha il suo mostro* e nel 2018 il Premio Coop for Words con il racconto *Girini*. Ha pubblicato racconti su diverse riviste, lavorato come giurato presso concorsi letterari per ragazzi in Italia e in Germania e scrive per la rivista Light Magazine. Sensibile alle cause animaliste e lettore insaziabile, ama i viaggi, il caffè, la pittura e la corsa.

Биография

Андреа Дзанканаро родился в Фельтре в 1995 г., окончил Естественно-научный лицей имени Джорджо Даль Пиаца и сейчас учится на последнем курсе факультета медицины и хирургии Флорентийского университета. В 2017 г. получил Премию Кампьерелло для молодых писателей за рассказ «У каждого есть чудовище», а в 2018 г. – Премию «Coop for Words» за рассказ «Головастики». Публиковался в различных журналах, был в составе жюри литературных конкурсов для школьников в Италии и Германии. Пишет для журнала «Light Magazine». Выступает за защиту прав животных, обожает чтение, любит путешествия, кофе, живопись и гонки.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Ольга Комарова	Ol'ga Komarova
Екатерина Пантелеева	Ekaterina Panteleeva
Евгения Литвин	Evgenija Litvin
Светлана Смалева	Svetlana Smaleva
Владислава Сычева	Vladislava Syčëva

Ольга Комарова родилась в Воронеже. Окончила Воронежскую государственную лесотехническую академию, работает во Всероссийском научно-исследовательском институте лесной генетики, селекции и биотехнологии. В 2014 г. окончила Воронежский государственный университет, факультет романо-германской филологии по специальности «перевод и переводоведение». Регулярно участвует в конкурсах перевода, стала победителем некоторых из них. Имеет несколько публикаций в журналах, в том числе посвященных теории перевода.

Ol'ga Komarova è nata a Voronež. Si è laureata presso l'Accademia forestale statale di Voronež, e lavora presso l'Istituto russo di ricerca di genetica forestale, allevamento e biotecnologia. Nel 2014 si è laureata presso l'Università statale di Voronež, Facoltà di filologia romanza e germanica, specializzandosi in traduzione e traduttologia. Partecipa regolarmente a concorsi di traduzione e ne ha vinti alcuni. Ha al suo attivo diverse pubblicazioni in rivista, comprese quelle dedicate alla teoria della traduzione.

Екатерина Пантелеева родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности «литературно-художественная критика», во время учебы работала в газете «Книжное обозрение» и других изданиях литературной тематики. Состояла в штате Бюро атташе по вопросам обороны при Посольстве Италии в Москве, сотрудничала с различными итальянскими компаниями и международными СМИ. Художественным переводом занимается недавно, первая профессиональная работа — перевод романа Маттео Струкула «Семь престолов» (Санкт-Петербург, «Аркадия», 2021). В 2020 г. заняла второе место в номинации «Итальянский язык – проза» на Конкурсе начинающих переводчиков им. Э. Л. Линецкой.

Ekaterina Panteleeva è nata a Mosca. Si è laureata in critica letteraria e artistica alla Facoltà di giornalismo dell'Università statale Lomonosov di Mosca; durante i suoi studi ha lavorato presso il quotidiano «Knižnoe obozrenie» e alcuni periodici di argomento letterario. Ha fatto parte dello staff del Bureau of Defense Attaché presso l'Ambasciata Italiana a Mosca, ha collaborato con diverse aziende italiane e media internazionali. Da qualche tempo si occupa di traduzione letteraria, il suo primo lavoro professionale è la traduzione del romanzo di Matteo Strukul *Le sette dinastie* (San Pietroburgo, «Arkadija», 2021). Nel 2020 si è classificata seconda nella categoria “Lingua italiana – prosa” al Concorso per traduttori esordienti intitolato a È.L. Lineckaja.

Евгения Литвин окончила специалитет РГГУ (2011, классическая филология), магистратуру СПбГУ (2013, новогреческая филология) и аспирантуру РГГУ (2017, фольклористика). В рамках работы над дипломом и диссертацией о фольклоре и диалектной литературе «Салентийской Греции» стажировалась в Неаполе, Лечче и Болонье. В настоящее время изучает итало-советские связи в литературе и кино второй половины XX в. Преподавала латинский и итальянский языки в ряде ВУЗов, имеет ряд научных публикаций. В качестве художественного переводчика сотрудничает с журналами «Rolling Stone», «Монеты и банкноты» (издательский дом «De Agostini»). Перевела роман Туллио Авоledo «Корни небес» (в соавторстве) и книгу-игру «Привидение лорда Байрона». Финалист премии «Радуга» 2020 г.

Evgenija Litvin si è laureata presso l'Università statale russa di Studi umanistici (2011, filologia classica), ha conseguito un master presso l'Università statale di San Pietroburgo (2013, filologia greca moderna) e svolto gli studi di perfezionamento presso l'Università statale russa di Studi umanistici (2017, folklore). Nel corso degli studi e in preparazione della tesi di laurea in Folklore e letteratura vernacolare della Grecia salentina ha frequentato gli atenei di Napoli, Lecce e Bologna. Attualmente studia le relazioni italo-sovietiche nella letteratura e nel cinema della seconda metà del XX secolo. Ha insegnato latino e italiano in diverse università, e ha al suo attivo numerose pubblicazioni scientifiche. Come traduttore letterario, collabora con le riviste «Rolling Stone» e «Coins and Banknotes» (casa editrice De Agostini). È coautrice della traduzione del romanzo di Tullio Avoledo *Le radici del cielo* e ha tradotto il libro-gioco *Il fantasma di Lord Byron*. Finalista del premio «Raduga» 2020.

Светлана Смалева родилась в Липецке. Увлекается искусством. В настоящее время — студентка Литературного института имени А. М. Горького (семинар А. В. Ямпольской). Приняла участие в переводе книги Анны Черазоли «Великолепная десятка. Приключения в мире математики» (Москва, «Лаборатория знаний», 2020).

Svetlana Smaleva è nata a Lipeck. È appassionata d'arte. Attualmente è studentessa presso l'Istituto letterario A.M. Gor'kij (seminario di A. V. Jampol'skaja). Ha collaborato alla traduzione del libro di Anna Cerasoli *I magnifici dieci. L'avventura di un bambino nella matematica* (Mosca, «Laboratorija znaniy», 2020).

Владислава Сычева родилась в Москве. Студентка Литературного института имени А. М. Горького (семинар художественного перевода с итальянского). Финалистка премии «Радуга» (2020), лауреат Конкурса переводчиков им. Э. Л. Линецкой при Пушкинском доме (2019, 2020). Переводит художественную прозу, драматургию, публицистику, участвует в научных конференциях и культурных мероприятиях (например, проект для детей-билингвов «Культурный мост»). Опубликовала ряд статей об итальянском искусстве и вопросах перевода. Участница коллективных переводческих проектов: Анна Черазоли «Мистер Квадрат. Приключения в мире математики» (Москва, «Лаборатория знаний», 2020) и «Poesia della terra. Поэзия земли» (сборник стихов).

Vladislava Syčëva è nata a Mosca. È studentessa dell'Istituto letterario A.M. Gor'kij (seminario di traduzione letteraria dall'italiano). Finalista del premio «Raduga» (2020), vincitrice del concorso per traduttori intitolato a È.L. Lineckaja presso il Puškinskij Dom (2019, 2020). Traduce narrativa, teatro, giornalismo; partecipa a convegni scientifici e iniziative culturali (ad esempio, il progetto per bambini bilingui «Kul'turnyj most»). Ha pubblicato diversi articoli sull'arte italiana e questioni di traduzione. Ha partecipato a progetti di traduzione collettiva: *Mister Quadrato. A spasso nel mondo della geometria* di Anna Cerasoli (Mosca, «Laboratorija iznanij», 2020) e la raccolta di liriche *Poesia della terra. Поэзия земли*.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Анна Березовская	Anna Berezovskaja
Евгения Казанцева	Evgenija Kazanceva
Надежда Лаевская	Nadežda Laevskaja
Артемий Леонтьев	Artemij Leont'ev
Мария Рыбальченко	Marija Rybal'čenko

Анна Березовская

Перевод на итальянский язык Федерико Боррелли

Anna Berezovskaja

Traduzione in italiano di Federico Borrelli

ПАМЯТЬ ИЗ РОДА В РОД

Во Царствии Твоем, егда приидеши, – помяни нас, Господи!

У меня в тарелке целая гора крабового салата. Я радостно жую смесь из отварных яиц, консервированной кукурузы и скользких крабовых палочек, добротню справленную майонезом, закусываю хлебом, запиваю газировкой, параллельно поглядываю на стол: чем бы еще поживиться. Так хорошо я ем только на праздниках. Или на похоронах. На похоронах выходит даже чаще. Вот как сегодня. Умерла золовка бабушкиной пасестры, и мы пришли в соседнее село на похороны и обед.

Бабушке за семьдесят, и у нее много столь же немолодых родственников, бывших коллег, соседей, друзей. Почти каждую неделю кто-то из них отходит в мир иной, упокой, Господи, их душу, а мы с бабулей идем проводить покойных в последний путь.

Мою бабушку зовут Анна Ивановна, но все зовут ее Ганна Юдихина. Ганна, потому что так в нашем селе на украинско-белорусской границе традиционно называют женщин с именем Анна. Юдихина – из-за имени ее деда. В далеком 1860-м батюшка нарек родившегося младенца именем Иуда. По семейной легенде родители мало заплатили священнослужителю за крещение, и тот выбрал в святках самое неприглядное имя. Иуда превратился в Юду, а его потомки в Юдихиных. И хотя прошло порядка сто сорока лет с того злополучного дня, односельчане не реагировали на сменяющиеся фамилии потомков Иуды. Я обычно стараюсь не сдаваться, отвечая на вопрос какой-нибудь бабули, чья я буду.

– *Аня Лазовская я*, – невозмутимо говорю я обычно. Интересующаяся бабка качает головой, мол, не знаю, не понимаю.

– *Тани Павленко дочка*, – добавляю я, начиная понемногу раздражаться.

– *Не пойму что-то, не припомню такую*, – печалится старушка.

IL RICORDO DI GENERAZIONE IN GENERAZIONE

Ricordati di noi, Signore, quando entrerai Nel Tuo Regno!¹

Sul mio piatto si erge una vera e propria montagna di insalata di granchio. Mastico con piacere un miscuglio di uova sode, mais in scatola e viscidini bastoncini di granchio, il tutto ben condito con maionese, lo inghiotto con pane e gassosa, adocchiando di tanto in tanto la tavola: che cos'altro mettere sotto i denti? Mangio così bene solo nei giorni di festa. Oppure ai funerali. Ai funerali succede perfino più spesso. Ecco, proprio come oggi. È morta la cognata dell'amica di mia nonna e siamo venute al paese vicino per il funerale e il pranzo.

La nonna, più che settantenne, ha molti parenti, ex-colleghi, vicini, amici, non più altrettanto giovani. Quasi ogni settimana qualcuno di loro passa a miglior vita, pace alle anime loro, e io e la nonnina accompagniamo i defunti all'estrema dimora.

Mia nonna si chiama Anna Ivanovna, ma tutti la chiamano Hanna Judichina. Hanna perché nel nostro paese, al confine con l'Ucraina e la Bielorussia, per tradizione sono chiamate così le donne che fanno di nome Anna. Judichina per via del nome di suo nonno. Nel lontano 1860 al bambino venuto alla luce il prete diede il nome di Giuda. In base a una leggenda di famiglia, l'ecclesiastico, avendo ricevuto dai genitori del battezzando una misera offerta, avrebbe scelto, fra tanti nomi di santi, quello più infelice. Giuda fu storpiato in Juda, e i suoi discendenti furono chiamati gli Judichiny. E sebbene siano passati circa centoquarant'anni dal nefasto giorno, i compaesani hanno continuato a ignorare i successivi cognomi dei discendenti di Giuda. Di solito, se interrogata da qualche nonnina sulla mia identità, cerco di rispondere con ostinazione.

«Sono Anja Lazovskaja», dico di solito imperturbabile. Incuriosita, la vecchia scuote il capo, come a dire “non so, non capisco”.

---

¹ Riferimento a uno dei canti intonati dai cori ortodossi. Il verso riprende le parole del cosiddetto “buon ladrone”: «Gesù, ricordati di me quando entrerai nel tuo regno!» (Vangelo di Luca 23:42). ndt

- *Моя бабушка – Туликова Анна, – не сдаюсь я.*
- *Что-то знакомое, да боюсь, я так не вспомню, деточка, – не унимается бабка.*
- *Да Ганны Юдихиной я внучка, – не выдерживаю я, в конце концов.*

И тогда обычно интересующаяся бабуся радостно восклицает: *«А-а-а, знаю, конечно. Что ты сразу не сказала-то?»*

Все встает на свои места, и я спокойно иду, куда шла.

В свои семь лет я очень люблю похороны. Покойников я совсем не боюсь. Бабушка говорит, что они уже отжили свой век. Когда я стану старая, я тоже умру, что бояться-то. Если я прихожу из школы и вижу на калитке записку: «Помёрла Таня Дометова, приходи на бутовское кладбище», я тут же перекидываю через забор свой школьный рюкзак и бегу в направлении Бутовки. Частенько я нагоняю процессию и обращаю внимание на то, кто несет икону. Периодически ее несет моя бабушка. Я знаю, что это почетно.

- *Бабушка, а почему ты икону несла?* – интересуюсь я.
- *Потому что я вдова,* – немногословно отвечает она.

Вдов в селе немало, но доверяют такую миссию не всем. Бабушка пользуется уважением и доверием. Ее все знают, все передают приветы. И старые, и молодые. Она работала в детском саду няней и вырастила, кажется, всех вокруг.

Иногда я не успеваю прибежать на кладбище вовремя, там уже никого нет, и я грустно бреду домой. Позже приходит и бабушка, приносит мне гостинец, который донесла в узелке из носового платка.

- *Вот конфеток тебе взяла. Сегодня тарелку несла,* – объясняет она, протягивая мне пару

«*La figlia di Tanja Pavlenko*», soggiungo con una crescente punta di irritazione.
«*Qualcosa non mi torna, non me la ricordo*», si incupisce la vecchietta.
«*Mia nonna è Anna Tulikova*», insisto io.
«*Mi suona familiare, ma temo di non ricordarmela, tesoro*», non demorde la vecchia.
«*Ma sì, sono la nipote di Hanna Judichina*», cedo io alla fine.

Allora di solito la nonnina curiosa esclama soddisfatta: «*Aaah! La conosco, ma certo. Perché non l'hai detto prima?*».

Tutto quadra, quindi mi dirigo tranquilla dove ero diretta.

Ho sette anni e mi piacciono molto i funerali. I morti non mi fanno per niente paura. Nonna dice che hanno fatto il loro tempo. Quando sarò vecchia, anch'io morirò, che cosa c'è da temere. Se torno da scuola e vedo un biglietto attaccato al cancello con su scritto “È morta Tanja Dometova, veni² al cimitero sulla Butovka”, lancio subito lo zaino di scuola oltre lo steccato e corro verso il fiume Butovka. Molto spesso raggiungo la processione e osservo chi porta l'icona. Periodicamente la porta mia nonna. So che le fa onore.

«*Nonna, perché hai portato tu l'icona?*» le chiedo incuriosita.
«*Perché sono vedova*», risponde lei asciutta.

Le vedove in paese non sono poche, ma non a tutte è affidato un tale incarico. Nonna gode di stima e fiducia. Tutti la conoscono, tutti la salutano. Sia i vecchi, sia i giovani. Avendo fatto la bambinaia alla scuola materna, ha educato, almeno così sembra, tutta la gente della zona.

A volte non riesco ad arrivare in tempo al cimitero, non c'è più nessuno, e mi trascino a casa triste. Più tardi torna anche la nonna, mi porta un regalino avvolto in un fazzoletto da naso annodato.

---

² La voce verbale “veni” tenta di mantenere la funzione pragmatica della storpiatura dell'imperativo di seconda persona singolare russo “приходи”, scritto, più similmente alla pronuncia del luogo di narrazione degli eventi, “приходь”. ndt

шоколадных конфет «Ласточка».

– *Почему не икону?* – спрашиваю я. Тут же запихиваю одну «ласточку» в рот, другую откладываю для младшей сестры Лизы.

– *В этот раз Дуся Матросова несла икону. Она этого деда, что помёр, хрестница.*

И хотя Дусю Матросову – приятную старушку с седыми волосами и курносый носом я знаю лично, в целом, все эти Дуси, Таси, Хадосьи и Стёпы смешиваются в моем детском воображении в образ одной, немного сгорбленной, старенькой бабушки в платке–поплинете и вязаной кофте. Такими старушками наполняется по выходным наша церковь. Мы с бабушкой ходим туда по воскресеньям. Я молю Бога, чтобы мама, баба и Лиза были здоровы, и чтоб я хорошо училась в школе, выросла большая и заработала много денег и помогла маме и бабе растить Лизу.

Иногда бабушку зовут на обед в город, в столовую. Туда она меня не берет. Я остаюсь дома, раскутываю укутанную в хусту картошку–толченку и ем ее с черным хлебом. Бабушка научила меня делать олейку с солью. Поэтому обычно на кусок хлеба я наливаю немного подсолнечного масла и посыпаю солью. Мама приходит с работы, приводит из садика Лизу, возвращается с обеда бабушка. Вместе мы смотрим «Большую стирку» с Андреем Малаховым, а потом программу «Время», чтобы знать, что в стране делается. У нас только два канала, выбор небольшой. Поэтому я люблю брать телепрограмму и выбирать, что бы я посмотрела, если бы у нас была антенна. Я обвожу ручкой программу про принцессу Диану и диснеевский мультфильм про Русалочку. Мама тоже так делает. Только она обычно выбирает передачи про ремонт, чаще всего «Квартирный вопрос» с канала НТВ. Девяностые пришлись для мамы на два декрета, развод и закрытие завода, где она проработала двадцать лет. Из второго декрета мама пошла в дворники. *«В новый год, век и тысячелетие. Не всем посчастливилось в жизни такое застать»*, – любит она повторять про особенность 2001–го года.

«Tieni, ti ho preso dei cioccolatini. Oggi ho portato il piatto»,³ mi spiega lei mentre mi allunga un paio di cioccolatini “Lastočka”.

«Perché non l'icona?» le chiedo. Mi caccio subito in bocca un cioccolatino “Lastočka”, l'altro lo metto da parte per Liza, mia sorella minore.

«Questa volta Dusja Matrosova ha portato l'icona. Era la figlioscia⁴ del vecchio che è morto».

Anche se Dusja Matrosova, una simpatica vecchietta canuta con il naso schiacciato, la conosco di persona, nell'insieme, nella mia fantasia infantile tutti questi Dusja, Tasja, Chados'ja e Stëpa si fondono nell'immagine di una vecchia nonnina un po' ingobbita con un fazzoletto di cotone e un golf lavorato a maglia. Sono queste vecchiette a riempire la nostra chiesa il finesettimana. Io e la nonna ci andiamo la domenica. Prego Dio perché mamma, papà e Liza stiano bene e perché io vada bene a scuola, diventi grande, guadagni molti soldi e aiuti mamma e papà a crescere Liza.

A volte la nonna è chiamata a pranzo in città, alla mensa. Lì non mi ci porta. Rimango a casa, prendo il purè di patate avviluppato in un ampio fazzoletto e lo mangio con del pane nero. Nonna mi ha insegnato a fare ojo e sale.⁵ Di solito, infatti, verso un po' di olio di girasole su un pezzetto di pane e lo condisco con il sale. Mamma torna dal lavoro, va a prendere Liza all'asilo, nonna rincasa dal pranzo. Insieme guardiamo “Bol'saja stirka”⁶ con Andrej Malachov, e poi “Vremja”⁷ per sapere che succede nel paese. Abbiamo solo due canali, la scelta non è ampia. Ecco perché mi piace prendere la guida TV e scegliere che cosa guarderei se avessimo l'antenna. Cerchio con una penna un programma sulla principessa Diana e un film d'animazione Disney sulla Sirenetta. Anche mamma fa così. Lei però di solito sceglie i programmi sulle ristrutturazioni, primo fra tutti “Questione di casa” sul canale NTV. Gli anni Novanta per mia mamma hanno coinciso con due decreti: il divorzio e la chiusura della fabbrica in cui aveva lavorato per vent'anni. In seguito

---

3 Quella di recare un piatto al defunto è un'usanza tipica di alcune zone rurali della Russia. ndt

4 Traducendo “хрестница” (trascrizione della pronuncia locale di “крестница”) “figlioscia”, anziché “figlioccia”, si vuole proporre una soluzione che tenti di preservare la funzione di estraniamento di un lettore russo locutore della cosiddetta lingua standard. ndt

5 Gli stessi motivi alla base della scelta operata sopra sono da ravvisare nella traduzione di “oleyka с солькой” (corrispondente nel russo standard a “масла с солькой”) in “ojo e sale”. ndt

6 Popolare talk show russo. ndt

7 Celebre telegiornale russo. ndt

«Душа его во благих водворится, и память его в род и род», – учу я Лизу. Лизе четыре года и она не очень-то понимает, зачем ей это знать. Тогда я связываю вместе два шарфа, одну часть даю в руки ей, другую оставляю себе и начинаю раскачивать. *«Это похороны,* – объясняю я сестре, *– Дяди несут гроб, бабушка кадилом машет, а певчие поют вот эти красивые слова».* Мы важно шагаем по трёхстену с импровизированным гробом в руках и поем про память из рода в род. Бабушка замечает эту необычную процессию, отнимает шарфы и кричит, чтобы я не творила что зря. От ее многочасового монолога на тему моего неподобающего поведения меня спасает стук в калитку.

«Баба Ганна, приходьте завтра на похороны к тётке Марье, а сегодня на вечерю», – приглашает бабушку какая-то незнакомая мне тетя.

Бабушка идет на вечерю, а когда возвращается, готовит назавтра наряд: черную кофту с юбкой – это сын Женя из Новосибирска прислал недавно, и красивую черную шальку с золотыми нитями – это уже сын Толя из Калуги. Похороны приходятся на выходной, поэтому из школы я не бегу. Мы спокойно идем на наше кладбище вместе. Наше, потому что там похоронены бабушкины родители и муж, мой дедушка.

«Марьюшка, невестушка моя», – надрывно причитывает по дороге на могилки бабушка. Я держусь за ее юбку и смотрю вокруг. Почти никто из присутствующих не плачет, тем более никто не голосит. По старым вообще обычно редко кто голосит, только по молодым.

С кладбища все идут домой к покойнику или его родственникам. На поминальном обеде традиции у всех одинаковые. Сначала певчие прочитают несколько молитв, потом, что редко, родственники скажут несколько слов о покойном и затем уже будут по очереди приносить борщ, картошку, блины, в самом конце кашу с киселем. Но перед всем этим нужно обязательно попробовать коливо. В тарелке с компотом плавают крошки белого хлеба. Трижды окунув туда ложку, все принимаются за основную пищу. Почти сразу начи-

al secondo decreto mamma è diventata una netturbina. *“Nel nuovo anno, secolo e millennio. Non tutti hanno avuto la fortuna di assistere a un evento del genere nella vita”*, così le piace ricordare la peculiarità dell’anno 2001.

«Che la sua anima dimori tra i buoni, che il suo ricordo perduri di generazione in generazione», insegno a Liza. Liza ha quattro anni e non capisce mica tanto perché si debba sapere una cosa del genere. Allora lego insieme due sciarpe, un’estremità la porgo a lei, l’altra la tengo io e comincio a farla oscillare.

«Questo è come un corteo funebre», spiego a mia sorella, *«i signori portano la bara, il prete agita l’incensiere, e i cantori intonano queste belle parole»*.

Con fare solenne marciamo lungo tre pareti tenendo in mano una bara improvvisata e cantiamo il ricordo che dura di generazione in generazione. La nonna nota la singolare processione, ci toglie le sciarpe e mi urla di non fare cose senza senso. A risparmiarmi un suo interminabile monologo sulla mia riprovevole condotta è il cigolio del cancello.

«Nonna Hanna, dimani⁸ venga al funerale di zia Mar’ja, oggi c’è la cena funebre, se vuole venire», una zia a me ignota invita mia nonna. Nonna va alla cena funebre e quando torna prepara l’abito per l’indomani: un golf nero con una gonna, spediti di recente dal figlio Evgenij da Novosibirsk, e un grazioso scialle nero con fili dorati, inviatole dal figlio Anatolij da Kaluga. Il funerale capita in un giorno di festa, quindi non mi devo affrettare dopo la scuola. Andiamo tranquille al nostro cimitero. Il nostro perché ci sono seppelliti i genitori di nonna e suo marito, mio nonno.

«Marina, cognatina mia», geme per strada sulla piccola tomba la nonna straziata. Io mi aggrappo alla sua gonna e mi guardo attorno. Quasi nessuno dei presenti piange, tanto meno leva lamenti funebri. Per i vecchi di rado si levano lamenti funebri, in genere questi sono perlopiù riservati ai giovani.

Dal cimitero tutti vanno a casa del defunto o dei suoi parenti. Al banchetto funebre l’usanza è identica per tutti. All’inizio i cantori intoneranno qualche preghiera, poi, cosa rara, i parenti spenderanno qualche parola sul defunto,

---

8 Scegliendo “dimani”, una variante popolare di “domani”, si è cercato di preservare la coloritura dialettale dell’imperativo “приходите” (corrispondente al russo standard “приходите”). ndt

наются обычные разговоры. Кто чем огород засеял, кому сколько пенсии дали, где лучше поросенка покупать, к кому сын приехал в гости, к кому дочка внуков привезла. Я эти разговоры не слушаю, я ем и смотрю по сторонам. Я очень люблю бывать внутри этих хат. У нас дома все «по-современному». А там выбеленная печь или грубка занимает полкомнаты, пузатый телевизор обязательно накрыт связанной кружевной салфеткой, сверху стоит ваза с искусственными цветами – не покупными, а сделанными из бумаги, на иконах вышитые рушники, на стене большая рама, где объединились сразу несколько старинных семейных фотографий, на полу домотканые половички, в сенях деревянные буфеты, выкрашенные в голубой цвет. И пахнет как-то по-особенному. То ли так пахнет старость, то ли старина. Я пока не знаю.

Уже дома я спрашиваю бабушку, отчего она так сильно плакала по сегодняшней покойнице?

– Так она брата моего жена. Они перед войной поженились. А детей нажить не успели, как он на фронт ушел. Потом Егор без вести пропал, а Марья все ждала его, замуж больше не выходила. В селе и забыли даже, что у нее муж был когда-то. Думали, что в девках осталась. Так и закончился наш род, я-то замуж за твоего деда вышла, – объясняет мне бабушка, добавляя тут же: – Ну, темно уже, что надо сказать?

– Где они дневали, там пусть и ночуют, – говорю я известную мне присказку. Обычно ее повторяют, если упомянут вечером покойников.

В тот день я долго не могу уснуть. Все ворочаюсь – переживаю, что род незнакомого мне Иуды Туликова уже давно закончился, а он этого и не знает даже. И, что, когда бабушка умрет, никто больше Юдихиным не будет. И тогда неожиданно я решаюсь. Что это я буду. И Аней Лазовской буду, и Ганной Юдихиной, вместо бабушки. Счастливая, довольная своим обещанием, я, наконец, засыпаю. Уже под утро мне снятся молодые Марья и Егор. Улыбающиеся, они бегут по лугу в окружении маленьких детей. Где-то с краешка моего сна певчие негромко поют про память из рода в род.

dopo inizieranno a portare a turno boršč, patate, crespelle e, per finire, un budino ai frutti di bosco. Tuttavia, prima di tutto ciò bisogna senz'altro assaggiare la koliva.⁹ Sul piatto del kompot galleggiano briciole di pane bianco. Dopo avervi immerso tre volte il cucchiaino dentro, tutti iniziano a dedicarsi alla pietanza principale. Quasi subito cominciano conversazioni stereotipate. Chi ha seminato che cosa nell'orto, quanto prende di pensione chi, dove è meglio comprare un maialino, a chi ha fatto visita il figlio, da chi la figlia ha portato i nipoti. Io questi discorsi non li ascolto, mangio e mi guardo intorno. Mi piace molto trovarmi all'interno di queste casette rustiche. A casa nostra tutto è "moderno". Ma lì un forno tinteggiato di bianco o una stufa in mattoni occupano metà della stanza, un televisore panciuto è immancabilmente coperto con un panno merlettato su cui è sistemato un vaso di fiori finti, non comprati, ma realizzati con la carta, ai lati delle icone ricadono asciugamani ricamati, su una parete è appesa una grande cornice in cui sono raggruppate delle vecchie fotografie di famiglia, sul pavimento sono adagiate stuoie tessute a mano, in ingresso svettano credenze di legno verniciate d'azzurro. E aleggia un odore alquanto singolare. Non so se sia il vecchio o l'antico ad avere questo odore. Ancora non l'ho capito.

Ormai a casa, chiedo a nonna per quale motivo piangesse tanto la defunta di oggi.

«Perché era la moglie di mio fratello. Si sono sposati prima della guerra. Ma non sono riusciti ad avere dei figli prima che lui andasse al fronte. Poi Egor l'hanno dato per disperso, ma Mar'ja ha continuato ad aspettarlo, non si è più risposata. Nel paese si sono persino dimenticati che un tempo aveva un marito. Pensavano che fosse rimasta nubile. Così finisce la nostra generazione, io ho sposato tuo nonno», mi spiega nonna, aggiungendo repentina: «Forza, è già buio, che ti devo dire?».

«Che trascorrono la notte dove hanno passato il giorno», proferisco una sentenza a me nota che si suole ripetere se la sera si menzionano i defunti.

Quel giorno non riesco a prendere sonno. Mi rigiro di continuo...mi tormenta il pensiero che la generazione a me sconosciuta di Giuda Tulikov si sia già conclusa da tempo, ma lui questo nemmeno lo sa. E il pensiero che quando nonna morirà non ci sarà più nessuno degli Judichiny. E allora d'un tratto mi decido. Sarò una di loro. Sarò sia Anja Lazovskaja, sia Hanna Judichina, al posto di mia nonna. Felice, contenta della mia promessa, sprofondo nel sonno. Poco prima che faccia giorno sogno Mar'ja ed Egor da giovani. Sorridenti corrono su un prato circondati dai figlioletti. Da qualche parte, negli abissi del mio sogno dei cantori intonano note sommesse sul ricordo che dura di generazione in generazione.

---

⁹ Pietanza a base di grano bollito preparata in occasione del banchetto di commemorazione funebre, secondo l'usanza ortodossa. ndt

Отзыв о рассказе

Молодые авторы редко пишут про смерть. И это, наверное, правильно. Есть много других тем. Но все же эта в искусстве – самая главная, и то, что Анна выбрала именно ее, делает ей большую честь. Важно и то, что ее героиня – маленькая девочка. Психологически это очень точно. В этом возрасте отношение к смерти иное. «В свои семь лет я очень люблю похороны. Покойников я совсем не боюсь. Бабушка говорит, что они уже отжили свой век. Когда я стану старая, я тоже умру, что бояться-то».

Девочка играет в похороны и участвует в похоронах. И важно, что девочка. Именно в женской природе заключены ответы на главные вопросы бытия. Героиня этого, может быть, еще и не осознает, но благодаря автору исполняет свою роль блестяще. У нее острый взгляд, она задает нужные вопросы и все запоминает, отмечает, можно сказать, фотографирует все подробности, все детали похоронного обряда. На первый взгляд, в этом есть что-то жутковатое, неестественное, но можно предположить, что пройдет много лет и ей предстоит самой «руководить» похоронами, следить за тем, чтоб все было по чину, и «учить» тонкостям ремесла какую-нибудь другую семилетнюю девочку. Это такой негласный, неформальный общественный договор, который заключают между собой бабушки и внучки и который служит залогом того, что люди не забудут, как правильно провожать уходящих из жизни.

Однако рассказ Березовской интересен не только этим вниманием к традиционной стороне жизни, этнографии. Он невероятно насыщен самыми разными смыслами, рассказ – сгусток, рассказ – семя. В нем на маленьком пространстве сталкиваются вечное и повседневное. Вечное – это коливо на столе, домотканые половики и рушники на иконах, временное – «Большая стирка» с Андреем Малаховым и программа новостей в телевизоре. Временное – это девяностые годы, когда мама девочки потеряла мужа, потеряла работу и осталась одна с двумя детьми. Вечное – это славянская деревня на границе Украины и Белоруссии, род Юдихиных, который никогда не закончится, потому что героиня рассказа решает его продлить.

Березовская написала не о смерти, о – бессмертии.

Алексей Варламов

Nota critica

Di rado i giovani autori scrivono sulla morte, ed è una cosa probabilmente giusta. Esistono molti altri temi. Nell'arte, tuttavia, quello della morte è il primo fra tutti e che la scelta dell'autrice Berezovskaja sia ricaduta proprio su questo le rende certamente merito. Non meno degno di nota, molto chiaro da un punto di vista psicologico, è che la protagonista del racconto sia una bambina. “Ho sette anni e mi piacciono molto i funerali. I morti non mi fanno per niente paura. La nonna dice che hanno fatto il loro tempo. Quando sarò vecchia, anch'io morirò, che cosa c'è da temere”.

La bambina non solo gioca a fare dei funerali, ma prende anche parte a questi. Ed è significativo che sia una bambina. È proprio la natura femminile a racchiudere le risposte alle fondamentali questioni dell'esistenza. La protagonista, pur non essendo forse ancora consapevole della sua condizione, grazie alla penna dell'autrice, riesce a interpretare la sua parte perfettamente. Con sguardo pungente la ragazzina pone domande essenziali e memorizza tutto, osserva, fotografa – per così dire – tutti i particolari, tutti i dettagli del rito funebre. A prima vista potrebbe sembrare una situazione alquanto tetra e innaturale, ma si può presumere che, trascorsi molti anni, lei stessa dovrà “dirigere” dei funerali, assicurarsi che tutto sia in ordine e insegnare a qualche altra bambina di sette anni i trucchi del mestiere. Si tratta di un contratto segreto, informale, sociale, stipulato tra nonna e nipote, a mo' di pegno affinché non ci si dimentichi come accompagnare chi viene a mancare.

Tuttavia, il racconto della Berezovskaja non è interessante solo per l'attenzione all'aspetto delle tradizioni dell'esistenza, ovvero all'etnografia. Incredibilmente pregno dei più svariati significati, il racconto è come un concentrato, un seme. In uno spazio ristretto l'eterno e l'ordinario entrano in conflitto. Eterni sono la koliva sulla tavola, le stuoie tessute a mano, gli asciugamani ricamati appesi sulle icone, transitori sono il telegiornale e il programma televisivo “Bol'shaja stirka” con Andrej Malachov. Transitori sono gli anni Novanta, quando la madre della protagonista perde marito e lavoro rimanendo sola con due figlie. Eterni sono il paese slavo al confine con l'Ucraina e la Bielorussia, la generazione degli Judichiny che, grazie alla decisione della protagonista di perpetuarla, mai avrà fine.

Berezovskaja ha scritto sull'immortalità, non sulla morte.

Aleksej Varlamov

Биография

Анна Березовская родилась в селе Ардонь Брянской области. С детства пробовала свои силы в прозе и поэзии, во время учебы в Воронеже занималась журналистикой. Выиграла несколько крупных журналистских конкурсов, публиковалась в альманахе литературного объединения «Люди весны». Мечтает выпустить сборник о жизни в селе в начале 2000-х.

Biografia

Anna Berezovskaja è nata nel villaggio di Ardon' nell'*oblast'* di Brjansk. Sin dall'infanzia si è cimentata nella prosa e nella poesia; durante gli studi a Voronež si è occupata di giornalismo. Ha vinto alcuni prestigiosi concorsi di giornalismo e ha pubblicato nell'almanacco letterario dell'associazione "Ljudi vesny". Sogna di pubblicare una raccolta sulla vita del suo villaggio agli inizi degli anni 2000.

Евгения Казанцева

Перевод на итальянский язык Луки Кортези

Evgenija Kazanceva

Traduzione in italiano di Luca Cortesi

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МЕЧТАЛ УВИДЕТЬ КОЛИЗЕЙ

Впервые Толик узнал о Колизее в девять. Было третье января 1963 года, он держал в руках свежий номер «Пионерской правды», пахший типографской краской, и этот запах смешивался с запахами елки, мандаринов и врывавшегося в открытую форточку свежего морозного утра.

«Человек, который хотел украсть Колизей» – назывался рассказ.

Толик не понимал, что еще за Колизей такой, зачем носить камни в квартиру, а в конце жизни восторгаться этим самым Колизеем, который прежде хотел разобрать на камни и говорить, что он «наш»?

– Пап, что такое Колизей?

– Коли... что?

– Колизей, – повторил Толик.

– Первый раз слышу, – пожал плечами отец. – Спроси маму.

На кухне, как всегда в этот час, было тесно и людно. Перебивая друг друга, мешались запахи котлет и щей, соленой трески и гречневой каши, вареной картошки и винегрета, квашеной капусты и соленых огурцов. Мать готовила ужин, болтала с соседкой о профсоюзных путевках в санаторий и знать не знала ни о каком Колизее.

На следующий день Толик отправился в библиотеку.

– Здравствуйте, – сказал он, помявшись. – Есть у вас книги Джанни Родари?

Библиотекарша, строгая старушка в роговых очках, с собранными в пучок жидкими седыми волосами, скрылась между стеллажами. Спустя несколько минут она вынесла книгу. На затертом коричневом картонном переплете был нарисован мальчик в зеленых штанах с луковицей вместо головы.

– Тебе повезло, – сказала старушка. – Обычно она на руках. – И строго добавила: – Обращайся аккуратно!

– А есть в ней что-нибудь про Колизей? – неуверенно спросил Толик. И тут же понял, какую глупость сморозил. Он недавно видел мультфильм про Чиполлино в кинотеатре – о Колизее там и

L'UOMO CHE SOGNAVA DI VEDERE IL COLOSSEO

La prima volta che Tolik seppe del Colosseo aveva nove anni. Era il tre gennaio del 1963 e teneva in mano l'ultimo numero della "Pionerskaja pravda", che odorava di inchiostro fresco di stampa, e quell'odore si confondeva con i profumi di abete, di mandarini e con l'odore di un freddo mattino che entrava dalla finestrella.

L'uomo che voleva rubare il Colosseo, si intitolava il racconto.

Tolik proprio non capiva cosa fosse quel Colosseo, non capiva perché l'uomo si portasse a casa delle pietre, né perché, giunto al termine della propria vita, ammirando lo stesso Colosseo che prima voleva smontare, dicesse che è "nostro".

– Papi, cos'è il Colosseo?

– Colo...che?

– Il Colosseo, – ripeté Tolik.

– È la prima volta che lo sento nominare, - il padre alzò le spalle. – Chiedi a mamma.

La cucina, come sempre a quell'ora, era affollata e ci si stava stretti. Confondendosi tra loro, si mischiavano gli odori di polpette e zuppa di cavoli, di stoccafisso sotto sale e kaša di grano saraceno, di patate bollite e insalata russa, di cavolo fermentato e cetrioli sotto sale. Sua madre stava preparando la cena mentre chiacchierava con una vicina dei biglietti che l'Unione dei lavoratori dava per il sanatorio, e non aveva mai sentito parlare di alcun Colosseo.

L'indomani, Tolik si recò in biblioteca.

– Salve, - disse lui con esitazione. – Avete i libri di Gianni Rodari?

La bibliotecaria, un'austera vecchietta che portava i radi capelli grigi raccolti in una crocchia e indossava occhiali di corno, si nascose tra gli scaffali. Qualche minuto dopo ne tirò fuori un libro. Sulla copertina di cartone, di un marrone sbiadito, c'era il disegno di un ragazzino coi pantaloni verdi e con una cipolla al posto della testa.

– Ti è andata bene, - disse la vecchietta. – di solito è in prestito. – E in tono severo aggiunse: - Abbine cura!

слова не было.

Строгое морщинистое лицо осветилось улыбкой.

– Пойдем со мной, – ласково сказала библиотечарша.

Она привела Толика в читальный зал и положила перед ним толстый том по истории Древнего мира.

– Для начала почитай вот здесь, – старушка открыла книгу на странице с фотографией какого-то старинного стадиона. – Это и есть Колизей.

Годам к семнадцати Толик легко отличал Собор Святого Петра от венецианского Сан-Марко, а Рафаэля от Микеланджело. Его мечтой было увидеть Колизей в слепящих лучах знойного итальянского солнца, как тот человек в последних строках рассказа из «Пионерской правды».

Рассказ не попадался ему больше нигде. Номер газеты вот уже семь с половиной лет бережно хранился в ящике письменного стола. На стенке, над кроватью, канцелярскими кнопками поверх стареньких обоев была прикреплена почтовая открытка с изображением Колизея, подаренная ему когда-то Зоей Федоровной, той самой библиотечаршей.

В Эрмитаже он жадно всматривался в «Мадонну Литту» Леонардо, пока другие будущие токари-фрезеровщики отчаянно зевали, мечтая побыстрее сбежать – кататься на метро или на летнюю танцплощадку.

– Ну, хвастайся покупками! – сказал отец, когда Толик вернулся из Ленинграда.

Толик достал из чемодана портативный радиоприемник и машинку для поднятия чулочных петель.

– Я ведь тебе на джинсы давал! Мимо такого жениха ни одна бы невеста не прошла! Пришел бы с армии – а там и свадьбу играть можно. Мы с матерью внуков хотим увидеть.

– С приемником на даче веселее, ты давно хотел. А о машинке мама года три мечтает.

Отец промолчал. Потом, через несколько мгновений, добавил:

– Себе-то хоть купил что-нибудь?

– Книгу, – ответил Толик и достал из сумки альбом с эрмитажной коллекцией итальянского Возрождения.

– Si dice qualcosa del Colosseo in questo libro? – chiese Tolik, titubante. E subito capì di aver detto una stupidaggine. Di recente aveva visto un cartone animato di Cipollino al cinema, ma del Colosseo non s’era detta neanche una parola.

Un sorriso illuminò il volto rugoso e severo.

– Vieni con me, - disse dolcemente la bibliotecaria.

Portò Tolik nella sala lettura e gli mise davanti un libro enorme sulla storia del mondo antico.

– Puoi cominciare leggendo un po’ qui, - la vecchietta aprì una pagina con la fotografia di uno stadio antico. – è questo il Colosseo.

A diciassette anni Tolik distingueva facilmente la Cattedrale di San Pietro da quella di San Marco a Venezia, e Raffaello da Michelangelo. Il suo sogno era di vedere il Colosseo, accecato dai raggi del cocente sole italiano, proprio come faceva quell’uomo nelle ultime righe del racconto della “Pionerskaja pravda”.

Era da un po’ che il racconto non gli capitava tra le mani. Conservava gelosamente il numero della rivista ormai da sette anni e mezzo nel cassetto della scrivania. Sulla parete sopra il letto, attaccata con delle puntine alla vecchia carta da parati, c’era una cartolina con un’immagine del Colosseo, che una volta gli aveva regalato Zoja Fedorovna, la bibliotecaria.

All’Ermitage guardava la *Madonna Litta* di Leonardo con vivo interesse, mentre gli altri futuri tornitori-fresatori sbadigliavano sguaiatamente sognando di filarsela in fretta, per andare a farsi un giro in metro, o sulla pista da ballo estiva.

– Beh, vai fiero dei tuoi acquisti! – disse il padre, quando Tolik tornò da Leningrado.

Tolik tirò fuori dalla valigia una radio portatile e una macchinetta per rimagliare le calze.

– Ma te li avevo dati per i jeans, i soldi! Avresti potuto avere ben più di una fidanzata! Dopo la leva si poteva organizzare subito il matrimonio. Io e tua madre vogliamo dei nipotini.

– Con la radio si sta meglio in *dača*, è da tanto che la vuoi. E la mamma è da quasi tre anni che desiderava questa macchinetta.

Il padre tacque. Poi, un attimo dopo, soggiunse:

– Ma ti sei almeno comprato qualcosa?

– Un libro, - rispose Tolik, e tirò fuori dalla borsa una raccolta della collezione del rinascimento

Отец посмотрел цену на обороте.

– Да за такие деньги месяц в заводской столовой питаться можно! И еще останется. – Он махнул рукой и добавил со вздохом: – Эх, что с тебя взять! И в кого ты такой?

Потом взял в руки приемник и с совершенно радостной, какой-то детской улыбкой принялся его рассматривать.

Джинсы купили через месяц у фарцовщика на Бакарице¹. Невесту Толик так и не встретил – ни до армии, ни после.

К двадцати семи годам Анатолий все еще не был женат – к глубочайшей печали родителей, которые уже отчаялись увидеть внуков. Зато коллекция книг об итальянском искусстве росла и множилась, занимая уже пять полок самодельного стеллажа в родительской «двушке», которую они получили вскоре после возвращения Анатолия из армии.

На альбомы с видами Рима, Венеции и Пизы, репродукциями Тициана и Караваджо уходили почти все свободные деньги – те, что не откладывались на путевку в Италию. Книги привозились, доставались, перекупались с рук... Говорить о творческом пути Модильяни и сонетах Петрарки к тому времени стало не с кем – Зоя Федоровна вот уже более трех лет пребывала в мире ином.

– Следующий – Копосов Анатолий Васильевич, – назвала секретарша его имя.

Анатолий зашел в кабинет и сел напротив заводского профорга.

– Анатолий Васильевич? – спросил он, открывая папку с его личным делом.

– Да, я, – ответил Анатолий, заметно волнуясь.

– Вы подавали заявку на путевку в Италию?

– Д-да.

– Так-так... Токарь-фрезеровщик четвертого разряда, отличник производства. Грамоты, благодарности... Что ж вы на пятый разряд не подаете, Анатолий Васильевич? С вашим послужным списком давно пора.

– Да я... как-то не думал, – ответил Анатолий, окончательно растерявшись.

---

¹ В советские годы — международный торговый порт под Архангельском (прим. автора).

italiano dell'Ermitage.

Il padre guardò il prezzo sul retro.

– Con questi soldi ci si può mangiare un mese, alla mensa del lavoro! E ne avanzerebbero pure. – Agitò la mano e aggiunse, con un sospiro: - Eh! Che cosa ne sarà di te! Da chi hai preso?

Poi prese la radio e, con un sorriso davvero felice che aveva un qualcosa di infantile, prese ad esaminarla.

I jeans li comprarono di contrabbando un mese dopo, a Bakarica¹. Una fidanzata Tolik non la trovò, né prima della leva, né dopo.

A ventisette anni, con il più profondo dispiacere dei suoi genitori che volevano disperatamente dei nipoti, Anatolij non si era ancora sposato. Invece, la collezione di libri di arte italiana era cresciuta e aumentata di numero e andava ad occupare già cinque scaffali della libreria fatta in casa nel bilocale che i genitori avevano ricevuto poco dopo il suo ritorno dalla leva.

Tutto il denaro che non metteva da parte per il viaggio in Italia lo spendeva nelle raccolte con le vedute di Roma, Venezia e Pisa, con le riproduzioni di Tiziano e di Caravaggio. I libri arrivavano da ogni dove, li recuperava, li comprava da privati...

All'epoca non aveva nessuno con cui parlare del percorso creativo di Modigliani e dei sonetti di Petrarca. Zoja Fedorovna era passata a miglior vita già da più di tre anni.

– Il prossimo, Kuposov Anatolij Vasil'evič, - disse la segretaria chiamando il suo nome.

Anatolij entrò nell'ufficio e si sedette di fronte al segretario dell'Unione dei lavoratori della fabbrica.

– Anatolij Vasil'evič? – chiese lui, aprendo una cartella che conteneva il suo fascicolo personale.

– Sì, sono io, - rispose Anatolij, visibilmente agitato.

– Ha fatto richiesta di permesso per un viaggio in Italia?

– S-sì.

– Bene bene... Tornitore-fresatore di quarto livello, lavoratore modello. Attestati, riconoscimenti... ma perché non fa richiesta per il quinto livello, Anatolij Vasil'evič? Sarebbe anche il momento,

---

¹ In epoca sovietica era un porto commerciale internazionale situato alla periferia di Arcangelo. nda

- Надо поговорить с вашим начальником цеха. А в партии вы как давно?
- Как все, с восьмого класса.
- Что? До сих пор в комсомоле? – спросил профорг с деланым удивлением. – Не дело это, Анатолий Васильевич. Порекомендую вас к членству, пора–пора. Можете быть свободны.
- П–простите, а поездка?
- Да–да, конечно, поездка, совсем забыл! Видите ли, Анатолий Васильевич, предприятие у нас закрытое. Специалистов вашего уровня в капстраны выпускать не рекомендуется. Мечты о Колизее разбивались с хрустальным звоном, рассыпаясь цветными осколками муранского стекла, которого Анатолий никогда не видел. Свзвь этот звук, словно пробиваясь через сетку телевизионных помех, доносились слова профорга:
- Да вы не расстраивайтесь. Могу предложить Занзибар. Смотрели «Клуб телепутешествий»? Удивительная страна! Не желаете?..

Дома Анатолия ждал накрытый стол и неожиданные гости.

- А вот и Толенька, – услышал он еще с порога голос матери, спешившей ему навстречу. Почти натуральная блондинка Люсьена служила на почте и была тремя годами старше. Через два месяца Анатолий, токарь–фрезеровщик пятого разряда, вышел из ЗАГСа в новом статусе. На следующий день он улетел с супругой в Крым по путевке, что едва не насильно вручил ему профорг вместо Италии.
- Через год мечта родителей о внуках сбылась – у Анатолия родился сын. Еще через два – дочь. А еще через четыре, в июле 1987, он, наконец, нашел тот рассказ, с которого все началось.
- Люська! – закричал он с порога, размахивая сборником «Сказок по телефону». – Смотри, что я детям купил!
- Кричишь, будто машину выиграл, – сварливо ответила жена, прикрывая ладонью телефонную трубку, и тут же вернулась к разговору. – Здесь я, Нин... Книжку очередную купил, радуется, как дите... Да лучше бы в гараже, толку от его книжек... А кто с этим кооперативом подсуетился? То... Да что за граница? Далась ему эта за граница! Бакарица – та же за граница.

vista la sua storia lavorativa.

– Ecco io... non ci avevo mai pensato, - rispose Anatolij, confuso.

– Bisogna parlarne con il suo caporeparto. E da quanto è iscritto al partito?

– Da quando avevo quattordici anni, come tutti.

– Cosa? Ancora nel *Komsomol*?² – chiese il segretario con finto stupore. – Non va bene, Anatolij Vasil'evič. Le consiglio vivamente di tesserarsi, è arrivato il momento. Ora può andare.

– C-chiedo scusa, ma il viaggio?

– Sì, sì, certo, il viaggio, mi ero proprio dimenticato! Vede, Anatolij Vasil'evič, la nostra è un'attività chiusa. Non è consigliabile permettere a specialisti del suo livello di visitare paesi capitalisti.

I suoi sogni sul Colosseo si infransero come fossero fatti di cristallo, riducendosi in frantumi colorati di vetro di Murano, che Anatolij non aveva mai visto. Nel suono prodotto da quei frantumi, come attraversassero una rete di interferenze televisive, giunsero le parole del segretario:

– Su col morale. Posso proporre Zanzibar. Ha visto *Il club dei viaggiatori*?³ Un paese incredibile! Non le interessa?...

A casa lo aspettavano una tavola imbandita e ospiti inattesi.

– Ed ecco Tolen'ka, - fin già dalla soglia poté sentire la voce di sua madre affrettarglisi incontro.

Ljus'ena, una bionda quasi naturale, lavorava alla posta e aveva tre anni più di lui. Due mesi dopo Anatolij, tornitore-fresatore di quinto livello, uscì dall'anagrafe in una condizione nuova. Il giorno successivo partì per la Crimea insieme alla moglie, con un biglietto che il segretario lo aveva quasi costretto ad accettare, al posto di quello per l'Italia.

Un anno più tardi, il sogno dei suoi genitori si avverò: Anatolij ebbe un figlio. Dopo due anni, una figlia. E dopo quattro anni, nel luglio del 1987, trovò finalmente il racconto da cui tutto ebbe inizio.

---

2 Il Komsomol (acronimo di Kommunističeskij sojuz molodeži) era l'organizzazione giovanile del Partito Comunista dell'Unione Sovietica. ndt

3 In originale Klub teleputešestvij, un riferimento alla popolare trasmissione televisiva Klub putešestvennikov, in onda dal 1960 al 2003. ndt

В декабре 1990 тридцатисемилетний Анатолий, токарь–фрезеровщик шестого разряда, был обладателем трехкомнатной кооперативной квартиры, автомобиля «Лада» девятой модели модного вишневого оттенка, не очень счастливым мужем, но достаточно счастливым отцом девятилетнего сына и семилетней дочери. Стеллаж с книгами, перевезенный из родительской квартиры, за годы семейной жизни заполнился едва ли на один ярус. В ближайшие десять лет появиться в коллекции новым экземплярам было не суждено.

- А это что?
- Это отца. Он в молодости собирал. И потом, когда я был маленьким.
- А потом?
- Потом перестал, денег не было.
- Он преподаватель?
- Нет, фрезеровщик на заводе.
- Мне кажется, твой отец очень интересный человек.

На сорок восьмой день рожденья Анатолий Васильевич получил в подарок от сына–студента букинистическое издание «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари.

Когда завод дружно провожал на пенсию одного из старейших своих сотрудников, шестидесятилетнего токаря–фрезеровщика седьмого разряда Копосова Анатолия Васильевича, его коллекция литературы по итальянскому искусству с трудом вмещалась в три книжных шкафа. Старый номер «Пионерской правды» и почтовая открытка с Колизеем, позабытые, затерялись среди книг, раритетных и не очень. Жизненная воронка привычно вращалась между квартирой, дачей, машиной, детьми, внуками и коллекцией. Книгами заполнился четвертый шкаф.

В ту зиму на Новый год к ним приехал сын с семьей.

- Деда, почитаешь? – подсел на диван девятилетний внук, его тезка. – Папа сказал, это его лю-

– Ljus'ka! – esclamò lui dall'uscio, agitando il libro *Favole al telefono*. – Guarda cos'ho comprato ai bambini!

– Urli manco avessi vinto una macchina, - rispose la moglie, scocciata, coprendo la cornetta del telefono con il palmo della mano, e ritornò immediatamente alla sua conversazione. – Sono io Nina... l'ennesimo libro ha preso... è felice come un bambino... Preferirei stesse in garage, mica coi libri... E sai chi è che è intervenuto per quella cooperativa? Allora... ancora con 'sto estero? Ma che gliene importa dell'estero! A Bakarica, alla fine, è già come oltreconfine!

Nel dicembre del 1990, il trentasettenne Anatolij, tornitore-fresatore di sesto livello, possedeva un trilocale e una Lada 9 di un color ciliegia alla moda; come marito non era molto felice, ma come padre di un bambino di nove anni e di una bambina di sette era abbastanza contento. Dello scaffale coi libri, che aveva portato dalla casa dei genitori, negli anni di vita familiare aveva riempito a malapena una fila. Nei dieci anni successivi non era destino che nuovi esemplari entrassero a far parte della collezione.

– E questa cos'è?

– È di mio padre. Ha cominciato la collezione quand'era giovane. E anche dopo, quando ero piccolo.

– E poi?

– E poi ha smesso. Non c'erano abbastanza soldi.

– È un insegnante?

– No, un fresatore.

– Credo che tuo padre sia una persona molto interessante.

Per il suo quarantottesimo compleanno, Anatolij Vasil'evič ricevette in regalo dal figlio, studente, un'edizione usata de *Le vite de' più eccellenti pittori, scultori e architettori*, di Giorgio Vasari.

Quando l'intera fabbrica festeggiò il pensionamento di uno dei suoi dipendenti più anziani, il sessantenne tornitore-fresatore di settimo livello Anatolij Vasil'evič Kuposov, la sua collezione di libri sull'arte italiana a fatica trovava posto in tre scaffali. Il vecchio numero della "Pionerskaja pravda" e la cartolina con il Colosseo, ormai dimenticati, erano persi tra i libri, alcuni dei quali erano rarità, altri piuttosto comuni. Un vortice di vita girava tra l'appartamento, la *dača*, la macchina, i

бимая в детстве была.

Толик протягивал Анатолию Васильевичу то самое издание «Сказок по телефону», что он читал своим детям в таком близком и таком далеком восемьдесят седьмом.

– С какой начнем?

– Вот эту, про человека, который хотел украсть Колизей. Моя любимая.

– Постой. Хочу тебе кое-что показать.

Время словно повернулось вспять. Снова был запах елки, мандаринов и бодрящего морозного воздуха, влетавшего в квартиру сквозь открытую форточку. Снова был девятилетний Толик – два девятилетних Толика. И старая пожелтевшая газета, казалось, вновь пахла свежей типографской краской.

– Алло, Нин... Дела как? Десять банок огурцов закатала... Слышь, Нин, старик мой совсем сбрендил... Седина в бороду – бес в ребро... Какая баба в семьдесят лет, Нинк, ты в своем уме? Я ему такую бабу дам!.. Продал всю свою макулатуру... Вместе со шкафами, газету только какую-то оставил... А кто его знает, видать, надо кому... Да ну его, на даче дел полно, а он по Италиям своим катается, Клизей какой-то смотрит... Внука с собой взял, младшенького...

В девять часов утра восьмого августа две тысячи двадцать второго года шестидесятидевятилетний Анатолий Васильевич впервые сидел на нагретых, выбеленных, выщербленных от множества ног, от солнца и дождя, от ветра и времени ступенях Колизея, подставляя лицо слепящему, знойному итальянскому солнцу у себя над головой. Все было ровно так, как он представлял себе почти шестьдесят лет назад.

figli, i nipoti e la collezione. Un quarto scaffale si riempì di libri.

Quell'inverno, per Capodanno lo raggiunse il figlio con la sua famiglia.

– Nonno, leggi un po'?' – suo nipote di nove anni, che si chiamava come lui, si sedette sul divano.

– Papà ha detto che da piccolo questa era la sua preferita.

Tolik porse ad Anatolij Vasil'evič la stessa edizione di *Favole al telefono* che lui leggeva ai suoi figli in quell'87 così vicino e così lontano.

– Da quale iniziamo?

– Ecco, questa, sull'uomo che voleva rubare il Colosseo. La mia preferita.

– Aspetta. Ti voglio far vedere una cosa.

Gli sembrava di essere tornato indietro nel tempo. C'era ancora l'odore di abete, di mandarini, e di quell'aria fredda e rinvigorente che entrava in casa dalla finestrella aperta. C'era di nuovo Tolik a nove anni: anzi, ce n'erano due. E sembrava che il vecchio giornale ingiallito profumasse ancora una volta di inchiostro fresco.

– Allora Nina, come va? Ho sigillato dieci barattoli di cetrioli... Senti, Nina, il mio vecchio è completamente andato via di testa... A testa bianca, spesso cervello manca!⁴ Ma che donna a settant'anni, Nina, sei impazzita? Gliela dò io la donna!.. Ha venduto tutte le sue cartacce... e pure gli scaffali! Ha lasciato solo un giornale... e che ne so, forse a qualcuno servono... lasciamo stare, alla *dača* c'è un sacco da fare e lui si fa il giretto in Italia, a vedere un certo Closeo⁵... ha portato con sé nostro nipote, il più piccolo...

Alle nove del mattino del nove agosto duemilaventidue, il sessantanovenne Anatolij Vasil'evič sedeva per la prima volta su quei gradini del Colosseo arsi e sbiancati, gradini levigati da una moltitudine di piedi, gradini segnati dal sole e dalla pioggia, dal vento e dal tempo, mostrando il viso al sole italiano, accecante e cocente, che gli stava sopra la testa. Tutto era proprio uguale a come se lo era immaginato circa settant'anni prima.

---

4 Nell'originale, l'espressione idiomatica è “Седина в бороду – бес в ребро...” ndt

5 In originale “Клизей”, una storpiatura del nome Colosseo. ndt

Отзыв о рассказе

Евгения Казанцева – совсем молодой автор. Родилась в 1986 году, историк по образованию, живет в Архангельске. Пробует силы в литературе, не без успеха, но солидных публикаций пока не случилось. Вот, собственно, и все, что мы узнали о ней из краткой биографической справки. Остальное – в ее «малой прозе», представленной на конкурс.

«Человек, который мечтал увидеть Колизей» – рассказ о мечте. О мечте, пронесенной через жизнь. Советскому школьнику Толе когда-то очень понравился рассказ Джанни Родари «Человек, который мечтал украсть Колизей», опубликованный в «Пионерской правде». Вот только что такое Колизей, не очень понятно. Интернета тогда в помине не было, поэтому Толя отправился в библиотеку. Зоя Федоровна, библиотекарьша, от вопроса про Колизей не отмахнулась, но постаралась мальчишке помочь. Так Толик «заболел» Италией. На всю жизнь.

Высококвалифицированный фрезеровщик, отец двоих детей собрал внушительную библиотечку книг по итальянскому искусству, стал настоящим знатоком-любителем. Но с поездкой в Италию, о которой мечталось с детства, как-то не складывалось. Увидеть Колизей он смог только в семидесятилетнем возрасте, вместе с внуком, который перенял от деда его увлеченность.

Рассказ оставляет удивительно светлое впечатление. Яркие, точные детали помогают всего на нескольких страницах воссоздать длинную, обыденную, скучноватую и не очень радостную жизнь, смысл которой придает увлечение героя, его мечта. В отличие от сельского учителя Тяпушкина, героя рассказа Глеба Успенского, которого однажды «выпрямила» в Лувре статуя Венеры Милосской, герой Казанцевой, однажды соприкоснувшись с великим искусством, прожил под его знаком всю жизнь. Прожил достойно. Это спокойное, мудрое достоинство героя подкупает в рассказе больше всего. Без надрыва, без «чернухи», без истеричных обвинений в адрес всего и вся. Достойный, хотя и не очень счастливый человек, он сумел в конце своей жизни «выпрямиться» во весь свой духовный рост. Хочется верить, что спокойная мудрость органично присуща нашему двадцатипятилетнему автору, и мы еще не раз сможем соприкоснуться с нею.

Нина Литвинец

Nota critica

Evgenija Kazanceva è una giovane autrice. Nata nel 1986 e di formazione storica, vive ad Archangel'sk. Pur senza pubblicazioni solide, si cimenta nella letteratura con buon successo. Questo è sostanzialmente tutto ciò che sappiamo di lei dalla sua nota biografica. Il resto lo troviamo nel racconto breve che ha presentato al concorso.

L'uomo che sognava di vedere il Colosseo è il racconto di un sogno. Di un sogno inseguito per una vita intera. Allo scolaro Tolja è piaciuto molto il racconto *L'uomo che sognava di rubare il Colosseo* di Gianni Rodari, pubblicato sulla "Pionerskaja pravda". Solo non gli era molto chiaro cosa fosse il Colosseo. Internet all'epoca ovviamente non c'era, perciò Tolja si è recato in biblioteca. La bibliotecaria Zoja Fedorovna non ha ignorato la sua domanda sul Colosseo, ma ha cercato di aiutare il ragazzino. E così Tolik s'è "ammalato" di Italia. Per tutta la vita.

Fresatore specializzato e padre di due figli, ha accumulato una grande quantità di libri sull'arte italiana e ne è diventato un vero conoscitore, un vero appassionato. Ma il sogno di un viaggio in Italia, coltivato fin dall'infanzia, per qualche motivo non si è realizzato. Riuscirà a vedere il Colosseo solamente da settantenne insieme al nipote, che eredita questa passione proprio dal nonno.

Il racconto trasmette una sensazione di sorprendente nitore. In poche pagine, dettagli vividi e precisi aiutano a ricostruire una vita lunga e ordinaria, noiosa e non molto felice, che trova un senso nell'entusiasmo del protagonista, nel suo sogno. A differenza di Tjapuškin, l'insegnante di provincia protagonista di un racconto di Gleb Uspenskij, che al Louvre viene "raddrizzato" dalla Venere di Milo, il protagonista del racconto di Kazanceva, una volta entrato in contatto con la grande arte, vive la sua intera vita sotto il suo segno. Una vita vissuta con dignità. Ed è questa dignità calma e saggia del protagonista che nel racconto conquista più di ogni altra cosa. Senza straziare, senza criticare eccessivamente la società, senza lanciare accuse isteriche a tutto e tutti. Una degna persona, pur non molto felice, che, giunta al termine dei suoi giorni, riesce a "ergersi" in tutta la sua statura morale. Vogliamo pensare che questa placida saggezza appartenga anche alla nostra giovane autrice, così da poterne fruire nuovamente.

Nina Litvinec

Биография

Евгения Казанцева родилась в Таллине. В настоящее время живет в Архангельске. По образованию историк. Публикуется под псевдонимом Евгения Малин. Участник литературных конкурсов, лауреат II степени Международного литературного конкурса «Всемирный Пушкин – 2020» в номинации «Проза».

Biografia

Evgenija Kazanceva è nata a Tallinn. Attualmente vive ad Archangel'sk. Ha una formazione storica, e pubblica con lo pseudonimo Evgenija Malin. Ha partecipato a diversi concorsi letterari; si è classificata seconda nel concorso letterario internazionale “Vsemirnyj Puškin - 2020”, nella categoria prosa.

Надежда Лаевская

Перевод на итальянский язык Федерики Руджери

Nadežda Laevskaja

Traduzione in italiano di Federica Ruggeri

ТАТА

Татьяна Михайловна закрывала дачный сезон.

Голова увесистого кабачка размякла и потемнела. Нужно было тебя в прошлый раз забрать... Под опавшими листьями лежало несколько темно-коричневых яблок. Поздно я вас нашла...

Ветви разросшейся облепихи кололи руки, оранжевый сок растекался по пальцам.

В детстве внучка засовывала в рот яркие ягодки и тут же выплевывала:

– Кислятина! Почему на вашей пальме бананы не растут?! – но облепиховое варенье Мариша любила, да и сейчас любит.

Уже полчетвертого! Татьяна Михайловна потянула тяжелую ветку – ветка вырвалась и удрала по плечу.

Прежде муж приносил ей янтарные букеты:

– Вот какой урожай! Тата, принимай красоту! – и выкладывал на веранде ветки облепихи.

К вечеру зарядил дождь. Сегодня на их любимой скамейке не посидишь.

Летними вечерами Мариша звала:

– Ба, деда, скорее, уже огоньки появились!

Она забиралась дедушке на колени и требовала:

– Покажи мне медведей!

Василий Сергеевич чертил над головой крышу домика и четырехугольник:

– Смотри, там Большая Медведица.

– Где? Где она?! Ты плохо показываешь!

Дедушка снова рисовал в воздухе фигуры:

– Теперь разглядела?

– Не-а! А почему звезды серые?

– Запылились, – улыбался Василий Сергеевич.

– А мишки, мишки куда спрятались?!

TATA

La dacia donava a Tat'jana Michajlovna gli ultimi frutti di quella stagione.
La testa della pesante zuccina era un po' molle e brunita. Dovevi essere raccolta l'ultima volta che sono venuta...
Sotto le foglie cadute c'erano delle mele marrone scuro. Vi ho trovate troppo tardi...
I rami dell'olivello spinoso trafiggevano le mani, tingendo le dita di succo arancione.
Da bambina, la nipote metteva in bocca le bacche lucenti per poi sputarle subito dopo:
– Accidenti, sono aspre! Perché sulla vostra palma non crescono banane?! – eppure Marina amava la marmellata di olivello spinoso, e l'ama anche ora.
Sono già le tre e mezzo! Tat'jana Michajlovna avvicinò a sé un ramo pesante che, ritornato nella posizione iniziale, le urtò la spalla.
Un tempo suo marito le portava bouquet del colore dell'ambra:
– Guarda che raccolto! Tata, prendi questo tesoro – e posava sotto il portico i ramoscelli di olivello spinoso.
Verso sera venne giù una pioggia battente. Non ci si poteva sedere su quell'amata panchina.
Nelle serate estive Marina gridava:
– Nonna, nonno, presto, sono già apparsi i fuocherelli!
Si arrampicava sulle ginocchia del nonno e reclamava:
– Mostrami le orse!
Vasilij Sergeevič tracciava sopra le loro teste il tetto di una casa e i quattro lati:
– Guarda, là c'è l'Orsa Maggiore.
– Dove? Dov'è? Non mi stai mostrando bene!
Il nonno disegnava daccapo in aria le figure.
– Ora riesci a vedere?
– No! E perché le stelle sono grigie?
– Sono coperte di polvere, – sorrideva Vasilij Sergeevič.

– За медом убежали, – говорила Татьяна Михайловна.

– Ну вот! Я так и знала! – расстраивалась Мариша.

Этим летом Марина приезжала на дачу с мужем Андреем: прополет полгрядки – и в тенек на веранду.

– Помнишь, вы с бабушкой Большую Медведицу искали? – спросила Татьяна Михайловна.

– Ба, да когда это было.

...Татьяна Михайловна набрала Андрея:

– Ты за мной завтра подъедешь? Много облепили, морковь...

– Не переживайте, в этот раз точно буду. Ждите меня к двум.

Татьяна Михайловна достала из тумбочки пластинки.

Маленькая Мариша просила:

– Деда, покрути инопланетные тарелочки!

Василий Сергеевич открывал крышку старенькой радиолы:

– Сегодня «Приключения Чиполлино», «Кошкин дом» или «Старик Хоттабыч»?

– Давай про Хоттабыча! – решала Мариша.

К концу сказки внучка засыпала.

Теперь инопланетные тарелочки играли для Татьяны Михайловны.

Утром красная дорожка уличного термометра остановилась на нуле. Ладно, хоть нет дождя. Допью чай и пойду собирать укроп и петрушку.

В час ожил телефон:

– В машине что-то застучало, я ее в сервис отогнал. Через день-два... – начал Андрей.

– У меня завтра шесть уроков. Поеду на электричке.

Татьяна Михайловна сложила в рюкзак подгнивший кабачок, зелень, три морковки. Деревянный ящик с овощами остался ждать Андрея. Надо еще взять шиповник – Мариша опять чихает.

До электрички всего полтора часа – следующая в шесть двадцать. Вчера она шла на дачу в расстегнутой ветровке, сегодня в таком виде далеко не уйдешь. Татьяна Михайловна повязала на голову платок, сняла с вешалки потертый пиджак. Ветровка на него не налезет.

– E gli orsetti, dove si sono cacciati gli orsetti?!

– In cerca di miele, – diceva Tat’jana Michajlovna.

– Ecco! Io lo sapevo! – la bambina si imbronciava.

Quell’estate Marina era arrivata alla dacia con il marito Andrej: ripuliva un po’ dalle erbacce il semenzaio e poi andava all’ombra in veranda.

– Ricordi quando insieme al nonno cercavi l’Orsa Maggiore? – chiedeva Tat’jana Michajlovna.

– Nonna, è trascorsa una vita.

...Tat’jana Michajlovna compose il numero di Andrej:

– Domani mi vieni a prendere? C’è tanto olivello spinoso, carote...

– Non si preoccupi, questa volta verrò di certo. Mi aspetti per le due.

Tat’jana Michajlovna prese i vinili dal comodino.

Da piccola Marina chiedeva:

– Nonno, fa’ girare questi dischi volanti!

Vasilij Sergeevič apriva il coperchio del vecchio radiogrammofono:

– Oggi cosa sentiamo: “Le avventure di Cipollino”, “La casa della gatta” o “Il vecchio Chottabyč”?

– Facciamo Chottabyč! – sentenziava la piccola.

Sul finire della fiaba, la nipotina chiudeva gli occhi.

Ora i dischi volanti giravano per Tat’jana Michajlovna.

La mattina, la colonnina rossa del termometro era scesa fino a zero. E sia, almeno non piove.

Finisco di bere il tè e vado a raccogliere l’aneto e il prezzemolo.

All’una il telefono diede un segno di vita:

– La macchina faceva uno strano rumore, così l’ho portata dal meccanico. Tra uno, due giorni... – cominciò col dire Andrej.

– Domani ho sei ore di lezione. Tornerò in treno.

Tat’jana Michajlovna mise in uno zaino la zucchini mezza marcia, l’aneto, il prezzemolo e tre carote. La cassetta di legno con gli ortaggi rimase ad aspettare Andrej. Bisognava prendere ancora la rosa canina: Marina era di nuovo raffreddata.

Придется возвращаться в болотной куртке, в которой она с Васей ходила за грибами. По дороге на станцию пришлось останавливаться. Не рассчитала с грузом: полный рюкзак, облепила. Может, на остановке встретит Мариша? Телефон внучки отвечал короткими гудками.

Женщина чуть моложе ее помогла забраться в электричку.

Осенний дождь рисовал на окне вагона пунктирные дорожки-дополнения, а потом толстой прозрачной кистью зачеркивал их. Сиреневые поля иван-чая превратились в сухие перья. Весной у них было столько планов на этот дачный сезон!

После Первомайских праздников Татьяна Михайловна вернулась в город. Василий Сергеевич остался на даче. Пятого мая он чинил лестницу на второй этаж, закружилась голова... Соседи вызвали скорую.

До нее долго не могли дозвониться – на уроках Татьяна Михайловна телефон отключала. Татьяна Михайловна на такси помчалась в Среднеуральск.

– Состояние тяжелое... – начал врач.

– Можно перевезти его в Екатеринбург?

– Ваш муж нетранспортабельный. Мы делаем все возможное.

– Надеемся на лучшее, – сердобольная сестричка пустила ее ночью в реанимацию.

– Вася, выздоравливай, слышишь? Никогда на больничном не был, а теперь что выдумал? Вася... – звала Татьяна Михайловна.

...Они познакомились в семьдесят шестом.

В середине августа мама встречала Таню на вокзале.

– Танечка, как ты загорела! Рассказывай, как море, как кормили?

– Море теплое. Кормили три раза в день.

– Из тебя слова не вытащишь. А я сюрприз приготовила, правда, мы чуть-чуть не успели.

– Кто это мы? – не поняла Таня.

– Сама все увидишь, – сказала Валентина Петровна.

– Мама, как здорово! Мне балкон застеклили! – воскликнула Таня, входя в комнату: – Буду в сентябре здесь тетрадки проверять. Ой!.. Здравствуйте!

Il prossimo treno parte alle sei e venti, manca solo un'ora e mezza. Il giorno prima era arrivata alla dacia con la giacca a vento sbottonata e oggi non sarebbe andata molto lontana vestita così. Tat'jana Michajlovna mise un fazzoletto in testa, sfilò dall'attaccapanni una giacca lisa. Quella a vento non riusciva a metterla sopra. Le toccava tornare con il giubbotto verde marcio, lo stesso che indossava quando andava per funghi con Vasja.

Lungo la strada per la stazione dovette fermarsi. Non aveva fatto i conti con il peso: lo zaino pieno, l'olivello spinoso. Forse Marina poteva venire a prenderla alla stazione? Il telefono della nipote dava segnale di occupato.

Una donna, un po' più giovane di lei, l'aiutò a salire sul treno.

La pioggia autunnale disegnava sul finestrino del vagone sentieri tratteggiati, per poi cancellarli con un grosso pennello trasparente. Le distese lilla di camenerio si erano trasformate in penne inaridite.

In primavera avevano fatto tanti progetti per quella stagione nella dacia!

Dopo la festa del Primo Maggio, Tat'jana Michajlovna ritornò in città. Vasilij Sergeevič si era trattenuto nella dacia. Il cinque maggio, mentre riparava le scale che portano al secondo piano, gli girò la testa... I vicini fecero arrivare l'ambulanza.

Provarono a lungo e invano a chiamare Tat'jana Michajlovna: lei spegneva il telefono durante le lezioni.

Allora prese subito un taxi per Sredneural'sk.

– La situazione è seria... – cominciò col dire il medico.

– Può essere trasferito a Ekaterinburg?

– Suo marito non può essere spostato. Stiamo facendo tutto il possibile.

– Non disperì, – le disse un'infermiera di buon cuore, facendola entrare di notte in rianimazione.

– Vasja, riprenditi, riesci a sentirmi? Non hai mai fatto un giorno di malattia, e ora che ti salta in mente? Vasja... – implorava Tat'jana Michajlovna.

...Si erano conosciuti nel '76.

A metà agosto la mamma andò a prendere Tanja in stazione.

На балконе с рамой в руках выпрямился плотник, лицо его прикрывала выгоревшая кепка.

– Вам еще долго?

– Час, не больше. А где была?

– На юге.

– Ясно. Много у тебя книг... А можно вон ту, серую, почитать? – плотник указал на тонкий корешок.

– «Муму»? Не читали?

– Со школы перечитать мечтал. Не бойся, я с возвратом.

Плотник пришел на следующий день. Синяя рубашка была закатана на локтях, черные волосы на макушке вихрились.

«Как перышки», – подумала Таня.

Плотник положил книжку на письменный стол:

– Знаешь, а я бы собаку спас. Лови! – зелено-красное яблоко упало девушке на сарафан. –

Ну вот, платье накормила.

Таня улыбнулась.

– Вчера не сказал – я Вася.

– Татьяна Михайловна.

– Ты Тата. Тата-тата-тата-тата, тата-тата-тата... Узнала?

– «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер»?

– Точно! Дед часто этот мотив напевал. Я спрашивал: «Ты что поешь?», а он: «Мелодия такая... Счастливая».

Василий стал по вечерам приходить к Таниному дому.

– Тата! – звал он с улицы.

Таня вытаскивала балконную раму и махала ему рукой.

Василий доставал из кармана яблоко:

– Лови!

– Шутишь?! Пятый этаж!

– Тогда спускайся.

- Tanečka, come sei abbronzata! Racconta, com'è il mare? E il cibo?
- Il mare era caldo. Si mangiava tre volte al giorno.
- Devo sempre tirarti le parole di bocca. Però ti ho preparato una sorpresa, anche se noi non ce l'abbiamo fatta per poco.
- Noi... chi? – Tanja non capiva.
- Vedrai tu stessa – disse Valentina Petrovna.
- Mamma, che meraviglia! Mi avete messo la vetrata al balcone! – esclamò Tanja entrando nella stanza: – A settembre mi metterò qui a correggere i compiti. Oh!.. Buongiorno!
- Sul balcone si alzò un carpentiere con il telaio in mano, il suo volto era coperto da un berretto sbiadito.
- Ne ha ancora per molto?
- Un'ora, non di più. Dove sei stata?
- Nel Sud.
- Capisco. Hai molti libri... Posso leggere quello grigio laggiù? – il carpentiere ne indicò il dorso sottile.
- Mumù!?! Non lo ha letto?
- Sognavo di rileggerlo dai tempi della scuola. Non temere, te lo restituisco.
- Il falegname tornò il giorno dopo. La camicia blu era arrotolata sino ai gomiti, i capelli neri si arruffavano sulla sommità del capo.
- “Come piumette”, – pensò Tanja.
- Il carpentiere appoggiò il libro sulla scrivania:
- Sai, io avrei salvato il cane. Toh, prendila! – una mela verde e rossa cadde sul prendisole della ragazza. – Ecco, hai fatto mangiare il vestito.
- Tanja sorrise.
- Ieri non l'ho detto – io sono Vasja.
- Tat'jana Michajlovna.
- Tu sei Tata. Tata-tata-tata-tata, tata-tata-tata... L'hai riconosciuta?
- Dai, cantaci una canzone, vento allegro?

- Василий недалеко от нас живет? – спросила Таня Валентину Петровну.
- Ну как сказать... В общежитии на Эльмаше.
- ...В палате гудел белый аппарат. Слипались глаза. Голова Татьяны Михайловны клонилась на ладони.
- Тата... – словно издали проговорил Василий Сергеевич.
- Я здесь, Вася.
- Тата, я лестницу осенью почию.
- Лестница подождет.
- Тата, не продавай дачу.
- Вася, если б я не уехала...
- Тата, почему у тебя глаза на мокром месте? Ты же мелодия моя счастливая.

Через неделю Татьяна Михайловна вышла на работу.

- Мы тут с учителями Вам собрали... – директор протянул ей конверт.
- Иван Григорьевич, правда, это лишнее.
- Татьяна Михайловна, не обсуждается! Наша школа – большая семья. Вам бы отдохнуть, но скоро ЕГЭ. У Вас три выпускных класса...
- Иван Григорьевич, мы весь год работали. Сложные темы еще повторим. Они умные ребята, справятся.
- ...Обманщик-дождь то затихал, то начинался вновь. На вокзале Татьяна Михайловна села на двадцать первый автобус. Заблямкал телефон – прилетели фотографии дочери из Турции.
- От остановки по прямой до дома – минут пятнадцать. Может, через дворы?
- Первый этаж здания напротив остановки занимал ресторан «Аквармарин». Митя Петухов работал там управляющим. Татьяна Михайловна иногда встречала его, возвращаясь из школы.
- Как Тамара Федоровна? – интересовалась она.
- Мама? Нормально. В «Роспечати» работает. Татьяна Михайловна, давайте встречу выпуск-

– Giusto! Mio nonno canticchiava spesso questo motivo. Io gli chiedevo: “Cosa canti?”, e lui: “Una melodia... felice”.

Vasilij cominciò ad andare da Tanja ogni sera.

– Tata! – le dava voce dalla strada.

Tanja apriva la vetrata del balcone e lo salutava con un cenno della mano.

Vasilij prendeva dalla tasca una mela:

– Toh, prendila!

– Stai scherzando?! È il quinto piano!

– Allora scendi.

– Vasilij vive qui vicino? – chiese Tanja a Valentina Petrovna.

– Più o meno... In un ostello ad El'maš.

...Nella corsia si sentiva il rumore del macchinario bianco. Gli occhi si chiudevano. Tat'jana Michajlovna si teneva la testa tra le mani.

– Tata... – la voce di Vasilij Sergeevič sembrava provenire da lontano.

– Sono qui, Vasja.

– Tata, sistemerò la scala in autunno.

– La scala può aspettare.

– Tata, non vendere la dacia.

– Vasja, se non fossi andata via...

– Tata, perché hai gli occhi lucidi? Sei la mia melodia felice, tu.

La settimana dopo Tat'jana Michajlovna tornò al lavoro.

– Con gli insegnanti abbiamo raccolto qualcosa per lei... – Il direttore le porse una busta.

– Ivan Grigor'evič, davvero, non è il caso.

– Tat'jana Michajlovna, non si discute! La nostra scuola è una grande famiglia. Le servirebbe un po' di riposo, ma presto ci saranno gli esami. Lei ha tre classi in uscita...

– Ivan Grigor'evič, abbiamo lavorato tutto l'anno. Ripeteremo ancora gli argomenti più complessi. Sono ragazzi intelligenti, ce la faranno.

...La pioggia infida ora smetteva, ora ricominciava daccapo. Alla stazione Tat'jana Michajlovna

ников в «Аквамарине» устроим. Я Вам такой банкет организую!

– Митя, какой банкет...

– А что? Не пообедаем.

– Поздно мне, Митя, по ресторанам ходить.

– Татьяна Михайловна, сколько Вы мне в школе помогли! А когда мы с мамой одни остались, форму купили и кроссовки...

– Купила и купила. Тоже мне дело.

Да, вырос Митя, а в школе... Парту поджег, бросил из окна тряпку в учителя физики, в седьмом классе в кабинет директора кошку подкинул, а у Ивана Григорьевича аллергия на шерсть оказалась.

– Иван Григорьевич, это я попросила Митю. Нашла эту кошку у школы, худую, промерзшую. Говорили, что Вы на совещание уехали. Вот я и подумала: «Пусть у Вас в кабинете посидит, а после занятий домой ее заберу», – сказала на педсовете Татьяна Михайловна.

За Митину любовь к животным она тогда получила выговор и на двенадцать лет кошку Мусю.

...Татьяна Михайловна перешла дорогу. Лямки рюкзака давили на плечи.

– Татьяна Михайловна, что же Вы так нагрузились? – сказал знакомый голос.

Митя забрал у нее ведро, распахнул дверь ресторана:

– Проходите, культурно отдохнете, согреетесь.

Татьяна Михайловна стояла у входа:

– Митя, что ты придумал? И не одета я для ресторана.

– Татьяна Михайловна, возражения не принимаются – Вы мой гость. Давайте я за Вами поухаживаю. Сейчас столик подготовят.

Куртка, ведро и рюкзак отправились в гардероб.

В «Аквамарин» вошел высокий мужчина в бежевом пальто, посмотрел на примятые волосы Татьяны Михайловны, ее потертый пиджак, болотную куртку, холщовый рюкзак в гардеробе:

– Дмитрий Александрович, на два слова.

prese l'autobus ventuno. Un trillo del telefono e arrivarono dalla Turchia le foto della figlia. Una quindicina di minuti per arrivare dritta a casa dalla fermata. Forse meglio passando dai cortili?

Al primo piano dell'edificio di fronte alla fermata si trovava il ristorante "Acquamarina". Mitja Petuchov ne era il direttore. Tat'jana Michajlovna talvolta lo incontrava al ritorno da scuola.

– Come sta Tamara Fedorovna? – chiedeva interessata.

– La mamma? Bene. Adesso lavora per "Rospečat". Tat'jana Michajlovna, organizziamo una rimpatriata con la nostra classe qui da me, all'"Acquamarina"? Le metto su un bel banchetto!

– Mitja, quale banchetto...

– Perché no? Non andremo mica in bancarotta.

– Per me, Mitja, non è più tempo di ristoranti.

– Tat'jana Michajlovna, quanto aiuto mi ha dato a scuola! E quando io e la mamma siamo rimasti soli, mi ha comprato la tuta e le scarpe da ginnastica...

– Le ho comprate, va bene. Cosa vuoi che sia.

Sì, ora Mitja è grande, ma a scuola... Diede fuoco a un banco, gettò dalla finestra uno straccio sull'insegnante di fisica; poi in terza media portò un gatto nella stanza del direttore, e si scoprì che Ivan Grigor'evič era allergico al pelo.

– Ivan Grigor'evič, l'ho chiesto io a Mitja. Ho trovato il gatto qui vicino alla scuola, pelle e ossa, assiderato. Si diceva che lei fosse via per una riunione. E così ho pensato: "Lo faccio mettere nel suo studio, dopo le lezioni lo prendo e lo porto a casa", – disse Tat'jana Michajlovna nel Consiglio dei docenti.

L'amore di Mitja per gli animali le costò un richiamo e 12 anni passati con la gatta Musja.

...Tat'jana Michajlovna attraversò la strada. Le cinghie dello zaino le segnavano le spalle.

– Tat'jana Michajlovna, cosa fate con tutto quel peso? – disse una voce conosciuta.

Mitja le strappò il secchio, spalancò le porte del ristorante:

– Entri, riposi come si deve, si riscaldi.

Tat'jana Michajlovna era in piedi all'entrata:

– Mitja, cosa ti viene in mente? I miei abiti non sono adatti per andare in un ristorante.

– Полистайте журнал, я ненадолго, – уходя, сказал Митя.

Татьяна Михайловна надела куртку, наспех повязала косынку, набросила на плечи рюкзак, взяла ведро.

В дверях ее нагнал Митя с пластиковым контейнером:

– Татьяна Михайловна, владелец приехал, нужно срочно корпоратив на восемьдесят человек подготовить. Я тут вам штрудель положил и наш фирменный шоколадный чизкейк. Режешь его, а он шипит от воздушности. Его даже из администрации города заказывают!

– У меня всё есть. Ты маму угости, Митя, – Татьяна Михайловна вышла из «Аквамарина».

Она прошла три дома, поставила ведро на тротуар, поправила косынку.

Воробьи поделили электропровода на точки и тире. Зачем же вы, маленькие, под дождем сидите?

Уже была видна ее серая, словно полинявшая от дождя девятиэтажка.

Завтра шесть уроков, вечером родительское собрание. Таня, Тата, что ж ты стоишь? Ты же мелодия... Такая счастливая.

– Tat’jana Michajlovna, non accetto un rifiuto: è mia ospite. Su, mi occuperò io di lei. Ora sistemeranno il tavolo. Il giubbotto, il secchio e lo zaino furono messi nel guardaroba.

Nel ristorante entrò un uomo alto, con indosso un cappotto beige, guardò i capelli arruffati di Tat’jana Michajlovna, la sua giacca lisa, il giubbotto verde marcio, lo zaino di tela nel guardaroba:

– Dmitrij Aleksandrovič, permetta una parola.

– Dia un’occhiata alla rivista, torno subito – disse Mitja, uscendo.

Tat’jana Michajlovna si infilò il giubbotto, legò in fretta il fazzoletto, mise lo zaino sulle spalle, prese il secchio.

Sulla porta fu raggiunta da Mitja con in mano un recipiente di plastica:

– Tat’jana Michajlovna, è arrivato il proprietario, c’è bisogno urgente di preparare una festa per 80 persone. Qui ho messo per lei dello strudel e la cheesecake al cioccolato, la nostra specialità! Quando la si taglia è leggera come la spuma. Persino l’amministrazione comunale la sta ordinando!

– Non ho bisogno di nulla. Fanne parte a tua mamma, Mitja. – Tat’jana Michajlovna lasciò l’“Acquamarina”.

Percorse tre isolati, appoggiò il secchio sul marciapiede, si sistemò il fazzoletto.

I passerini sembravano frammentare i fili dell’elettricità in punti e linee. Perché mai voi, piccoli, vi mettete sotto la pioggia?

Già si vedevano, come dilavati dalle gocce, i nove piani del grigio palazzo dove abitava.

Domani ho sei ore. La sera, riunione con i genitori. Tanja, Tata, perché ti sei fermata? Tu sei la melodia... la melodia felice.

Отзыв о рассказе

Двух неполных дней из жизни Татьяны Михайловны, героини этого по-настоящему доброго рассказа, названного по ее сокращенному имени Тата, хватило автору, чтобы познакомить читателя с ее близкими, с коллегами по школе, где она учительствует, с забывающими ее учениками. Описание пути Татьяны Михайловны, нагруженной плодами дачного урожая, от дачи к дому, представляет собой череду эпизодов, искусному монтажу которых с их колоритными флэшбэками, позавидует иной кинорежиссер. За плечами Надежды Лаевской успешное участие в литературных конкурсах, публикации рассказов в журналах, и «Тата» – новый шаг автора к вершинам литературного мастерства.

Евгений Солонович

Nota critica

Quasi due giorni interi della vita di Tat'jana Michajlovna, protagonista di questo racconto dalla delicatezza profonda, il cui titolo è mutuato dal diminutivo del suo nome, Tata, sono bastati all'autrice per farne conoscere al lettore i familiari, i colleghi della scuola dove insegna e gli alunni che ne conservano ancora il ricordo. La descrizione del cammino che Tat'jana Michajlovna, insieme al carico del raccolto, compie dalla dacia fino a casa, è rappresentata da una serie di episodi con intensi flashback così magistralmente montati, da fare invidia ad un regista. Per Nadežda Laevskaja, che ha alle spalle il successo di concorsi letterari e la pubblicazione di racconti in rivista, Tata è un nuovo passo verso le vette dell'eccellenza letteraria.

Evgenij Solonovič

Биография

Надежда Лаевская живет в Екатеринбурге. Окончила фармацевтический факультет Уральской государственной медицинской академии. В 2014 г. поступила в Екатеринбургский театральный институт на специальность «литературное творчество». Победитель литературного конкурса молодых авторов «Кто я?», Всероссийского открытого литературного конкурса «Вернись на родину, душа!», третьего конкурса для молодых драматургов, театроведов и театральных критиков «Слово и действие». Публиковалась в журналах.

Biografia

Nadežda Laevskaja vive a Ekaterinburg. Si è laureata in Farmacia presso l'Accademia Statale di Medicina degli Urali; nel 2014 si è iscritta all'Istituto Teatrale di Ekaterinburg per specializzarsi in scrittura creativa. Vincitrice del concorso letterario per giovani autori «Chi sono io?», del concorso letterario panrusso «Torna in Patria, anima!», della terza edizione del concorso per giovani drammaturghi, direttori e critici teatrali «Parola e azione». I suoi lavori sono stati pubblicati su varie riviste.

Артеми́й Леонтьев

Перевод на итальянский язык Джулии Соррентино

Artemij Leont'ev

Traduzione in italiano di Giulia Sorrentino

Я ТВОЯ МАМА

Дом стоял у пыльной дороги, со стороны казалось: вышел к ней, чтобы встретить кого-то, и все стоит теперь – не дождется, нетерпеливо вглядываясь в припорошенную пылью линию горизонта. Сама же дорога напоминала молчаливую степенную реку. Анастасия и Игорь Душины жили в этой простой неказистой обители уже лет двадцать, с самой еще свадьбы. Обрасти детьми не удалось, возможно, именно поэтому в очертаниях бревенчатого одноэтажного строения было столько томительного ожидания. Раскидав все по хозяйству, Настасья обычно садилась у окна и поглаживала пустой нерожаль живот: тянула руку к своему прохладному животу, как тянутся обычно к засохшей коросте, чтобы расковырять ее, или облизывают пустую лунку свежесорванного зуба. Внимательно следила за проходившими мимо школьниками: с утра, когда они сонные ковыляли на учебу и смешно зевали, похожие на котят, а потом вечером возвращались, взъерошенные очередным днем своей жизни. При виде детей Настя переставала гладить живот, по лицу расплзались веселые морщины. Когда школьники залезали к ним в сад и наклоняли крайнюю яблоню у самого забора, Душина наблюдала и радовалась, что они хрустят именно ее яблоками: близкое ощущение, наверное, испытывает мать, когда младенец ерзает на руках и лезет под майку, высвобождая кормящую грудь.

Игорь занимался грузовыми перевозками. Уезжал, бывало, на целую неделю. Из одной такой поездки и привез Фирузу – молодую узбечку, смотревшую исподлобья. Сказал: теперь будет у них работать по хозяйству. Анастасия с удивлением оглядела восточную девушку, посмотрела на слишком уж старающегося не моргать мужа и опустила глаза. Зимой Фира жила вместе с хозяевами в доме, спала на кухонном топчане, а летом перебиралась в деревянную баню. Рядом стоял сарай, в котором раньше держали куриц и корову, но потом от скотины как-то отохотились, подъели постепенно и продали. Сарай до сих пор полнился теплым животным духом, хотя и сильно потускневшим. Игорь снова купил корову и куриц, а Настасья постепенно свыклась с новой работницей. Тот почти угасающий запах

SONO LA TUA MAMMA

Da fuori sembrava che la casa fosse ferma in attesa. Era uscita sulla strada polverosa per incontrare qualcuno, e adesso era ancora lì che aspettava invano, scrutando con impazienza la linea dell'orizzonte ricoperta di polvere. La strada stessa ricordava un fiume sostenuto e taciturno. Anastasija e Igor' Dušin vivevano in quell'abitazione sgraziata e senza pretese sin dalle nozze, avvenute ormai venti anni prima. Non ebbero la fortuna di circondarsi di figli e forse era proprio per quello che sulla sagoma della costruzione di tronchi a un solo piano pesava un senso di attesa così opprimente. Una volta sbrigate tutte le faccende di casa, Anastasija di solito si metteva seduta alla finestra e si accarezzava di tanto in tanto il ventre vuoto che non dava frutto: allungava la mano verso quel ventre freddo come si fa con una crosta secca per grattarla via, o come ci si lecca la cavità di un dente appena estratto. Non si perdeva una mossa degli scolari che passavano lì davanti: alla mattina, quando arrancavano sonnacchiosi verso la scuola sbadigliando in modo buffo, simili a tanti piccoli micini, e alla sera, quando tornavano arruffati dall'ennesimo giorno di vita. Alla vista dei bambini Nastja smetteva di accarezzarsi la pancia e il suo viso si disseminava di rughe allegre. Quando gli scolari scalcavano lo steccato del suo giardino e inclinavano il melo più esterno, osservarli sgranocchiare proprio le sue mele la riempiva di gioia: doveva essere una sensazione simile a quella che prova una madre quando il figlioletto si dimena tra le sue braccia e le si infila sotto la canottiera, liberando il seno gonfio di latte.

Igor' faceva il camionista. Capitava che stesse via per una settimana intera. Da uno di questi viaggi non tornò solo: portò con sé Firuza, una giovane uzbeka dallo sguardo torvo. Disse che da quel momento li avrebbe aiutati con le faccende di casa. Anastasija fissò con stupore la ragazza dai tratti orientali, poi guardò il marito, che si dava un gran da fare per sostenere il suo sguardo, e infine abbassò gli occhi. D'inverno Fira viveva in casa con i padroni, dormiva su una panca allestita in cucina, invece d'estate veniva trasferita nella banja di legno di fianco al capanno dove prima tenevano la mucca e le galline. Per qualche motivo poi a entrambi era passata la voglia di avere bestie, e a poco a poco se ne erano disfatti mangiandole o vendendole. Il capanno era

животины, которым раньше тускло веяло из пустого сарая, снова налился обильными соками, густыми и жирными испарениями, стал концентрированным и горячим, как терпкий наваристый суп. Теперь у хозяйки едва оставалось время на подозрения и ревность.

С закатом солнца Душина ревниво прислушивалась к затихшему дому, к сопящему рядом с ней мужу, выжидая, когда он встанет и попытается прокрасться к Фирузе, но Игорь спал глубоко и прочно, а продежурился несколько ночей, так и не дождавшись измены, измотанная за день Настасья стала проваливаться в сон, стоило едва коснуться подушки лицом. Убедившись в верности Игоря, устыдилась своих косых взглядов, какими хлестала первое время ни в чем не повинную Фиру. Хозяйка стала даже по-своему баловать ее, пытаясь подсознательно через это оправдаться: то бусы ей подарит, то платок или юбку.

Вскоре все-таки проснулась в пустой постели: нервно вырвалась из сна, жадно заглатывая воздух – приснилось, что горит дом, комнаты полны пламенем, а сама она задыхается от гари. Душина дернулась и поднялась с кровати, накинула поверх ночной рубашки халат. Вышла в жаркие, пахучие сени, похожие на разопретый предбанник: маленькое квадратное помещение, заставленное сапогами, завешенное бушлатами и куртками было настолько густо наполнено запахом пота и снedyю, душком старых, уставших от человека вещей, что воздух в сенях напоминал сивуху или уксусный рассол. Настя переобулась в резиновые сапоги и шагнула в прохладную ночь.

Еще в помещении привыкшие к темноте глаза, смотрели теперь по-кошачьи остро. Частое женское дыхание со стороны бани различила сразу, как вышла: эти вздохи ошпаривали. Настя остановилась у наваленных на стенку дров, рядом с которыми блестело маленькое прямоугольное окошко. Лунный свет плескался в нем, отливал вольфрамом и слоновой костью. Сиплый и влажный всполох двух трущихся друг о друга тел окружал баню громким сальным шепотом и эхом, от бани исходил жар, словно она была крепко запарена, и самый воздух вокруг, казалось, твердел и запекался поспевающим тестом. Заглянула внутрь: на дне окна боролись два обнаженных тела, они с силой сдавливали друг друга, терзали и ощупывали, словно пытались запомнить вслепую и наощупь, жадными руками голодного человека хватили друг друга, как горячий печеный картофель, обжигаясь об него и от-

ancora pervaso dal tiepido odore degli animali, seppur molto offuscato rispetto a un tempo. Igor' ricomprò una mucca e delle galline e Anastasija a poco a poco si abituò alla presenza della nuova domestica. Quell'odore di animale non del tutto affievolito, che prima spirava sbiadito dal capanno vuoto, si impregnò di nuova linfa, di dense e grasse esalazioni, fino a diventare concentrato e caldo, come una zuppa consistente e aspra. Adesso alla padrona rimaneva ben poco tempo per sospettare del marito e ingelosirsi.

Solo al calar del sole la Dušina, presa dalla gelosia, si metteva in ascolto della casa ora quieta e del respiro pesante del marito addormentato al suo fianco, in attesa di vederlo alzarsi per andare di soppiatto da Firuza, ma Igor' dormiva di un sonno statico e profondo. Così, dopo aver vegliato per alcune notti senza che si verificassero tradimenti, esausta per le fatiche giornaliere, Anastasija aveva cominciato a crollare dal sonno non appena sfiorava il cuscino con il viso. Convintasi della fedeltà di Igor', la padrona di casa si vergognò degli sguardi malevoli con cui fustigava l'innocente Fira nel primo periodo. Cominciò persino a viziare a modo suo, cercando inconsciamente di discolparsi regalando un giorno una collanina, un altro uno scialle o una gonna.

Presto però si risvegliò nel letto vuoto: di scatto riemerse da un incubo, boccheggiando avida d'aria. Nel sogno la casa stava bruciando, le stanze erano avvolte dalle fiamme e lei stava soffocando per il fumo. Si scosse, si alzò dal letto e si gettò una vestaglia sopra la camicia da notte. Raggiunse l'ingresso, torrido e afoso come l'anticamera di una banja: l'aria di quel piccolo ambiente quadrato, ingombro di stivali, giacconi militari e giubbotti, era così intensamente intrisa di odore di sudore, di roba da mangiare, di vecchie cose marce e stanche degli uomini, da ricordare alcol scadente o salamoia d'aceto. Nastja si infilò gli stivali da pioggia e si incamminò fuori nella notte fresca.

I suoi occhi, che si erano già abituati all'oscurità all'interno, adesso erano affilati come quelli di un felino. Non appena uscì distinse un respiro femminile affannato provenire dal lato della banja: quei sospiri erano una doccia di acqua bollente. Nastja si fermò a fianco alla legna ammucchiata contro la parete, dove riluceva una finestrella rettangolare. La luce della luna ci sbatteva contro creando dei riflessi color tungsteno e avorio. Il sibilante e umido bagliore dei due corpi che si strusciavano l'uno contro l'altro circondava la banja di un'eco potente e di sussurri osce-

дергивая пальцы, но не в силах оторваться, потом резко замерли и повернули к Насте свои темные лица – сразу стали походить на замурованных в куске янтаря насекомых. Душина с усилием отвела взгляд, как с гвоздя его сорвала, и ушла в сторону дома.

В эту ночь Игорь не вернулся в супружескую постель. Баня растерянно затихла. Рано утром хозяйка проснулась от шума захлопнувшейся двери грузовика и заведенного двигателя: самого мужа не видела – только задние колеса и борт машины. Сразу вскочила с кровати, умылась, оделась и вышла на улицу, чтобы приступить к своим обычным домашним делам, но куда бы ни подходила, все уже было сделано: в бочке для полива начерпана вода, грядки влажные и прибранные, саженцы подвязаны, дрова уложены возле печи, двор подметен, в сарае собран навоз, да и кормушки полные. Когда столкнулись во дворе лицом к лицу, Фира виновато поджала к себе руки, обхватив грудь, смотрела на носки резиновых сапог Насти, не в силах поднять взгляда. Долго молчали, не шевелились, пытались преодолеть дискомфорт присутствия человека, который с сегодняшней ночи много больше и дальше, чем просто чужой.

Настя хотела хлестнуть ее по щеке, но даже не смогла поднять руку – казалось, тело стало грузным и неповоротливым, слепленным не по размеру, слишком большим.

– *Я сама виновата! Пустота нашего дома, моя женская пустота!* – подумала Настя и ушла. Узбечка смотрела вслед, в ее глазах появилась нотка презрения. Фируза увидела: хозяйка хотела ударить, но не ударила, а значит испугалась. Восприняла поведение Анастасии как проявление слабости.

После первой встречи Фира осмелела: до этого все утро где-то пропадала, боялась упасть на глаза, теперь спокойно вошла в дом, стала греметь кастрюлями и разогревать себе еду. Обычно не брала продуктов хозяев, во избежание попреков ела только то, что покупала сама, но сейчас намеренно взяла из половины Душиных. После завтрака Фира незаметно надела единственную дорогую вещь из гардероба хозяйки – ее плащ, а потом исчезла из дома. Этот приталенный французский плащ Анастасия очень берегла, его подарил супруг сразу после свадьбы, едва ли не на последние деньги выторговав у фарцовщиков Ленинграда, куда они ездили на медовый месяц. Плащ ассоциировался у Насти с собствен-

ni, il forte calore che ne usciva dava l'idea che fosse stata riscaldata così tanto da solidificare l'aria intorno e cuocerla come un impasto lievitato. Diede un'occhiata all'interno: in fondo alla finestra c'erano due corpi nudi che lottavano, si stringevano con forza, si palpavano e tormentavano, cercando di ricordarsi dell'altro a tentoni nel buio. Si afferravano con le mani bramosi di cibo di un affamato – come quando ci si scotta con una patata bollente e si prova a ritirare le dita di scatto, ma non si hanno le forze per staccarsi – poi all'improvviso si bloccarono e voltarono verso Nastja le loro facce scure, simili a insetti intrappolati in una goccia d'ambra. La Dušina distolse lo sguardo a forza, come se lo strappasse da un chiodo, e andò verso casa.

Quella notte Igor' non fece ritorno al letto coniugale. La banja si quietò con aria smarrita. La mattina presto la padrona venne svegliata dalla portiera del camion che sbatteva e dal motore che si accendeva: vide solo il cassone e le ruote posteriori del mezzo, ma non il marito. Balzò subito giù dal letto, si diede una sciacquata, si vestì e uscì di casa per iniziare a sbrigare le sue solite faccende, ma ovunque andasse tutto era già stato fatto: il serbatoio per l'irrigazione riempito d'acqua, l'orto innaffiato e messo in ordine, le nuove piantine legate ai sostegni, la legna sistemata accanto alla stufa, il cortile spazzato, lo sterco raccolto nel capanno, persino le mangiatoie erano già state rifornite. Quando s'incrociarono faccia a faccia nel cortile, Fira, colpevole, si strinse le mani al petto guardando le punte degli stivali da pioggia di Nastja, senza il coraggio di alzare lo sguardo. Stettero a lungo in silenzio, senza muoversi, cercando di vincere il disagio provocato dalla presenza dell'altra, che dalla notte precedente era diventata qualcosa di molto di più di una semplice estranea.

Nastja avrebbe voluto tirarle uno schiaffo, ma non riuscì neanche a sollevare il braccio – il suo corpo sembrava diventato pesante e goffo, modellato male, di una taglia più grande della sua. – La colpa è mia! La nostra casa è vuota, il mio ventre è vuoto! – pensò Nastja, e se ne andò. Firuza la seguì con lo sguardo, nei suoi occhi apparve una leggera nota di disprezzo. L'uzbeka aveva capito che la padrona voleva colpirla, ma non lo aveva fatto: significava che si era spaventata. Interpretò il comportamento di Anastasija come una forma di debolezza.

Dopo quel primo incontro, Fira osò di più: prima si eclissava per tutta la mattina, aveva paura di farsi vedere, invece adesso con tranquillità entrò in casa, si mise ad armeggiare con le pentole

ной молодостью и счастьем. Свадебное платье они брали тогда у знакомых, этой женской реликвии она не имела – рядилась тогда в шкуру чужого торжества, заемной радости с фатой, которую пришлось вернуть подруге на четвертый день после похода в ЗАГС, так карета превращается в тыкву – да и на фотографа тогда не нашлось денег, и нельзя было сейчас полистать свадебный альбом, нельзя было достать из шкафа тщательно завернутые и прибранные кружева, оборки и рюши, выцветшие и смешные теперь, напоминающие моль – ничего этого не было, один только плащ.

Узбечка вернулась под вечер, вместе с Игорем. Вечернюю тишину взбудоражили бормотание и дребезг грузовика, затем визгливо скрипнули рессоры. Стоявшая у окна Настя увидела, как молодая симпатичная Фира идет рядом с ее мужем: расправив плечи, смотрит с вызовом, в ее любимом плаще, который был узбечке к лицу точно так же, как когда-то, еще десять лет назад был к лицу самой Насти, пока фигура не стала крупнеть и округляться с возрастом, словно ствол дерева обрастать годовыми кольцами. Хозяйка вдруг с ужасом поняла: её плащ и её мужчина гораздо больше к лицу Фирузе, чем ей самой.

Когда дверь открылась, она стояла перед ними, словно пыталась заслонить дом, ее лицо, да и пристальный взгляд заставили отстраниться от входа, отпрянуть, как будто в руках у Настасьи было оружие. Игорь почувствовал: не она теряет его, как решил для себя с утра, понял, что сам безвозвратно утрачивает эту женщину. Настя молча забрала у Фиры плащ и ушла в комнату: отвернулась не потому, что не хотелось кричать, просто чувствовала: *если скажу хоть слово, разрыдаюсь.*

Стемнело. Настя закончила с домашними делами, умылась и легла в постель. Супруг долго слонялся у дома, курил в саду, сплевывал и шаркал, снова и снова ополаскивал окно своей тенью. Наконец, в сенях рассыпалась мелкая горсть его шагов, еще один скрип двери, и Игорь шагнул в комнату. Настя притворилась спящей. Супруг несколько выждал, потом стал освобождать свое горячее нервное тело от одежды. Осторожно улегся рядом, не задевая ее кожи, казалось, ложился не в постель, а в горячую воду.

Фира теряла аппетит, потом стала есть за двоих, часто и громко жевала, разрывая пищу своими маленькими хищными зубами. Хозяйка посмотрела на девушку изменившимся

e a scaldarsi qualcosa da mangiare. Di solito non prendeva i viveri dei padroni, a scampo di rimbrotti mangiava solo quello che si comprava da sé, ma adesso di proposito si servì dal lato dei Dušin. Dopo colazione, senza farsi notare, indossò l'unico indumento costoso del guardaroba della padrona – il suo trench – dopodiché si dileguò da casa. Anastasija custodiva gelosamente quel trench francese attillato in vita che il marito le aveva regalato subito dopo il matrimonio – in pratica se lo era procurato con gli ultimi soldi rimasti al mercato nero di Leningrado, dov'erano andati in luna di miele. Nastja associava quel trench alla sua felicità e giovinezza. L'abito da sposa se lo erano fatto prestare da conoscenti, quel cimelio femminile lei non lo possedeva: si era agghindata con panni non suoi, con il velo e la gioia presi in prestito da un'altra festa, che le toccò restituire all'amica quattro giorni dopo la visita all'ufficio matrimoni – così la carrozza si trasforma in zucca – e anche per il fotografo non avevano trovato soldi, e ora non c'era nessun album di matrimonio da sfogliare, né merletti, balze e ruches incartati e messi via con cura da estrarre dall'armadio, ormai più simili a una tarma, da quanto scoloriti e ridicoli. Non c'era niente di tutto questo, solo il trench.

L'uzbeka ritornò verso sera in compagnia di Igor'. La quiete serale venne interrotta dal brontolio e dal fragore del camion e poi dal cigolio stridulo delle sospensioni a balestra. Nastja dalla finestra vide arrivare la giovane e bella Fira a fianco del marito: avanzava con il petto gonfio e uno sguardo di sfida, indossando il suo amato trench che le donava esattamente quanto donava a lei ben dieci anni prima, quando il suo corpo non si era ancora ingrossato e arrotondato per l'età, come un tronco d'albero accumula anelli con il passare degli anni. La padrona inorridì nel capire all'improvviso che il "suo" trench e il "suo" uomo donavano di gran lunga di più a Firuza che a lei stessa.

Quando aprirono la porta la trovarono ritta davanti a loro, sembrava cercasse di sbarrare l'ingresso con il suo corpo. Il suo sguardo fisso li costrinse a indietreggiare, come se gli puntasse contro un'arma. Igor' capì che non sarebbe stata lei a perderlo, come si era detto quella mattina, ma che era lui che stava perdendo per sempre quella donna. Nastja, senza dire una parola, tolse il trench a Fira e se ne andò in camera: voltò loro le spalle non perché non volesse gridare, ma perché lo sentiva: se dico solo una parola, scoppio in singhiozzi.

взглядом, побледнела и чуть осела, уронив руки – Фира ответила насмешливым прищуром, в ее лице отчетливо вызрело чувство превосходства и теперь уже нескрываемое презрение. Настасья вышла с кухни и отправилась к постели Фирузы. В предбаннике появился новый запах, он стал более резким и телесным, Анастасия обнюхивала комнату, как таможенная овчарка, тыкалась носом в этот отяжелевший, чуть прокисший запах жирного молока и яичного белка, секрети, начала перетряхивать корзину с грязным нижним бельем, сама, толком, не зная, что пытается найти. В предбанник ворвалась Фируза, с шипением накинулась на хозяйку, схватила за ворот и толкнула: с обеих сторон посыпались пощечины, Настя хотела пнуть ногой в живот, но одернула себя – подумала о ребенке, узбечка стала душисть ее – в эту минуту в предбанник вбежал Игорь, начал растаскивать.

Игорь перенес вещи Фирузы в дом: изба была однокомнатной, поэтому Настя уступила постель беременной, а сама перебралась на кухонный тапчан. Несколько ночей спала там, но теперь, когда вся работа навалилась на нее одну, едва успевала по хозяйству, заканчивала затемно, поэтому перебралась в предбанник, стараясь оградить рано засыпавшую Фиру от лишнего шума. Душина заходила в дом только днем: заправить постель и прибраться, приготовить еды – избегала появляться без повода, почти всегда натыкалась на жесткий и колючий взгляд Фирузы. Роды прошли легко, младенец издал в доме свой первый крик, вторгся в мир его запахов и звуков. Фира назвала малыша Юсуфом. Глядя на ребенка, Настя радовалась, будто он был ее. Единственное, о чем мечтала – приласкать, но Фира никогда не давала, поэтому Настя любовалась крохой с другого конца комнаты, пока узбечка пеленала, кормила и купала. Игорь пропадал целыми днями, чтобы больше зарабатывать. Через год Фира помирилась с родителями, которые ей позвонили и потребовали вернуться в Узбекистан: по обрывкам разговора Настя поняла, родители простили ей связь с женатым узбеком, нашли достойного жениха и предлагают стереть позор.

В одно раннее субботнее утро Настя вошла в избу: увидела в детской кроватке спящего Юсуфа и взлохмаченную постель большой кровати, как-то в раз опустевшую комнату, в которой исчезли все вещи Фирузы. Игорь был на заработках. Из шкафа с ценными веща-

Fece buio. Nastja finì le faccende di casa, si diede una sciacquata e andò a letto. Il consorte gironzolò a lungo fuori casa, fumando, sputacchiando e strascicando i piedi per il giardino. La sua ombra lambì la finestra più e più volte. Infine nell'ingresso si sparse una fitta manciata di passi, la porta scricchiolò, e Igor' mise piede in camera. Nastja si finse addormentata. Il consorte attese un po', dopo cominciò a liberare dai vestiti il suo corpo teso e surriscaldato. Si sdraiò con cautela al suo fianco, senza sfiorarne la pelle. Sembrava di immergersi in una vasca d'acqua bollente.

Fira passò dal non avere appetito a mangiare per due, masticando in fretta e rumorosamente. Un giorno la padrona, nel vederla squarciare il cibo con quei denti piccoli e rapaci, cambiò espressione, impallidì lasciando cadere le braccia, e quasi non si accasciò. Fira per tutta risposta le lanciò un'occhiata beffarda, sul suo viso maturò un evidente senso di superiorità e di non più celato disprezzo. Anastasija uscì dalla cucina diretta verso il letto di Firuza. Nell'anticamera della banja era comparso un nuovo odore, sempre più penetrante e corporeo. Anastasija annusava ogni angolo della stanza come un cane lupo della dogana, si riempiva il naso di quell'odore pesante e un po' acido di latte intero, albume e secrezioni. Cominciò a rovistare nel cestino della biancheria sporca senza neanche sapere bene cosa stesse cercando. Nella stanza irruppe Firuza, che con un sibilo si scagliò contro la padrona, la afferrò per il bavero e le diede una spinta: da entrambe le parti volarono schiaffi, Nastja voleva darle un calcio nella pancia, ma si trattenne pensando al bambino, al che l'uzbeka la prese per la gola. In quel momento entrò di corsa Igor', che si mise a separarle.

Poi Igor' portò in casa le cose di Firuza: nell'izba c'era una camera sola, perciò Nastja cedette il letto alla gestante e si trasferì sulla panca in cucina. Ci dormì sopra per qualche notte, ma poi, ora che tutte le faccende domestiche pesavano solo su di lei, faceva a malapena in tempo a finirle e terminava che era già buio; perciò si trasferì nell'anticamera della banja, in modo che Fira, che andava a letto presto, non venisse disturbata dall'eccessivo rumore. La Dušina entrava in casa solo di giorno: per rifare il letto, preparare i pasti, fare le pulizie. Evitava di comparire senza motivo e quando lo faceva si imbatteva quasi sempre nello sguardo duro e pungente di Firuza. Il parto avvenne senza complicazioni, il bimbo emise il suo primo vagito e irruppe nel

ми пропали все деньги, словно Фира по какой-то одной ей ведомой сделке забрала их в обмен на оставленного ребенка. Настасья подошла к детской кроватке, заглянула в нее своими тихим радостным взглядом и не удержалась: хотя малыш ещё спал, впервые взяла уже покрупневшего мальчика на руки. Ребёнок проснулся, но не заплакал, он прижался к Насте и обнял, кутаясь в ее женское грудное тепло: зевающий, сонный и умиротворенный. Все только потягивался и дергал ножками.

– Я твоя мама, — сказала Настя.

Вечером вернулся муж. Когда все узнал, сильно нахмурился, но поглядев на счастливую жену, отошел – щетинистое лицо прояснилось, глаза потеплели. Они решили назвать мальчика Олегом.

mondo degli odori e dei suoni della casa. Fira lo chiamò Yusuf. Guardando il bambino, Nastja provava gioia come se fosse suo. Avrebbe solo voluto accarezzarlo, ma Fira non glielo permetteva mai, così Nastja ammirava il piccino dall'altro lato della stanza, mentre l'uzbeka lo fasciava, allattava o gli faceva il bagno. Igor' scompariva per giorni interi per guadagnare di più. Dopo un anno Fira si rappacificò con i genitori, che le telefonarono e la reclamarono in Uzbekistan: da alcuni stralci dei loro discorsi, Nastja capì che le avevano perdonato la relazione con un uzbeko sposato, le avevano trovato un buon partito e le proponevano un matrimonio riparatore. Un sabato mattina presto Nastja entrò nell'izba: trovò Yusuf addormentato nel lettino e il letto matrimoniale rivoltato. Chissà come, la camera si era svuotata di colpo e tutte le cose di Firuza erano sparite. Igor' era fuori per lavoro. Dall'armadio dov'erano nascoste le cose di valore erano spariti tutti i soldi, come se Fira li avesse presi in cambio del bambino, secondo le condizioni di un patto noto solo a lei. Anastasija si avvicinò al lettino, ci allungò dentro il suo sguardo gioioso e calmo e non riuscì a trattenersi: anche se il piccolo stava ancora dormendo, lo prese in braccio per la prima volta. Il bambino, che s'era già fatto grande, si svegliò, ma non scoppiò a piangere, si strinse a Nastja e la abbracciò, rimanendo avvolto dal calore dei suoi seni: sbadigliava, assennato e sereno. Si sgranchiva solo un po' e dimenava le gambette.

– Sono la tua mamma, – disse Nastja.

Il marito tornò alla sera. Quando venne a sapere tutto si incupì molto, ma dopo aver visto la moglie felice si rasserenò: il suo viso ispido si distese, gli occhi si addolcirono. Decisero di chiamare il bambino Oleg.

Отзыв о рассказе

Несмотря на молодость, автор рецензируемого рассказа обладает большим жизненным и литературным опытом. Он имеет два высших образования и поработал в разных профессиях. Окончил Высшие Литературные курсы при Литературном институте, является членом Союза писателей Москвы, публиковался в авторитетных литературных журналах. Накопленный опыт, несомненно, сказался и в рецензируемой работе.

Автору удается проявить свое мастерство в одном из самых сложных для любого писателя жанров короткого рассказа, когда через эстетический минимализм, искусный подбор нужных слов и деталей создается текст с глубоким подтекстом.

Потенциальная эстетическая емкость жанра практически реализуется рассказчиком и на лексическом, и на стилистическом, и на композиционных уровнях. Проживание супругов Анастасия и Игоря Душиных в доме у «пыльной дороги» представлено в начале, как на ладони, в самом общем виде. И лишь необычные тревожные ощущения и «веселые морщины» на лице Насти при виде проходящих по улице детей намекают на драму неосуществленного материнства как принципиального начала женской природы.

И когда через двадцать лет Игорь приводит в дом из очередной командировки другую женщину, родившую ему ребенка, в качестве домработницы и любовницы, разворачивается драма столкновения двух женских характеров с широким спектром индивидуальных душевных переживаний и психологических оттенков.

Но автору важно было подчеркнуть возможность расширения «припорошенной пылью» линии горизонта, способность обитателей «дома у дороги» принять брошенного сбежавшей «гостьей» младенца в свою семью. Им удается обнаружить в своем сердце такой духовный поворот, в котором вместо ожидаемого выяснения отношений, враждебной мстительности и озлобленности неожиданно возобладали сила любви и сострадания, терпения и прощения. И рассказчик дает простор читательскому воображению, чтобы задуматься над тем, насколько останется действенной эта сила после первого душевного порыва и как может в последующем сложиться жизнь его персонажей.

Борис Тарасов

Nota critica

Nonostante la giovane età, l'autore di questo racconto possiede un grande bagaglio di esperienze di vita e dimestichezza con la letteratura. Ha conseguito due lauree e ha lavorato in diversi campi. Ha concluso i corsi superiori dell'Istituto letterario A.M. Gor'kij, è membro dell'Associazione degli scrittori moscovita, ha pubblicato su autorevoli riviste letterarie. Senza dubbio l'esperienza accumulata emerge anche in questo lavoro.

L'autore riesce a dar prova della sua maestria in uno dei generi più difficili per qualsiasi scrittore, il racconto breve, creando attraverso il minimalismo estetico un'abile scelta delle parole necessarie e dei particolari in un'opera con un profondo sottotesto.

Le potenzialità estetiche del genere si realizzano nella pratica sia sul piano narrativo, lessicale, stilistico e compositivo. La convivenza dei coniugi Anastasija e Igor' Dušin nella casa «sulla strada polverosa», che l'autore ci mostra all'inizio come racchiusa sul palmo di una mano, all'apparenza è delle più comuni. Solo una sensazione insolita di inquietudine e le rughe allegre sul viso di Nastja alla vista dei bambini che passano per strada alludono al dramma della maternità non realizzata come principio base della natura femminile.

E quando vent'anni dopo Igor' porta a casa dall'ennesimo viaggio di lavoro un'altra donna, che gli dà un figlio, giocando il ruolo di domestica e amante, si dipana il dramma dato dallo scontro tra due personaggi femminili con un ampio spettro di emozioni interiori e sfumature psicologiche.

Per l'autore era importante mettere in rilievo la possibilità di espansione della linea dell'orizzonte «ricoperta di polvere», la capacità degli abitanti della «casa in attesa» di accogliere nella loro famiglia il bambino abbandonato dall'ospite fuggita a gambe levate. Nei loro cuori si manifesta una svolta spirituale tale da far sì che, al posto dell'atteso chiarimento della natura dei loro rapporti, di un'ostile vendetta e della cattiveria, inaspettatamente prenda il sopravvento la forza dell'amore e della compassione, della pazienza e del perdono. E il narratore dà spazio all'immaginazione del lettore, per farlo riflettere su quanto questa forza potrà rimanere in vita dopo il primo slancio e su come potranno evolversi in seguito le vite dei suoi personaggi.

Boris Tarasov

Биография

Артеми́й Леонтьев родился в 1991 г. в военном городке на окраине Екатеринбурга. Окончил Уральский федеральный университет, а также Институт военно-технического образования и безопасности. В 2013 г. переехал в Москву. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Многократный участник Форумов молодых писателей «Липки». Публиковался в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Сноб», «Москвич MAG». В 2020 г. Storytel выпустил аудиосериал по его дебютному роману «Варшава, Элохим!» Лауреат премии «Звёздный билет» и Премии имени Фазиля Искандера. Член Союза писателей Москвы. Входил в лонг листы премий «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер», «Премии Аркадия и Бориса Стругацких», премии «Дебют».

Biografia

Artemij Leont'ev è nato nel 1991 in una città militare nei pressi di Ekaterinburg. Ha concluso gli studi presso l'Università federale degli Urali e anche presso l'Istituto di formazione tecnico-militare e sicurezza. Nel 2013 si è trasferito a Mosca. Lì ha concluso i corsi superiori dell'Istituto letterario A.M. Gor'kij. Ha partecipato diverse volte al Forum dei giovani scrittori Lipki. Ha pubblicato sulle riviste «Oktjabr'», «Družba narodov», «Snob», «Moskvič MAG». Nel 2020 Storytel ha lanciato un podcast basato sul suo romanzo di esordio *Varšava, Elochim!*. Vincitore del premio “Zvezdnyj bilet” e del premio intitolato a Fazil' Iskander. È membro dell'Associazione degli scrittori moscovita. È stato incluso nella long list dei premi Jasnaja Poljana, Nacional'nyj bestseller, Arkadij e Boris Strugackij, Debjut.

Мария Рыбальченко

Перевод на итальянский язык Ребекки Джильи

Marija Rybaľ'čenko

Traduzione in italiano di Rebecca Gigli

МОНОЛОГ ЕЛЕНА ПАВЛОВНЫ

Ну, здравствуй.

Видишь, я все-таки пришла. Без цветов. Уж прости, не успела заехать. Там пробки, а еще домой нужно успеть. Можешь уже начинать бурчать, что я недотепа. Бурчи, я больше не слышу. Только знаешь, я ведь пришла сказать тебе, что ты больше не можешь на меня бурчать, как на маму. Я все сделала. Это уже не я виновата, что ты не дождался. Вечно спешил куда-то. Доспешился. Время все равно всех обгонит. Света вон уже в школе. Представляешь, скоро с меня ростом будет. Ты только вчера обругивал меня за свадьбу, а тут уже все. И надо было тебе быть таким злым. Все ворчал и ворчал. Никак не мог успокоиться. «Какая свадьба, ты еще не защитилась. Пойдешь как все бабы». Твое любимое – «бабы». Маму так и передергивало. Она-то ведь была самой настоящей бабой, да? Готовила для тебя, стира-ла, каждый день полы драила в твоём кабинете. Не дай бог пыль будет, аллергия проснет-ся. У нее ведь тоже была аллергия. На цветы. Поэтому их никогда и не было в нашем доме. Она так и объясняла. Смешно, да? А я ж поверила. Помню, тогда тетя Люда и тетя Зина так переглянулись, а все думала, почему. Они-то знали. Они же были «бабами», да? И как ты это произносил. Так... так... даже лицо перекашивалось. Ты ведь боялся, что я вырасту та-кой же. Гонял меня по всем кружкам, лишь бы дома не сидела. «Учись, а то посудомойкой будешь. И замуж тебя никто не возьмет, сейчас все вон какие умные стали. Кто на такую позарится?» И при маме-то. А я... Ты помнишь, как я на тебя смотрела? Смотрела и кивала. Я даже с ней не разговаривала почти. Особенно когда ты был дома. Не дай бог подумаешь, что я хочу стать такой, как она. Обычной, недалекой, с потертым фартуком и волосами будто только из духовки. А ведь, знаешь, она всегда так тепло пахла. Только стоило ей меня обнять, я убегала. Боялась, ты почувствуешь. Что я как она. Пахну как она. И ты бу-дешь не любить меня, как ее. И когда она умирала, я даже за руку взять ее боялась – ты смотрел. А она молчала. Всегда молчала. Я и голоса-то ее не помню уже. Помню только, как однажды она вернулась позже тебя домой. Ну, тогда, после юбилея тети Люды. Она

IL MONOLOGO DI ELENA PAVLOVNA

Beh, ciao.

Vedi, sono venuta lo stesso. Senza fiori. Oh, scusa, non ce l'ho fatta a passare. Là c'è traffico e comunque devo fare in tempo a tornare a casa. Puoi già iniziare a brontolare che sono una stupida. Brontola, io non ascolto più. Sappi soltanto che, in effetti, sono venuta a dirti che non puoi più brontolarmi, come la mamma. Ho fatto tutto. Non è colpa mia se non hai aspettato. Avevi sempre fretta di andare da qualche parte. Ti sei sfinito. Il tempo, comunque, supererà tutti. Guarda, Sveta va già a scuola. Figurati, presto sarà alta come me. Tu soltanto ieri mi rimproveravi per il matrimonio e tutto qui. E dovevi essere così arrabbiato. Continuamente brontolavi e brontolavi. Non riuscivi a calmarti in nessun modo. «Che matrimonio e matrimonio, non hai ancora discusso la tesi. Diventerai come tutte le donne». La tua parola preferita: “donne”. La mamma sobbalzava. Infatti, lei era una vera donna, no? Cucinava per te, lavava, tutti i giorni lucidava il pavimento nel tuo ufficio. Dio non voglia che ci sia della polvere, si scatenerà la tua allergia. Anche lei aveva un'allergia. Ai fiori. Per questo non c'erano mai in casa nostra. Lei così lo spiegava. Buffo, vero? E io le avevo creduto. Ricordo, allora zia Ljuda e zia Zina si guardarono l'un l'altra e continuavo a pensare perché. Loro sapevano. Erano “donne” anche loro, giusto? E come lo pronunciavi. In quel modo... In quel modo... Persino il volto si distorceva. Infatti, tu temevi che anche io diventassi così. Mi portavi in tutti i circoli, purché non rimanessi a casa. «Studia, altrimenti diventerai una lavapiatti. E nessuno ti sposerà, adesso tutti là fuori sono diventati certi tipi intelligenti. Chi desidererà una così?». E davanti alla mamma. E io... Ti ricordi, come ti guardavo? Guardavo e annuivo. Addirittura, quasi non parlavo con lei. Soprattutto quando eri a casa. Dio non voglia che tu pensassi che io volessi diventare come lei. Un essere normale, di mentalità ristretta, con un grembiule trasandato e con dei capelli come appena usciti da un forno. Ma, sai, aveva sempre un profumo così caloroso. Per lei era sufficiente anche solo abbracciarmi, io scappavo. Avevo paura che te ne saresti accorto. Che io ero come lei. Profumo come lei. E temevo che tu non mi avresti amato, come lei. E quando stava

ведь говорила. Ты знал. Мог бы смолчать. Но нет, куда там. Она же вернулась вся раскрасневшаяся, счастливая, от нее даже пахло иначе. А ее улыбку помнишь? Да ты ведь даже не смотрел, просто вышел из кабинета и выключил. Все. И ее глаза, и ее дыхание. «Ты хочешь, чтобы Лена меня ужином кормила?» Ты всегда был такой грубый. У нее даже спина чуть сгорбилась. «Сейчас приготовлю». Всегда такая безропотная. «Не надо, теперь уже и есть не хочу». И твое «тьфу». Ты словно выплевывал ее. Из своей жизни, из этого мира. Она переоделась, повязала свой фартук и позвала меня. Тихо, почти робко. «Помоги с картошкой, а то отец всю ночь будет голодный маяться». А мне и жаль ее было, и страшно так. Я почти ее ненавидела. Неужели она не могла понять, что мне страшно? Неужели обязательно было заставлять меня бояться? Заставлять говорить это? Помнишь? А ты взял и зашел на кухню. И зачем, спрашивается? Я только глянула на тебя и выплонула: «Не могу, сама занимайся бабьей стряпней». И убежала. Потом я плакала. Но ты, конечно, не слышал. И она. Не слышала. Я ведь знала, что обидела ее. Знала. Я всю ночь думала о том, как ты уйдешь на работу, а я чуть припоздаю в школу и попрошу у нее прощения. А ты не ушел. Все сидел за столом и сидел, бурчал и бурчал, уткнувшись в газету. А потом посмотрел на часы, и так громко: «А ты чего еще здесь? Я что ли буду за тебя учиться?» И я убежала. Трусиха. А потом уже забылось, и она не вспоминала, и казалось, не говорила я ей ничего. Только, знаешь, она больше меня ни о чем не просила, даже когда тебя не было. Она все повторяла: «Учись, доченька. Я сама». Сама. До последнего. Она и про рак свой узнала последней. Когда уже ничего не оставалось. Или она скрывала. Теперь я даже думаю, что она просто не говорила нам. Да и зачем тебе было знать? Ты же опять сделал бы свое «тьфу» и ушел в кабинет. Я рада, что она хотя бы свадьбу мою увидела. Прежде чем... прежде чем уйти. Ты знаешь, а она ведь обрадовалась. По-настоящему. Это был наш первый секрет. За всю жизнь. Представляешь? Ты ведь не знал, а она случайно увидела нас вместе, целующимися в соседнем дворе. Мне было жуть как страшно рассказывать тебе, что я встретила его, и он зовет меня замуж. А она подошла ко мне и говорит: «Не бойся, приводи его, отец не съест». Ты и не съел, ты сожрал. «Переводчик, говоришь? Итальянский, значит... А, испанский, вы уж простите, нам старикам и своего довольно. Это все от того, что маются, места себе не нахо-

morendo, avevo persino paura di prenderle la mano: tu guardavi. Lei taceva. Sempre taceva. Io già non ricordo neppure la sua voce. Ricordo soltanto come una volta fosse tornata più tardi di te a casa. Beh, fu dopo la festa della zia Ljuda. Infatti, parlava. Tu sapevi. Avresti potuto tacere. Ma no, quando mai. Tornò tutta arrossita, felice, aveva persino un profumo diverso. Ma ricordi il suo sorriso? Sì, neanche guardavi, semplicemente uscisti dall'ufficio e spengesti la luce. Tutto qua. E i suoi occhi, e il suo respiro. «Volevi che Lena mi preparasse la cena?». Eri sempre così rude. Persino la schiena di lei si inarcò leggermente. «Adesso cucinerò». Lei sempre così docile. «Non c'è bisogno, adesso non ho più voglia di mangiare». E il tuo "Puah". Tu letteralmente la sputavi fuori. Dalla tua vita, da questo mondo. Lei si cambiò, si legò il suo grembiule e mi chiamò. Silenziosamente, quasi timidamente. «Aiutami con le patate, altrimenti tuo padre sarà affamato tutta la notte». Mi dispiaceva per lei e avevo anche paura. Quasi la odiavo. Davvero non riusciva a capire che avevo paura? Era davvero necessario farmi avere paura? Farmelo dire? Ricordi? Tutto a un tratto andasti in cucina. E perché, ci si chiede? Ti guardai soltanto e sputai fuori: «Non posso, occupati da sola della brodaglia da donna». E scappai. Dopo mi misi a piangere. Ma tu, certamente, non sentivi. E lei. Non sentiva. Infatti, sapevo che l'avevo offesa. Lo sapevo. Tutta la notte pensai come te ne saresti uscito per andare al lavoro, mentre io avrei fatto un po' tardi per andare a scuola e le avrei chiesto scusa. Tu, invece, non uscisti. Continuavi a stare seduto al tavolo e stavi seduto, brontolavi e brontolavi, sprofondato nel giornale. Poi, guardasti l'orologio e con una voce così alta: «E tu perché sei ancora qui? Imparerò io qualcosa per te?». E scappai. Codarda. Dopo fu tutto dimenticato e lei non ricordava. Sembrava che non le avessi mai detto niente. Sai, lei semplicemente non mi chiese più nulla, persino quando non c'eri. Ripeteva sempre: «Studia, figlia mia. Io faccio da sola». Sola. Fino alla fine. Fu l'ultima a sapere anche del suo tumore. Quando non c'era più niente da fare. Oppure lo aveva nascosto. Adesso penso persino che semplicemente non ce l'abbia detto. Sì, e perché tu avresti dovuto saperlo? Tu avresti fatto di nuovo un tuo "puah" e saresti andato nel tuo ufficio. Io sono contenta che abbia almeno visto il mio matrimonio. Prima di... prima di andarsene. Sai lei ne fu veramente felice. Davvero. Fu il nostro primo segreto. Per tutta la vita. Immagini? Infatti, tu non sapevi, ma lei per caso ci vide una volta insieme, che ci baciavamo nel cortile del vicino. Ero

дите. Работаешь? А наука твоя не научная, степень не дают?» У тебя же наука только одна была – медицина. Ты же у нас почтенный был, заслуженный, хирург от бога. Ты свои руки любил больше... Больше меня, мамы, что ты там вообще любил, кроме них? Хирург – то ты был каких поискать, да только в больницу побольше тебя так и не взяли. Я же знаю, что это сидело в тебе, выжигало просто. Ты даже ту больницу стороной обходил и дядю Степана больше никогда не звал к нам. Он был моложе тебя на год, ах нет, ты всегда говорил «младше», а преуспел больше, чем ты. Женился на дочери главврача и сам пошел в начальники. А ты так и остался в нашей районной. Только почему – то ему ты рассказывал не об этом, а все о своих степенях и благодарностях. «Что ваши языки? Тьфу. Нужно людям помогать! Вот оно что!» А когда он ушел, ты на меня как посмотрел и выцедил: «Вот и ты головой поехала, баба!» И даже без «тьфу», не достойна была, да? А я ведь и правда тогда сама не своя была. Влюбилась. Думала, выросла, и казалось, не прав ты. Ведь и нашелся тот, кто вздумал взять меня замуж и любил даже. Думала, успею все. И замуж, и не бабой. Я даже твою истерику перетерпела, когда вместо хирургии ушла в психиатрию. Как ты кричал, пенился, океан, а не почтенный доктор! Да еще и замуж выскочила. Взяла и выскочила. Ты ж на свадьбу пришел, только чтобы не судачили. А помнишь наш уговор? Я психиатром, но непременно доктором наук. Это ты все сердился и причитал, что я, баба, зубы тебе заговариваю, а ведь нет. Я правда тебе обещала. Я же любила тебя, понимаешь, любила! И знала, что если бы у тебя был сын, ты был бы счастливее, и, если бы я была чуть умнее, ты был бы счастливее. Но я старалась тебя порадовать, как могла. Но ты был прав. Во всем прав. До ненависти прав. Все сорвалось. И бабой я была никудашной, и время уходило. И готовить, и стирать, и его работа, и моя учеба. И тема не шла. И времени на нее не было. И он все терпел. Но я – то знала, что не такая ему нужна жена. Мать его, знаешь, как готовила? А, ты же ни разу с ними после свадьбы за один стол не сел. Мастерница на все руки. А я – все валилось, все никак. И даже матери не позвонишь, не спросишь, что с этой курицей несчастной делать. Ты же узнаешь. Узнаешь. Непременно. Он ел переваренное мясо, пересоленные макароны и улыбался. Я все ему обещала, что научусь. А он шутил, что и так сыт. Говорил, пиши свою докторскую, если так надо. Он не понимал, совсем не понимал. А я

terrorizzata e avevo paura di dirti che lo avevo incontrato e che mi aveva chiesto di sposarlo. Mentre lei si avvicinò a me e mi disse: «Non avere paura, portarlo. Tuo padre non lo mangerà». Non lo mangiasti, lo inghiottisti. «Traduttore, dici? Italiano, vale a dire... E, spagnolo, scusa a noi vecchi ci basta il nostro. Tutto ciò perché vi sforzate, eppure non trovate un posto di lavoro per voi stessi. Lavori? La tua disciplina non è scientifica, non danno una qualifica?». Per te c'era una sola disciplina: la medicina. Noi avevamo te: un venerabile, onorato, chirurgo per dono di Dio. Amavi più di tutto le tue mani... Più di me, della mamma. Cosa amavi lì, oltre a loro? Eri un chirurgo da ricercare, ma nell'ospedale più grande non ti assunsero. So che ciò rimuginava in te, semplicemente ti rodeva. Evitavi persino quell'ospedale e non invitavi più da noi lo zio Stepan. Era più giovane di te di un anno. Ah no, tu dicevi sempre «minore», ma ottenne più successo di te. Sposò la figlia di un primario e lui stesso divenne uno dei capi. Tu, invece, rimanesti nell'ospedale del nostro quartiere. Soltanto per qualche ragione tu non parlavi mai a lui di ciò, ma di tutti i tuoi titoli di studio e dei tuoi riconoscimenti.

«Quali lingue sai? Puah. È necessario aiutare gli uomini! Ecco tutto!». Quando lui uscì, mi guardasti e prorompesti: «Ecco anche te sei uscita di testa, donna!» E persino senza “puah”, non ne ero degna, giusto? Allora, è vero, non ero in me. Mi ero innamorata. Riflettevo, ero cresciuta e mi sembrava che tu avessi torto. Infatti, dopotutto c'era qualcuno che aveva deciso di sposarmi e persino mi amava. Pensavo: ce la farò a fare tutto. A essere sposata e non diventare una donna. Sopportai persino la tua isteria quando al posto di chirurgia passai a psichiatria. Come gridavi, ti usciva la schiuma dalla rabbia, un oceano. Non un rispettabile medico! Sì, mi sposai pure. Tutto a un tratto me ne andai. Venisti al matrimonio, solo perché non spettegolarono. Ma ricordi il nostro patto? Io sarei diventata psichiatra, ma assolutamente con il titolo accademico di Dottore in Scienze. Tu ti arrabbiavi e ti lamentavi del fatto che io, donna, ti ingannassi, ma non era così. Te l'avevo davvero promesso. Io ti volevo bene, capisci, ti volevo bene! Sapevo anche che se tu avessi avuto un figlio, saresti stato più felice. Sapevo che se io fossi stata un po' più intelligente, saresti stato più felice. Eppure, io cercavo di renderti contento come potevo. Ma avevi ragione. Avevi ragione su tutto. Avevi ragione da far arrabbiare. Tutto andò in frantumi. Ero una donna inutile e il tempo passava. Cucinare, lavare, il suo lavoro e

писала. Пыталась. А на двадцатой странице случился второй с половиной месяц. Он радовался, а я плакала. Он, было, подумал, что это я от счастья, а когда понял... Когда понял... Ты бы видел его лицо. Ты был прав, мы совсем не подходили друг другу. А потом и мама умерла. Помнишь? К счастью, твое «тьфу» не вырвалось при гостях. Сколько там пришло? Шестеро? И все же кто-то пришел. И все было бы хорошо, если бы он не вздумал утешить тебя радостной вестью. «У нас с Леной малыш будет». Да мне же тогда выброситься из окна хотелось! Как же я ненавидела вас обоих. И его, и тебя. Я бы выбросилась. Но не на маминых же похоронах. А ты был бы и рад, все лучше, чем это. «Баба она и есть баба. Знал, что ничего из тебя не выйдет. А она... Она даже сына не...» И запнулся. Кашель взял тебя за горло. И поделом. Надо было тебе ругать ее даже после смерти. Но я-то знаю, это ты был такой храбрый, пока она была рядом. А как вернулись с кладбища, ушел в кабинет свой и закрылся. Надеюсь, ты плакал. Я буду думать, что ты плакал. Я ведь тоже плакала. И еще кричала, когда рожала Свету. А ты даже не пришел в роддом. Ни разу. А потом взял и умер. Ты ведь проклинал меня перед смертью, да? Проклинал же? А все-таки ты был прав. Мы же и разошлись потом. И готовить я не научилась, и за Светой не так смотрела, и вообще... Мне много чего Верка рассказывала о его молодой напарнице. Они вместе на синхроне часто работали. Не вытерпел. И хорошо, что не вытерпел. Так было лучше для всех. И Света еще маленькая была, и я уже выросла. Видишь? Выросла. И докторскую защитила. Сегодня отмечаем. Я почему к тебе не приходила. Хотела прийти не так, не с пустыми руками. Видишь, что здесь написано? «Елена Павловна Улич – доктор медицинских наук». Твоя фамилия. Ты был бы рад, правда? И Света у меня умненькая, куда умнее меня. Еще дальше пойдет. Ты зря не захотел посмотреть на нее перед смертью. Хотя бы раз. Я же звала тебя. Страшно было, а звала. Она теперь тоже с твоей фамилией. Ты еще будешь гордиться ей. Больше, чем мной. Видишь, не надо было так рано. Не надо было так рано уходить. А все потому, что сердился себе и бурчал. Нет чтобы еще хоть... Я бы доказала тебя, что ты был не прав. И мама. Маму жаль. До сих не могу забыть. И почему только ты не ушел тогда на работу? Хотя, что я ругаю тебя? Сама ничем не лучше. Ничем. Света будет лучше. Куда лучше. Это просто я не умею. А она лучше. Иногда мне хочется обнять ее, а потом как поду-

i miei studi. E il tema della tesi non procedeva. E non c'era tempo per esso. E lui sopportava tutto. Ma sapevo che lui non aveva bisogno di una moglie così. Sua madre sai come cucinava? Ma tu neanche una volta ti sedesti a un tavolo con loro dopo il matrimonio. Una tuttofare. Invece, io: tutto cadeva e niente veniva bene. Non chiamerai nemmeno la mamma, non chiederai cosa c'è che non va in questo sventurato pollo da cucinare. Lo saprai. Lo saprai. Certamente. Lui mangiava carne troppo cotta, pasta salata e sorrideva. Gli promettevo che avrei imparato. Lui scherzava, affermando che anche così era sazio. Diceva, scrivi la tua tesi, se così devi. Lui non capiva, non capiva affatto. Mentre io scrivevo. Ci provavo. Ma alla ventesima pagina ero al secondo mese e mezzo. Lui gioiva, mentre io piangevo. Lui pensò che piangessi per la gioia, ma quando capì... Quando capì... Avresti dovuto vedere il suo volto. Avevi ragione, non eravamo affatto fatti l'uno per l'altra. E poi anche la mamma morì. Ricordi? Per fortuna, il tuo "puah" non esplose davanti agli ospiti. Quanti ne vennero? Sei? Eppure, qualcuno venne. Tutto sarebbe andato bene se a lui non fosse venuto in mente di rincuorarti con la lieta notizia «Io e Lena avremo un bambino». Sì, in quel momento avrei voluto buttarmi dalla finestra! Come vi odiavo entrambi. Tu e lui. Mi sarei buttata. Ma non ai funerali della mamma. E tu saresti stato felice, tutto sarebbe stato meglio di questo. «Una donna è una donna. Sapevo che non sarebbe venuto fuori niente da te. E lei... Lei persino un figlio non è riuscita a...». Esitasti pure. La tosse ti prese alla gola. Giustamente. Dovevi rimproverarla anche dopo la sua morte. Ma so che tu eri così arditamente finché lei ti fu accanto. Quando tornammo dal cimitero, andasti nel tuo ufficio e ti chiudesti dentro. Spero che tu abbia pianto. Penserò che tu abbia pianto. Infatti, anche io piangevo. Inoltre, gridavo quando partorii Sveta. Tu neanche venisti alla clinica ostetrica. Non subito. Poi tutto a un tratto sei morto. Mi maledicevi prima di morire, vero? Mi maledicevi? Eppure, avevi ragione. Dopo ci separammo. Non imparai a cucinare e non mi occupavo di Sveta e, in generale... Verka mi parlava molto della sua giovane partner. Loro spesso lavoravano insieme alla traduzione simultanea. Non sopportò. E fu un bene che non sopportò. Così fu meglio per tutti. Sveta era ancora piccola e io ero già cresciuta. Vedi? Sono cresciuta. Ho anche discusso la mia tesi. Oggi festeggiamo. Perché non sono venuta da te. Non volevo venire così, a mani vuote. Vedi cosa c'è scritto qui? «Elena Pavlovna Ulič: Dottore in Scienze Mediche». Il tuo

маю, что все испорчу. Не хочу, понимаешь, не хочу, чтобы она страдала из-за меня. Мать-то я никудашная. А ты все – «баба», «баба». А вот и не баба. Доктор наук! Прости, телефон звонит. Да, Верочка, я уже еду, я просто в магазин за цветами заскочила. Сама купишь? Да, я скоро. Скажи Свете, пусть бокалы еще раз протрет. Да, да. Мне пора, пап. Я... я еще приду. Я просто... просто... Хотя ты же все равно не слышишь, я знаю. Знаю... Иначе давно бы уже отругал.

cognome. Saresti felice, vero? E ho Sveta che è intelligente, molto più intelligente di me. Andrà lontano. Inutilmente non hai voluto guardarla prima di morire. Almeno una volta. Ti chiamavo. Era spaventoso, ma ti chiamavo. Adesso anche lei porta il tuo cognome. Sarai ancora fiero di lei. Più che di me. Vedi, non c'era bisogno così presto. Non c'era bisogno di andarsene così presto. E tutto perché eri arrabbiato con te stesso e brontolavi. Non ancora almeno... Avrei voluto dimostrarti che non avevi ragione. E la mamma. Mi dispiace per la mamma. Tutt'ora non posso dimenticare. E perché solo non uscisti per andare al lavoro quella volta? Anche se, cosa ti rimprovero? Io stessa non sono migliore in niente. In niente. Sveta sarà migliore. Molto migliore. Semplicemente io non ci riesco. Ma lei è migliore. A volte ho voglia di abbracciarla, ma poi penso che rovinerò tutto. Non voglio, capisci, non voglio che lei soffra a causa mia. Sono una madre inutile. E tu sempre: «donna», «donna». Ecco, qui non c'è una donna. C'è un Dottore in Scienze! Scusa, squilla il telefono. Sì, Veročka, sto già arrivando. Ho fatto solo un salto al negozio per comprare i fiori. Li compri da sola? Sì, arrivo presto. Di' a Sveta di lucidare i calici un'altra volta. Sì, sì. Devo andare, papà. Io... io verrò ancora. Io semplicemente... semplicemente... Anche se comunque non senti, io so. Io so... Altrimenti mi avresti rimproverato molto tempo fa.

Отзыв о рассказе

Рассказ Марии Рыбальченко – это обращение взрослой женщины к умершему отцу. Часто ли человек говорит с умершими близкими? Мы знаем, что это происходит настолько часто, что сама тема этого текста может восприниматься как обыденная, но ее частотность не сможет ни лишить ее трагизма, ни снизить его градус. Но всякий раз, открывая текст, написанный на самые обыденные темы (о любви и смерти), боишься тривиального разрешения и ждешь – нового.

В «Монолог Елены Павловны» есть новизна разрешения темы. Дочь произносит свой текст с позиции взрослого человека, доктора наук, которым стала в угоду отцу-деспоту: «Видишь, не надо было так рано. Не надо было так рано уходить». Мы понимаем, что ее детская обида не повзрослеет, и видим, что, стоя у могилы отца, с дипломом доктора наук в руках, дочь продолжает бояться, что он отругает ее и пытается «превентивно» рассказать ему о себе так, чтобы он остался доволен. Новая этика, которая уже начала отражаться в современной молодой литературе, фиксируется в том числе и на посттравматическом состоянии взрослого человека, который в детстве был подавлен взрослым. Но помимо этого, в качестве отдельной удачи хочется отметить довольно гармоничное сочетание позиций новой этики с общечеловеческими и неискореняемыми началами: сиротство и потеря всегда будут ощущаться как боль, даже если умерший был типичным домашним тираном, портрет которого очень точно, без излишеств и гротеска, дан в рассказе.

Стиль этого текста очень хорош: он сочетает и жалобу, и речевую монотонность и горечь. От этого он делается настолько естественным, что это создает у читателя ощущение присутствия, подслушанной кладбищенской мольбы.

Героиня рассказа, вопреки ожиданиям, не выглядит как абсолютно сломленный человек. И в этом тоже состоит несомненная удача автора, иначе рассказ был бы слишком ограничен своей прямолинейностью и клишированностью развития темы. Эта надежда на достоинство выражена в ее отношениях с дочерью, которую Елена Павловна просто любит обычной материнской любовью, а этот дар – ценнее всех дипломов в мире.

Елена Пастернак

Nota critica

Il racconto di Marija Rybal'čenko è l'appello di una donna adulta al padre defunto. L'uomo parla spesso con i cari defunti? Sappiamo che ciò accade abbastanza spesso e che lo stesso tema di questo testo può essere considerato come consueto. Tuttavia, la sua frequenza non può né togliere la tragicità né ridurre la forza di questo argomento. Eppure, ogni volta, aprendo un testo scritto sui temi più comuni (sull'amore e sulla morte), hai paura di trovarti di fronte a una trattazione triviale degli stessi e aspetti qualcosa di nuovo.

Ne *Il monologo di Elena Pavlovna* c'è questa novità nello sviluppo del tema. La figlia pronuncia il suo monologo da persona adulta, insignita del prestigioso titolo accademico russo di Dottore in Scienze, ottenuto per compiacere il padre-despota: «Vedi, non c'era bisogno così presto. Non c'era bisogno di andarsene così presto». Capiamo che il suo risentimento infantile non maturerà mai. Inoltre vediamo che, stando in piedi presso la tomba del padre con il diploma di Dottore in Scienze nelle mani, la figlia continua a temere che lui la sgridi e tenta "preventivamente" di parlargli di sé in modo che lui ne rimanga soddisfatto.

La nuova etica, che già ha iniziato a riflettersi sulla letteratura contemporanea dei giovani, si concentra tra l'altro anche sulla condizione post-traumatica dell'uomo maturo che durante l'infanzia è stato oppresso da un adulto. Oltre a questo, però, vorrei sottolineare che un altro pregio è l'alquanto armonica combinazione della posizione della nuova etica con dei principi universali e ineliminabili: l'orfanità e la perdita saranno sempre avvertiti come dolore, persino se il morto era un tipico tiranno domestico, il cui ritratto è dato molto precisamente nel racconto, senza fronzoli o cadere nel grottesco.

Lo stile di questo testo è molto efficace: unisce il lamento, la monotonia del discorso e l'amarezza. Ciò lo rende così naturale da dare al lettore un senso di presenza e la sensazione di una supplica cimiteriale ascoltata. Contrariamente alle aspettative, l'eroina del racconto non appare come una persona completamente distrutta. Anche in questo consiste un indubbio merito dell'autore. Altrimenti, il racconto sarebbe risultato troppo limitato dalla sua semplicità e dal cliché dello sviluppo del tema. Questa speranza di essere degna è espressa nel rapporto con la figlia, che Elena Pavlovna ama semplicemente con il tipico amore materno e questo dono è più prezioso di qualsiasi diploma al mondo.

Elena Pasternak

Биография

Мария Рыбальченко окончила Южный федеральный университет по направлению «зарубежная филология», изучала испанский язык и литературу. Пишет с двенадцати лет, в основном крупную прозу. В 2020 г. попала в шорт-лист всероссийского литературно-издательского форума «Авторизация – 2020». В сборнике форума был напечатан отрывок ее романа «Соль значит солнце».

Biografia

Marija Rybal'čenko si è laureata presso l'Università Federale Meridionale in Filologia straniera. Ha studiato lingua e letteratura spagnola. Scrive dall'età di dodici anni, principalmente narrativa. Nel 2020 è entrata nella short list del Forum letterario e editoriale russo «Avtorizacija - 2020». Nella raccolta del Forum è stato pubblicato un estratto del suo romanzo *Sale vale a dire sole*.

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Federico Borrelli

Федерико Боррелли

Luca Cortesi

Лука Кортези

Federica Ruggeri

Федерика Руджери

Giulia Sorrentino

Джулия Соррентино

Rebecca Gigli

Ребекка Джильи

Federico Borrelli è nato a Roma nel 1990. Si è appassionato alla cultura russa sin dall'ultimo anno del liceo, seguendo i corsi di lingua presso l'Istituto di cultura e lingua russa di Roma. Laureatosi alla Sapienza in Lingue e civiltà orientali nel 2015, si è specializzato presso l'Università degli Studi Internazionali di Roma in traduzione russa discutendo nel 2018 una tesi sulla traduzione dell'opera *Vor, špion i ubijca* di Jurij Bujda. Dal 2018 al 2020 ha lavorato per un'azienda commerciale in cui è stato responsabile di gestione, traduzione e revisione di pagine web. Attualmente è traduttore freelancer.

Федерико Боррелли родился в Риме в 1990 г. Увлёкся русской культурой в старших классах лицея, после языковых курсов в Институте русского языка и культуры в Риме. В 2015 г. окончил Римский университет «Сапьенца» по специальности «восточные языки и цивилизации». Продолжил обучение в Университете международных исследований в Риме по специальности перевод (русский язык), в 2018 г. защитил дипломную работу по переводу романа Юрия Буйды «Вор, шпион и убийца». С 2018 по 2020 г. работал в торговой компании, где занимался созданием, переводом и редактированием веб-страниц. В настоящее время переводчик-фрилансер.

Luca Cortesi è nato a Bergamo nel 1990. Ha conseguito il titolo di Dottore di ricerca in Letteratura russa presso l'Università Ca' Foscari di Venezia, con una tesi sulla prosa non-fiction del poeta russo Velimir Chlebnikov. I suoi ambiti di ricerca comprendono le poetiche delle avanguardie russe di inizio Novecento, la prosa del primo terzo del XX secolo e le relazioni tra futurismo italiano e russo.

Лука Кортези родился в Бергамо в 1990 г. Получил в Венецианском университете «Ка 'Фоскари» докторскую степень, защитив диссертацию по прозе Велимира Хлебникова. Сфера научных интересов – поэтика русского авангарда начала XX века, проза первой трети XX века, взаимоотношения итальянского и русского футуризма.

Federica Ruggeri è nata a Maglie nel 1996. È studentessa al secondo anno del corso di laurea magistrale in “Teoria dell’insegnamento del russo come lingua straniera” (РКИ), presso l’Università Statale Linguistica di Mosca in seguito alla vincita di una borsa di studio statale. Il suo lavoro di ricerca nell’ateneo moscovita è incentrato sugli errori linguistici più comuni compiuti da studenti italiani ad un livello intermedio. Attualmente concorre per una seconda borsa di studio per il successivo percorso di dottorato.

Федерика Руджери родилась в Малье в 1996 г. Получила грант для стажировки в России и теперь учится на втором курсе магистратуры Московского государственного лингвистического университета по специальности «теория преподавания русского как иностранного» (РКИ). Занимается исследованием наиболее распространенных языковых ошибок, которые допускают итальянские студенты, владеющие русским языком на среднем уровне. Планирует продолжить обучение в аспирантуре.

Giulia Sorrentino è nata a La Spezia nel 1987. Dopo aver conseguito la laurea triennale in Teorie e tecniche della mediazione interlinguistica presso l'Università di Genova, si è specializzata in Traduzione letteraria e saggistica presso l'Università di Pisa. Ha partecipato a diversi scambi universitari con la Russia, tra cui uno all'Istituto letterario A.M. Gor'kij di Mosca. Si è laureata con una tesi sulla traduzione della letteratura per bambini, e in particolare sulle opere di Grigorij Bencionovič Oster. Successivamente si è dedicata all'insegnamento dell'italiano per stranieri.

Джулия Соррентино родилась в Специи в 1987 г. Три года обучалась в Генуэзском университете по специальности «теория и техника межъязыкового посредничества», затем прошла подготовку в Пизанском университете по специальности «перевод литературных и научных текстов». Несколько раз приезжала в Россию по программам студенческого обмена, в том числе в Литературный институт имени А. М. Горького. Защитила диссертацию по переводу детской литературы, в частности, произведений Григория Остера. В настоящее время преподает итальянский язык иностранцам.

Rebecca Gigli è nata nel 1994 tra le colline toscane. Dopo la laurea triennale in Lingue, letterature e culture artistiche europee presso l'Università di Pisa, nel 2018 ha concluso la laurea magistrale in Letterature e filologie euroamericane presso lo stesso Ateneo. La passione per le culture e le letterature slave l'hanno portata a fare esperienze di studio all'estero in Russia e in Bulgaria. Attualmente sta proseguendo i suoi studi con un dottorato di ricerca in Letteratura russa presso l'Università di Sofia «S. Clemente di Ocrida».

Ребекка Джильи родилась в 1994 г. в холмистой Тоскане. Три года изучала европейские языки, литературу и художественную культуру в Пизанском университете, в 2018 г. там же получила диплом магистра по специальности «евро-американская литература и филология». Увлекаясь славянской литературой и культурой, стажировалась в России и Болгарии. В настоящее время пишет диссертацию по русской литературе в Софийском университете имени Святого Климента Охридского.

**ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»**

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun Ćimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna Ćurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3**Giovani narratori italiani**

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjučhova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьяндры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenčik

Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova

Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko

Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алесандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая
и Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala

Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni

Margarita Určeva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenčik

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6**Giovani narratori italiani**

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kuličichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbačëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyrëva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой писатель»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларики Сикари
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Маструццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Нозми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja
Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova
Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva
Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa
Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini
Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri
Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli
Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin
Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina
Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova
Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova
Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva
Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри

Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Татьяна Шабаетова, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской

Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой писатель»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис

Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москитты

Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки

Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья-Тальянти

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Nona edizione, 2018. Almanacco letterario 9**Giovani narratori italiani**

Ida Amlesù, traduzione in russo di Julija Galatenko

Matteo Anichini, traduzione in russo di Marija Titievskaja

Alice Magnoni, traduzione in russo di Anna Tigaj

Marta Vitale, traduzione in russo di Ekaterina Spirova

Giuseppe Zarrella, traduzione in russo di Julija Gimatova

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Alice Bravin

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Irina Michajlova, traduzione in italiano di Roberta Sala

Timur Sazonov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Federico Iocca

Giovani narratori dell'anno: Ida Amlesù e Irina Michajlova

Giovani traduttori dell'anno: Federico Iocca e Julija Gimatova

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой
Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой
Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой
Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой писатель»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья-Тальянти

Литературный альманах 9 – 2018 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Ирина Михайлова, перевод на итальянский язык Роберты Салы
Тимур Сазонов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Итальянские финалисты

Ида Амлезу́, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Маттео Аникини, перевод на русский язык Марии Титиевской
Аличе Маньони, перевод на русский язык Анны Тигай
Марта Витале, перевод на русский язык Екатерины Спировой
Джузеппе Дзаррелла, перевод на русский язык Юлии Гиматовой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Ирина Михайлова и Ида Амлезу́
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Юлия Гиматова и Федерико Йокка

Nona edizione, 2019. Almanacco letterario 10

Giovani narratori italiani

Daniele Dalle Nogare, traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Angelica Damiani, traduzione in russo di Elena Kožina

Riccardo Marin, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Paolo Steffan, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Lorenzo Vargas, traduzione in russo di Margarita Kuz'mičëva

Giovani narratori russi

Dmitrij Bosjačenko, traduzione in italiano di Emanuele Bero

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Andrej Ignat'ev, traduzione in italiano di Pier Brudaglio

Anastasija Terent'eva, traduzione in italiano di Martina Napolitano

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Giovani narratori dell'anno: Paolo Steffan e Galina Uzrjutova

Giovani traduttori dell'anno: Emanuele Bero e Svetlana Malinina

Undicesima edizione, 2020. Almanacco letterario 11

Giovani narratori italiani

Pier Franco Brandimarte traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Maria Chiara De Pascali traduzione in russo di Evgenija Litvin

Antonio Francesco Longo traduzione in russo di Elizaveta Kuznecova

Francesco Marangi traduzione in russo di Vladislava Syc'ëva

Sydney Vicidomini traduzione in russo di Anton Maraev

Литературный альманах 10 – 2019 год

Российские финалисты

Дмитрий Босяченко, перевод на русский язык Эмануэле Бери
Булат Ханов, перевод на русский язык Чинции Челоне
Андрей Игнатъев, перевод на русский язык Пьера Брудальо
Анастасия Терентьева, перевод на русский язык Мартины Наполитано
Галина Узрютова, перевод на русский язык Мартины Морабито

Итальянские финалисты

Даниэле Далле Ногаре, перевод на русский язык Станислава Лихоузова
Анджелика Дамиани, перевод на русский язык Елены Кожиной
Риккардо Марин, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Паоло Стеффан, перевод на русский язык Светланы Малининой
Лоренцо Варгас, перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой

Победители в номинации «Молодой писатель»: Галина Узрютова и Паоло Стеффан

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Малинина и Эмануэле Бери

Литературный альманах 11 – 2020 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Андреа Цоллера
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Чинции Челоне
Маргарита Каткова, перевод на итальянский язык Мартины Морабито
Антонина Малышева, перевод на итальянский язык Татьяны Лутеро
Александра Шалашова, перевод на итальянский язык Сидней Вичидомини

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Andrea Zoller

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Margarita Katkova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Antonina Malyševa, traduzione in italiano di Tatiana Lutero

Aleksandra Šalašova, traduzione in italiano di Sydney Vicidomini

Giovani narratori dell'anno: Maria Chiara De Pascali e Bulat Chanov

Giovani traduttori dell'anno: Cinzia Celone e Stanislav Lichouzov

Итальянские финалисты

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Станислава Лихоузова

Мария Кьяра Де Паскали, перевод на русский язык Евгении Литвин

Антонио Франческо Лонго, перевод на русский язык Елизаветы Кузнецовой

Франческо Маранджи, перевод на русский язык Владиславы Сычевой

Сидней Вичидомини, перевод на русский язык Антона Мараева

Победители в номинации «Молодой писатель»: Булат Ханов и Мария Кьяра Де Паскали

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Станислав Лихоузов и Чинция Челоне

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij
- 9 ALMANACCO LETTERARIO 12
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 29 Vladimir Grigor'ev
Agenzia Federale per la stampa e i mass media
- 33 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera
- 34 Raduga
Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori
- 36 Giuria italiana
- 39 Giuria russa

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 12
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 28 Владимир Григорьев
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
- 32 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 35 «Радуга»
Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков
- 36 Итальянское жюри
- 39 Российское жюри

43 GIOVANI NARRATORI ITALIANI

46 Giovanni Giamboni *Alba*

Traduzione in russo di Evgenija Litvin

60 Giuseppina Giordano *La pelle*

Traduzione in russo di Ol'ga Komarova

70 Giada Guassardo *La guerra dei Nasi*

Traduzione in russo di Ekaterina Panteleeva

84 Beatrice Salvioni *Avere fede*

Traduzione in russo di Vladislava Syčëva

98 Andrea Zancanaro *Oblío*

Traduzione in russo di Svetlana Smaleva

115 Giovani traduttori russi

- 43 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 47 Джованни Джамбони *Рассвет*
Перевод на русский язык Евгении Литвин
- 61 Джузеппина Джордано *Кожа*
Перевод на русский язык Ольги Комаровой
- 71 Джада Гуассардо *Война Носов*
Перевод на русский язык Екатерины Пантелеевой
- 85 Беатриче Сальвиони *Главное – верить*
Перевод на русский язык Владиславы Сычевой
- 99 Андреа Дзанканаро *Забвение*
Перевод на русский язык Светланы Смалевой
- 115 Молодые российские переводчики

- 121 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 125 Anna Berezovskaja *Il ricordo di generazione in generazione*
Traduzione in italiano di Federico Borrelli
- 139 Evgenija Kazanceva *L'uomo che sognava di vedere il Colosseo*
Traduzione in italiano di Luca Cortesi
- 155 Nadežda Laevskaja *Tata*
Traduzione in italiano di Federica Ruggeri
- 173 Artemij Leont'ev *Sono la tua mamma*
Traduzione in italiano di Giulia Sorrentino
- 189 Marija Rybal'čenko *Il monologo di Elena Pavlovna*
Traduzione in italiano di Rebecca Gigli
- 201 Giovani traduttori italiani
- 207 Albo d'oro del Premio Raduga

- 121 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 124 Анна Березовская *Память из рода в род*
Перевод на итальянский язык Федерико Боррелли
- 138 Евгения Казанцева *Человек, который мечтал увидеть Колизей*
Перевод на итальянский язык Луки Кортези
- 154 Надежда Лаевская *Тата*
Перевод на итальянский язык Федерики Руджери
- 172 Артемий Леонтьев *Я твоя мама*
Перевод на итальянский язык Джулии Соррентино
- 188 Мария Рыбальченко *Монолог Елены Павловны*
Перевод на итальянский язык Ребекки Джильи
- 201 Молодые итальянские переводчики
- 207 Победители и финалисты Премии «Радуга»

Almanacco letterario 12
Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di maggio 2021
da Unidea Srl, Via Casette 31
37024 Santa Maria di Negrar (Verona), Italia

Литературный альманах – Выпуск 12
Издательство «Познаём Евразию»
напечатано в мае 2021 года
Удинея, виа Казетте, 31
37024 Санта-Мария-ди-Неграр (Верона), Италия

CASA RUSSA
IN VERONA

РУССКИЙ ДОМ
В ВЕРОНЕ

федеральное агенство
по печати и массовым
коммуникациям

Associazione
conoscere
Eurasia

Литературный институт
им. А.М.Горького

con il sostegno di

БАНК ИНТЕЗА

МИР ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество)

con la partecipazione di

ФОНД РУССКИЙ МИР

ISBN 978-88-945332-4-8

9 788894 533248